

BRAVO
HE KPOHOT
MATOM

Владислав Жижома

В раю не кроют матом

2021

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж70

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Жижома Владислав

Ж70 В раю не кроют матом / Владислав Жижома. — [б. м.] :
[б. и.], 2021. — 308 с.
[б. н.]

Любовь, одиночество, страх, отчаянье, упорство, черный юмор, секс, запрещенное, исследования психологических тайн и реальности этого мира, выход в чистые воды.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Владислав Жижома, 2021
© Роман Агеенко, дизайн обложки, 2021

ДИСКЛЕЙМЕР

Эта книга является подарочным изданием сборника художественных рассказов и стихотворений в прозе, которые я написал для собственного удовольствия, и предназначается для лиц, старше 18 лет.

Внимание! В тексте содержится нецензурная лексика!

Все написанное здесь является строго художественным вымыслом, даже если в самом тексте утверждается обратное. Все совпадения абсолютно случайны, включая имена, прозвища, другие персональные данные, географические данные, но не ограничиваясь таковыми. Ничто из написанного здесь не может интерпретироваться, как пропаганда насилия, пьянства или наркомании, против которых автор решительно выступает, и/или нарушающее действующее законодательство, включая действующий УК ЛР, а также права человека, закрепленные в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека от 3 сентября 1953 года, или как-либо применяться во вред автору, самому читателю или другим людям.

Рассказы

Я СОБИРАЮСЬ ЧЕТВЕРТОВАТЬ ТЕБЯ, ДЕТКА

Увидев, как он схватил ее помаду и швырнул в угол, женщина пришла в себя.

— Джон, не смей трогать мою косметику! Что вообще происходит? Кто давал тебе право? Ты опять пьян?

— Ха-ха, детка! Я сейчас не более пьян, чем ты трезва! Хи-хи-хи. Но что ты понимаешь! Серая мышь!

— Что ты себе позволяешь, Джон? Кто разрешал тебе врывать в мою квартиру, бить стекла и мою косметику? Кто за это все будет платить? Уже два часа ночи, а ты врываешься ко мне в квартиру, бьешь мою косметику и ругаешь самыми низкими словами! Ты что, опять пьяный? Ты же говорил, что бросил!

— Я был глуп.

— Но мы же решили, что больше не будем встречаться. Ты же сам так решил, ты что, забыл?

Я не забываю даже то, чего никогда не знал. И чего ТЫ никогда не узнаешь.

— Ты о чем?

— А вот хрен тебе, детка! Где у тебя спички?

Молодая женщина старалась внимательно и жалостливо смотреть Джону в глаза, а Джон пытался держаться ровно и смотреть ей в глаза тоже. Отхлебнув из бутылки, Джон закрыл глаза, опустил голову на грудь и засопел, но как только она встала с кровати и опасно подошла к нему, тут же вскочил и почти радостно заорал, от чего та опять грохну-

лась на кровать:

— Ха, Бегги, да ты сука паршивая! Вот это да! Я всегда знал, что ты сука паршивая! Зачем ты встала с кровати? Ты же хотела ударить меня бутылкой по голове! Да? Ответь: да? Ты хотела убить меня, детка! Но за что? Ты хоть понимаешь, что я люблю тебя? Я люблю тебя, крошка! У меня, бля, вся шкура расползается при виде твоих ебанных глаз! Электрические импульсы, ты сечешь фишку?

— Но Джон, я тоже люблю тебя. Всегда любила. Несмотря на то, что ты такой... необузданный... и грубый... Ах, если бы ты не пил так много! Когда ты пьян, ты отвратителен. Ты грубишь, чего никогда не делаешь трезвым, а, впрочем, я не видела тебя трезвым уже года два. Помнишь, как мы познакомились? — Джон поставил бутылку на комод. — Как это было романтично! Стихи, кулисы, нас слушают, и это чувство... это божественное чувство...

— Заткнись, сука! — закричал Джон и схватил бутылку. — Ты никогда не любила меня! Ты... ты лед, ты камень, в тебе нет ничего человеческого, ты серая мышь! У тебя холодная кровь!

— Я не серая мышь, Джон! Я умею любить!

— Ты? Что за...

— Я СУМЕЮ ОБДАТЬ ТЕБЯ СВОИМ ЖАРКИМ ЖЕНСКИМ ОГНЕМ! — закричала Бегги, и Джонни выпучил глаза. — Ты поймешь меня, Джон. Ты просто не сумел еще понять меня!

— Молчать! — сказал Джон. — Что ты несешь? Еще одно слово и твоя заплесневелая от застоя манда разлетится в манду! Ты меня поняла?

Бегги села на кровать.

— Не сумел понять тебя... Ох, бля... Все вы так выпендриваетесь к чертям собачим. Только и знаешь, что читать свои идиотские книжки, посещать службы в церкви и сидеть в своей дурацкой библиотеке! Ты вся пропиталась этой гнилью. Ты пахнешь смертью, ясно? Все эти твои конструкции... Вся эта твоя так называемая вера... да ты сдашь меня

при первом же удобном случае!.. Я знаю... я чувствую... Но ничего, ничего... Где у тебя спички? Мне нужно закурить.

— Посмотри возле зеркала, — щеки Бегги пылали жаром.

— Ок.

Джон взял спички, прижег одну из своих дешевых сигарет. Что там она сказала? Не сумел понять ее? ОБДАСТ СВОИМ ЖАРКИМ ЖЕНСКИМ ОГНЕМ? С ума сойти!

— Джон... — начала было Бегги.

— Заткнись! — сказал Джон и как следует приложился к бутылке. — Ты должна умолять меня, чтоб я не сделал сейчас с тобой то, что собираюсь сделать.

— А что ты собираешься сделать? — спросила та.

— Бегги! — заорал Джон, вращая глазами. — Ты что, вообще не сечешь фишку?! Неужели ты не понимаешь, что я влюблен и опасен, а?!

Джон ударил ладонью по зеркалу, и раздался классный звук, что несказанно обрадовало его, и благодаря чему Бегги умоляюще посмотрела на него, и он глотнул и сказал:

— Я собираюсь четвертовать тебя, СЕРАЯ МЫШЬ!.. хи-хи-хи-хи!

— Джон, четвертования уже давно не применяются в цивилизованных странах. Это уже давно устарело. Что ты собираешься делать?

— Заткнись, бога ради! Я собираюсь четвертовать тебя, неужели непонятно? Чет-вер-то-вать, ясно?

— Да, Джон, — сказала Бегги с непонятной невыразимой нежностью и жалостью.

— Вот, молодец. Так-то лучше, хорошо, что ты сечешь фишку. Знание беды — с полхуя, не так ли? Так вот: я ставлю тебя курить сигареты. Да, для начала сойдет и это, — сказал Джон, — ты будешь пить мой вискарь и курить мои сигареты. Это будет началом, тебе понятно?

— Ты же знаешь, Джон, я не курю. И пью только шампанское, по праздникам.

— Правильно. В этом-то и состоит твое преступление. Ты грешишь против Истины и Красоты. Но что ты знаешь о них!

— Я знаю то, что это прекрасно, Джон... Это высшая правда жизни.

Джон помрачнел.

— Что ты сказала? «Высшая правда жизни», так? Вот это новость... Это что — цитата из мемуаров Блаженного Августина? Чертов католик!.. Не отвечай! Пей вискарь и прижигай. Держи спички.

Бегги встала, платье скрыло ее ноги, она подошла к Джону, Джон подвинул стул, Бегги села. Потом взяла сигарету в губы и наклонилась к горящей спичке, Джон держал спичку. Дым, дым, такой дым, интересно она понимает, какой именно это дым или нет? Затянувшись, Бегги выдохнула и недоуменно взглянула на Джона. Тот был очень серьезен.

— Нет, Бегги, детка... Все хорошо, конечно, ты молодец, но вдыхать надо в легкие... Это будет довольно-таки тяжело, но я уверен, ты научишься. Тебе понравится... Нет, подожди. Сначала глотни из бутылки.

— Я принесу стаканы, Джон.

— Никаких стаканов.

Бегги сделала осторожный глоток и поморщилась.

— Ничего, ничего... Держи сигарету... Молодец.

— Сейчас.

Бегги отпила еще из бутылки и сделала еще затяжку; она закашлялась и опять глотнула, а потом затянулась и потом опять глотнула, а потом поставила бутылку на стол, и в ней что-то бултыхнулось, но что??? просто ли это вискарь, вискарь, прекрасный вискарь, который продается за углом, где неоновые вывески, и кассирша стоит, и виски дешевый, и такой прекрасный виски и по такой дешевой цене или же что-то еще? а если что-то еще, то что? «Ох, бля...» — подумал Джон.

— Кури, кури... не останавливайся...

Закурив сам, Джон обвел взглядом комнату. Комод, зеркало, кровать, стол, пара стульев, холодильник — довольно убогая и дешевая комнатенка. Отлично! Джон сам живет в такой. Таких полно в дешевых кварталах Лос-Анжелеса. Но он бы не променял ее ни на какие хоромы. В хоромах он не пил бы. Не смог бы себе этого позволить. И курил бы, наверное, только дорогие сигареты, вроде Prince, ну что-нибудь в этом роде. Как он мог бы пить вискарь, если бы он не смог даже блевануть на пол, ведь на полу дорогие ковры и все такое прочее? Нет, такая комната — в самый раз. А у Бегги... Да, у Бегги просто не было хорошего проводника. Бегги должна будет это понять. Бегги поймет Поэзию. Поначалу ей будет трудно. Еще бы — переоценка всех ценностей, это вам не поссать сходить. Но потом она привыкнет и увидит Путь. Единовѣрный Путь. Обязательно увидит. Хотя черт ее, конечно, знает.

Библиотекарша.

— Тебе должно понравиться, детка... я сделаю из тебя... Ох...

Не договорив, Джон тягостно вздохнул. Бегги выдохнула дым и закашлялась. Джон встал, походил по комнате и взял, наконец, со столика какую-то штуковину.

— Что это? — сказал Джон.

— О, это? — Бегги неумело стряхнула пепел на блюдце для свечки. — Это Икона. Матерь Божья, Джон. Дева Мария. Если хочешь, я тебе расскажу...

Бегги держала сигарету в одной руке, бутылку в другой. Ее волосы были зачесаны назад, и глаза, да, это самое ужасное, ее глаза были как у библиотекарши. Даже сейчас.

— Она мать Иисуса, Джон, нашего Спасителя. Ты можешь спросить, как же она стала матерью, если была девой? Хм, так вот: ты не первый, кто это спрашивает. Многие не верят в это. Но в этом-то и заключается Чудо. Бог внес в ее чрево свое семя, и родился Иисус, которому суждено было стать нашим Спасителем...

— Ох, да кончай же ты все это дерьмо!

Бегги замолчала. Прошла минута.

— Ну, Джон? Мне еще нужно курить?..

— Да, кури. — сказал Джон.

Джон подошел к окну, раздвинул шторы и уперся лбом в стекло. На стекле появилось его отражение. А там, за отражением, на улице, — мерцает реклама закрытого магазина. Синие буквы. Они то горят, то тухнут. То они есть, то их нет. И так очень долго. Раз за разом. То горят, то тухнут.

— Джон... тут еще есть в бутылке. Мне выпить?

Джон выждал секунды четыре, повернулся к Бегги, взял у нее бутылку и как следует к ней приложился.

ДОЖДЬ ИЗ-ПОД КРАНА

Оно не похоже на остальные общежития — что в Каунасе, что в других городах. Оно мрачнее крематория, и стоит оно на холме. Кажется, раньше это была школа, древнее угрюмое здание в 3 этажа. На первый взгляд, сложно себе представить, как там можно жить и не сойти с ума. Однако жители там есть, как и везде, да и не более они сумасшедшие, чем в других местах. Дети так вообще играют себе на лужайке — если солнечно. А одна девочка всегда мне мило улыбалась, когда ставила велосипед у входа. У нее такая белая шапочка и розовая маечка с какой-то японской надписью. Чтобы добраться до общежития, приходится подниматься по длинной лестнице на холм, а потом по рощам, мимо гаражей, еще минут пятнадцать. В радиусе получасовой ходьбы есть только один маленький частный магазинчик. Я всегда в нем закупаюсь всем чем надо. А надо мне не так уж много. Я ничем не занимаюсь. Работа у меня точно такая же, как и я сам. Охрана, и мне все обрыдло. Я живу тут уже два года. Что поделаешь.

Тот вечер был зимним, а я возвращался после суточной смены домой. Коллега, который меня сменил, предложил выпить, но на этот раз я отказался. Женщина, с которой я связался, крайне отрицательно смотрела на мое пристрастие к алкоголю. А я и так уже чувствовал себя несчастным, потому решил, что протрезвев, я почувствую себя еще беспомощней. Потому выпил я только пару глотков — для очистки совести. И поехал домой. Я подошел к двери в ее

комнату и замер на пороге на какое-то время; ощущение тоски и беспомощности охватило меня. Как прекрасны были те времена, когда мне не приходилось работать! Да, я не устаю физически или умственно, на такой работе не устанешь, но 240 часов в месяц — это слишком. Особенно если понимаешь, что работа — не твой второй дом, *a сортир до краев наполненный дерьмом*. Раньше я выживал на 300 литов в месяц. Теперь мне не хватает и 1200. И дело даже не в женщине, просто отработав сутки, оставшиеся двое хочется провести как можно лучше. Вырвать у жизни все, что возможно. Это чревато многими проблемами, в том числе и денежными. Подумать только: раньше я мог находиться в компании, сидеть развалившись в кресле, пить, покуривать сигаретки и не вымолвить ни слова за весь вечер. А каким спокойным, каким вежливым я мог быть. Что со мной случилось? Это все женщина, все дело в этой женщине. Она имеет надо мной необъяснимую власть. Я зашел к ней в комнату и встал на пороге. Она лежала на кровати и читала журнал *FHM*. Ее ноги были прекрасны, как всегда. Жопа тоже. На ней была розовая маечка. Розовую маечку я ей еще мог простить, но журналы — никогда. На меня она не обратила ровным счетом никакого внимания. Ее жирная подруга, которую я ненавидел за то, что она, громко смеясь, всегда подозрительно смотрела на меня, втыкала сериал по литовскому каналу. Я глянул на экран. Красавчик Хулио был огорчен. У него там тоже что-то не ладилось с жизнью. «Все мы одинаковые», — решил я.

— Здравствуй, — сказал я ей.

— Здравствуй, — сказала она не отрываясь от журнала. Я не смог удержаться от клоунады.

— Не хочешь поцеловать своего славного парня?

Она положила палец на то место, где закончила читать, и сказала, мило улыбаясь:

— Влад, я очень устала...

«Ты хочешь сказать, что нам нужно отдохнуть друг от друга?», — услышал я голос Хулио из телевизора. Я хотел уже было повторить эту фразу, шутя, но она уже читала журнал дальше, и если бы я сказал ей ее, она бросила бы на меня растерянный взгляд и сказала бы: «Что ты имеешь ввиду?» И я бы поставил себя в дурацкое положение. Я промолчал, вздохнул и лег на пол. Оставить бы мне ее в покое на несколько дней, подумал я. Поменять работу. А, может, если повезет... и женщину? Сложный вопрос. Найти дешевую съемную квартиру. Переехать в другой город. Или страну. Италия вполне подойдет. А то веду себя часто как дурак, как будто у меня месячные каждый день. Мои проблемы касаются только меня одного. Она тут ни при чем. Помню, она даже сказала мне однажды:

— Ты какой-то подавленный стал, Влад. Как пришибленный. Я тебя знаю другим. Неужели это все из-за работы? Тебя она действительно так выматывает? Может, смени ее? Ты не хочешь выходить со мной в клубы или дискотеки... Был у меня такой парень однажды. Сидел сиднем, был скучный, как таракан. Я его, в конце концов, бросила... Или ты меня больше не любишь?

— Не шантажируй меня, — сказал я. — Мне это не нравится.

— Да я не шантажирую тебя! — сказала она.

Мы докурили сигареты в молчании... да, зафигачиваю я полторы ставки за гроши, но не в этом дело. я чувствую себя *больным*, что-то *потерявшим*, и я начал *зависеть* от нее. Женщины. Правда, это тоже мои проблемы, а не их. Но ничего не поделаешь. Страдать будут все равно одни мужчины. Женщины очень быстро отходят от страданий. Тут уж так мир устроен. И еще эти журналы... Они изгрызают меня изнутри. Может, я действительно просто очередной кретин? Работа, женщина. Как и у всех. Очередной кретин и баста. Написал ли я хоть пару строк после того, как с ней связался? Ну кроме того злоебучего любовного стихотворения в са-

мом начале, когда был еще счастлив и беззаботен? Я лежал на полу и глядел в потолок. Сериал знай себе шел. Она знай себе читала журнал. Я знай себе лежал на полу и смотрел в потолок. В конце концов, я начал петь, песня группы The Doors, которую я всегда пою в таких случаях. Это означает крайнюю тоску.

— *Can you... give me... sanctuary... I must find... a place... to hide... a place for me to... hide...*

У меня плохой музыкальный слух и звучу я, должно быть, презабавно, но, услышав слова этой песни, она неохотно отложила журнал, встала с кровати и уселась мне на пах. Обычное оружие женщины. Я перестал петь. Жирная подруга что-то сказала относительно сериала или Хулио. Она рассмеялась и тоже что-то сказала относительно сериала или Хулио. Они обменивались репликами относительно сериала или Хулио какое-то время, а я лежал себе дальше и думал о том, зачем же она села на меня: оттого, что ей стало меня действительно жаль или же оттого, что она вспомнила, что мы всегда «Порываем навсегда!», когда я вот так вот лежу на полу и пою эту треклятую песню? (такое случилось уже раза три.) Сложный вопрос. Неожиданно у меня *встал*, вернее как-то даже забавно *вскочил*, и эдак *проскользнул* ей по пояснице. Меня это развеселило, ее разозлило.

— УСПОКОЙ СВОЕГО ДРУЖКА! — попыталась пошутить она. Мне очень не понравилась ее интонация. Моя любимая женщина, с которой я сплю уже больше полугода, сказала мне это. Нехорошо. Ярость фейерверком говна хлынула из моей груди. Я встал и заорал:

— МАЛО, ЧТО Я ОТ ДРУГИХ ЭТО ПРЯЧУ! ЕІК ТУ НАСНУЈ!

Она смотрела на меня со страхом, удивлением, сожалением и долей отвращения. «Он напьется» — было написано у нее на лице. «Точно!» — было написано у меня. Подруга искоса поглядывала на то, что происходит. Потом она это обсудит с соседями. И поглядывать на меня будет еще более подозрительно. Я вышел вон. Добрался до своей комнаты

на том же этаже, разделся, допил пиво, оставленное славным соседом, лег в кровать, включил relax fm. Заиграл блюз. Я выключил relax fm. Я был не столько зол, сколько отчаян. В очередной раз я осознал, что мне полная жопа и что я не знаю, что с этим можно поделаться в принципе, вообще. Я перевернулся на другой бок. Не помогло. Сел на кровать. Закурил.

Я взял лист бумаги и ручку и начал писать: *«Все мы полны спеси. Проблема в том, что КАЖДЫЙ думает, что страдает БОЛЬШЕ. Но не думать так даже я не могу. Короче, у всех проблемы с женщи»* «БЛЯДЬ!» — заорал я. Я решил, что окончательно потерял стиль, скомкал лист и выбросил его в урну. Я снова лег и попытался расслабиться. У меня это плохо получалось и примерно полчаса я ворочался, как уж на сковородке. Почему она не приходит? Почему бы не прийти ей сейчас сюда и не заняться бы нам любовью? Она же знает, что только так она может меня успокоить. Она мне ничего не должна, конечно, но... а, черт. Я твердо решил не идти к ней. Лучше переждать, а там видно будет. Но почему она не идет? Вот это уже действительно странно. Может, до нее просто не доходит? Я закурил, потом вышел из комнаты, дошел по коридору до ее комнаты и остановился, глядя в дверь. Заходить или нет? Я зашел. Она все еще читала журнал *FHM*. Хулио потягивал апельсиновый сок, лежа на надувном матрасе в бассейне. Перед ним ходили божественные бразильские жопы. Я постоял так какое-то время, поглядывая то на Хулио, то на нее, потом взялся за дверную ручку, собираясь уходить.

— Зачем пришел? — спросила она, подняв на меня свои усталые глаза.

— Да черт его знает! — сказал я и вышел.

Я направился к себе. Если в ней есть хоть капелька мозгов или души, она обязательно придет, решил я. Ведь любит же, кажется, что бы это ни значило. Я лег на кровать и стал ждать, ворочаясь себе дальше. Я выглядел полным

кретином и прекрасно это понимал. Страшные мысли стали лезть ко мне в голову. Впрочем, я уже давно к ним привык. Я опять закурил. Мне нужно было выпить. Она все не появлялась. Капли дождя забарабанили по подоконнику, размывая чью-то блевотину. Наверное, соседа. В общем, блевотина размывалась, а я вообще люблю дождь. Дождь успокаивает. Только вот на этот раз одного мистера Дождя было недостаточно. Нужно было срочно выпить. Я взял щетку и принялся чистить туфли. У меня в последнее время появилась такая привычка. Она вряд ли продолжалась бы долго, но в тот момент мне нравилось это делать. Мне нравился сам факт того, что я, пребывая в комнате, в которой полнейший беспорядок, бутылки, окурки, хлам, объедки, пребывая в ужасе и сильном беспокойстве, аккуратно и не спеша чищу туфли с дымящейся сигаретой в зубах. На 75% это было самолюбованием. Может, больше. Я начистил их до блеска, повертел в руках, оглядел, удовлетворенно хмыкнул. Потом я не спеша оделся и вышел из комнаты. Мне нужно было поразмышлять, какого черта происходит в моей жизни. Для этого мне нужно было выпить. Моя жизнь — это сложный вопрос, а Каунас сам по себе располагает к сложным размышлениям, так как это город мертвый, мрачный и абсолютно лишенный смысла. Я вышел в коридор, прошел мимо ее комнаты... Соседи-строители, столпившиеся у лестницы, были как обычно пьяны. Они о чем-то громко спорили. Мне нравилась в них одна вещь: они курили красные saint george. Я курил такие полгода, так как это самые дешевые сигареты, но, в связи с начавшимся бронхитом, бросил. Я направился в хорошо знакомый мне бар. Настроен я был, конечно же, решительно. Как и всегда в таких случаях, которые очень участились в последнее время. Выхода не было никакого, но вечер должен был быть лучше дня и это, пожалуй, главное. По крайней мере не более бессмысленное, чем все остальное. Я думал об этом, идя к бару под проливным дождем,

очень характерным для зимнего Каунаса, и мои туфли испачкались почти сразу. Настроен, как уже говорилось, я был решительно, но я почти плакал от беспомощности. Что бы ни пытался я делать, все было бессмысленным, все приносило боль. Оставалось только ждать лучших времен. Что я и делал, как умел. И как мог уметь. «Только бы не встретить никого из коллег», — думал я. «Водка, — подумал я, — мне нужна водка».

ДЖИН В БУТЫЛКЕ

Так вот, я зашел в магазин алкогольных напитков. И закупился пивом. 6 бутылок. Это были последние деньги. Их все равно не хватило бы до следующих. Я все равно парился бы. Так что я решил взять пива и не париться. Я вышел из магазина и пошел домой. Уже был вечер, и я чувствовал его волшебство. Я ощутил, будто бы я впервые в этом городе. Возможно, так оно и было. Я подошел к столбу, на котором недавно сделал пометку. И поискал ее. Ее там не было. Я огляделся по сторонам. Да нет, вроде Каунас. Вот черт. Я пожал плечами и пошел дальше.

— О-о, привет! — это был знакомый алкаш. Он всегда производил на меня впечатление волшебника. Он появлялся только тогда, когда я шел с бухлом или деньгами. А, впрочем, я и выхожу-то только в алкогольный.

— Привет. Хочешь выпить? — сказал я.

— Конечно. Но сегодня я пить не могу.

— Почему?

— Сегодня я пить не могу. Хи-хи-хи-хи-хи!..

— А я вот выпью.

— У меня для тебя кое-что есть! — он порывлся в своей куртке-комбинезоне. Потом он достал оттуда что-то похожее на бутылку. Только она была весьма и весьма странной формы. Странная бутылка. Или я ничего в них не смыслю.

— Держи.

— Что это?

— Джин!

— Джин?

— Ага. Исполняет все желания.

— Я знаю, — сказал я. Мы посмеялись. Потом он вдруг стал мрачным.

— Только ты поосторожней с ним, ладно?

— Да какая осторожность?

— Это очень опасный напиток. Но я думаю, что если ты сможешь контролировать ЭТО, то тебе понравится.

— Ладно. Спасибо. Я у тебя в долгу. Он махнул рукой и вдруг... исчез. Я огляделся по сторонам. Его нигде не было. Ну что ж, я пожал плечами и пошел дальше. Бутылка словно грела мне сердце. Сначала я подумал, что это мое воображение, но потом. В общем, потом я понял, что это не совсем мое воображение. Бутылка была холодной. Я поставил ее на асфальт. Сердцу стало холодней. И тоскливей. Хм, — подумал я. Потом бутылка сама прыгнула мне в руку. Хм, — опять подумал я. скажешь — не поверят. Я сам с трудом в это верил. Я ускорил шаг. Вскоре я уже был дома. Я поставил бутылку на стол. Пиво я спрятал в холодильник. Подождет. Что же это мне такое приготовил этот старый пердун? Я уселся на кровать и посмотрел на бутылку. Закурил.

Бутылка сверкала разноцветными глазами. Тьфу. Цветами. Я удивлялся все более и более. В конце концов, я открыл ее. И заглянул внутрь. Ничего особенного. Обыкновенный джин. Я налил себе стакан. Джин вел себя обыкновенно. Я выпил. Никаких странных эффектов. Старый пердун вздумал меня одурачить. Не выйдет. Я выключил свет, лег на кровать и закурил. На потолке мелькнул свет. Я вскочил. Врубил свет. В комнате никого не было. Я посмотрел в окно. Это было такси. То есть свет от фар такси. Что-то с нервами я в последнее время не в ладах, — подумал я и снова вырубил свет. И снова лег на кровать. Потом я по своему обыкновению принялся мечтать, думать, размышлять...

— Какого черта? — услышал я голос. Потом врубился свет.

— Какого черта? — закричал я. Прямо передо мной стоял Хемингуэй. В своем свитере. Бородка. Он недоуменно оглядывал комнату.

— Какого черта? — повторил он. — Где я? Ты кто такой?

— Я — хозяин этой комнаты, — сказал я. — А ты, должно быть, Хемингуэй.

— Да, он самый, сынок. У тебя есть что-нибудь выпить?

— Возьми пиво в холодильнике. Я сел за стол. И смотрел, как Хемингуэй вытаскивал все мое пиво. Он откупорил бутылку и сел за стол. Я предложил ему сигарету. Он отказался. Не курит.

— Так, а теперь давай подумаем, как я здесь оказался, — сказал он. — Я же вроде застрелился. Может, меня откачали, а потом засунули сюда? FBI, это все FBI. Да и ты на Американца не похож. У тебя ужасный прибалтийский акцент. Или русский. *ТЫ ЧТО, РУССКИЙ?*

— Да.

— А где мы?

— В Литве.

— В Литве?? Какого черта я делаю в Литве?

— Это я у тебя хотел спросить, — сказал я.

Он нахмурился. Потом снял свитер. Положил его на холодильник. Сел за стол. Выпил пива. Потом вышел из комнаты. Через несколько минут раздался хлопок. Меня это не удивило. Откуда только он достал оружие? Я полежал на кровати, подумал, подумал, а потом я решил пойти поссать. Да, его мозги были на стенке в толчке. Я поссал в другой кабинке. «Он мне оставил хороший свитер», — подумал я. Правда, никто так и не поверит, что это его. Скажут, что я сошел с ума. Возможно, будут правы. Бедный, бедный Хэм. Никак не может расслабиться, никак не может посмотреть на вещи проще. Лежит теперь в толчке, безмозглый.

Я вздохнул. Ну что ж, я выпил еще зелья. Я уже, кажется, понял, что к чему. Я подумал о Бодлере. Один из любимых моих поэтов. И что? Передо мной появился изящно одетый

человек. Он смотрел на стенку и, кажется, не понимал, что он и где он. Я потрогал его за плечо. Он никак не отреагировал. Я обошел его и взглянул на его лицо. Да, это был Шарль Бодлер. Мне стало грустно. Какой классный парень.

— Вы говорите по-английски? — осторожно сказал я. Он вздрогнул. Потом сказал что-то по-французски. Он оглядел меня. Измученное бледное лицо. Потом на его лице появился ужас. Он направил на меня револьвер.

— Э-э! Спокойно, Шарль, спокойно. Я не демон.

Не то, чтобы я боялся умереть — к тому же, это наверняка, почетно — погибнуть от руки такого прекрасного поэта, но мне почему-то не захотелось умирать так просто. Я как-то не был к этому готов. К тому же Хемингуэй выпил не все пиво. Он разобрал слово «демон», выронил револьвер из дрожащих рук. Потом он опустил голову на ладони и расплакался. Он говорил что-то по-французски. Потом он решительно выкрикнул мне что-то в лицо и вышел из комнаты. Я подождал его, попивая пиво, но он больше не возвращался. Ну что ж. Мы все равно вряд ли бы подружились. Ему — сам черт брат. А я — так, мальчик на побегушках. Я запер дверь и подумал о Буковски. Выпил зелья. И стал ждать его появления.

Вскоре он появился передо мной. Изрезанное морщинами лицо. Он огляделся и захихикал.

— А я думал, что меня уже нет. Но вот он я! Чарльз Буковски! — он опять захихикал. Потом задумался. Видно было, что он вовсе не так уж и рад, но годами выработанный юмор не мог покинуть его даже в такой ситуации. Я заговорил. Он внимательно меня выслушал. Я рассказал ему про Хемингуэя, про Бодлера. Он ухмылялся.

— Похоже на бред сумасшедшего, парень, но я тебе верю. К тому же у меня, похоже, нет другого выхода.

— Линда еще жива, — сообщил ему я.

— Хм, — сказал он. Мне понравилось, как он это сделал. Именно так я себе это и представлял. Это он научил меня

так хмыкать. Во всех смыслах. Только я говорю «гм» вместо «хм». Нельзя же копировать великого писателя.

— В этой дыре есть бухло? — спросил он.

— Да. Посмотри под столом.

Он достал пару бутылок.

— Так Линда, говоришь, жива?

— Ага.

— Наверное, старая уже потаскушка.

— Наверное.

— Жаль.

Пауза.

— Прикинь, Хэнк, — сказал я, — недавно она весь твой архив какой-то там библиотеке подарила.

— Наверное, Хантингтоновской, в Калифорнии.

— Может быть.

— Она любила туда ходить, — сказал он. — Смешно...

Мы пили пиво и курили сигареты. Шло время. Потом он сказал:

— Слушай, я так понял, с помощью этого зелья можно вызвать Мертвых Писателей?

— Да.

— Зелье-то твое, но прошу тебя, не вызывай Селина. Ни при каких обстоятельствах. Ты и так уже совершил ошибку с Бодлером.

— Да, я знаю, Хэнк. Как скажешь.

Он порылся в карманах.

— Я тут нашел пару десятков баксов. Ты вроде славный малый. Надо бы вискаря и парочку сигар. Ты кстати, чем вообще занимаешься?

— Я пытаюсь писать.

— Не пытайся.

— Ладно.

Он посмотрел на мое исхудалое лицо и воспаленные глаза и сказал:

— Да, надо вискаря.

— Ладно.

Я допил и вышел в магазин. Я взял два литра и четыре пачки сигар, еще четыре упаковки пива. Еле дотащил. Когда я зашел в комнату, Бук крутил радио. Найдя классический канал, он сделал погромче. Не слишком громко — как надо. Насколько я помню, играл Брамс. Или что-то, очень на Брамса похожее. Он разлил вискаря. Я закурил сигару. Потом мы выпили. Мы пили и почти не разговаривали. Прошло полчаса. В конце концов, он сказал:

— А-а, черт с ним, вызывай Селина! ИЛИ Я САМ, МАТЬ ТВОЮ, ЕГО ВЫЗОВУ!!!

— Ни хуя, — сказал я. Бук схватил зелье, я попытался отобрать. Старый алкоголик оказался слабее молодого, и он задыхаясь, сел на кровать.

— Ну черт с тобой, — сказал он.

— Ладно, — сказал я. — Щас вызову.

Я отпил зелья. Но о Селине что-то не думалось. Он был очень далеко от меня, и я никак не мог на нем сосредоточиться. Появился какой-то кучерявый сукин сын.

— Ах, да я все еще жив! Я знал, что я бессмертен! Шампанского сюда! — закричал он. — Шампанского!

— Ты кто такой? — спросил я подозрительно.

— Я — великий поэт, отец современного русского языка! Александр Пушкин! Молодой человек.

— Пошел нахуй отсюда! — закричал я в бешенстве. Я был в бешенстве. Это точно был не Пушкин!! Я вытолкнул за дверь этого лже-поэта. Он пошел читать стихи в другое место. Надеюсь, он понял, что здесь ему не место. Надеюсь, он вообще хоть что-нибудь понял. Хотя черт его знает. Насколько я слышал, его посылали везде. Это обрадовало меня. Не могу объяснить почему. Только какая-то старушенция приютила его, но я не хочу писать о ее страданиях. Бук ухмылялся. Он, конечно, Пушкина не читал, а я... может, я просто не хотел, чтобы у него сложилось неправильное впечатление о Русском Поэте? Ведь это точно был не Пушкин!

Ну что ж. На радостях я хлебнул изрядную дозу зелья. Я допил его до дна. И начал думать о разных странных вещах, и у меня плохо получалось контролировать ЭТО, и пропал Бук, и пропал Пушкин или его двойник, и пропало все. Мое сознание тоже. Я отрубился.

Первым делом, проснувшись, я надел свитер Хэма. Хороший свитер. Только все равно мне никто не поверит. Скажут, я сошел с ума. Да и черт с ними. Я приготовил себе супу и поел его. Поев супу, я посрал. Я часту сру, пребывая в похмеле. А потом я написал этот рассказ.

ЖОРЖЕТТ

Джонни как всегда сидел в своем кресле. За мебелирашку Джонни платил даже меньше, чем мог. Джонни был молодым и горячим. Джонни пил пиво. В холодильнике было два литра самогона.

Джонни был защищен от землетрясений и атомной войны.

— Джонни! — Жоржетт вбежала внутрь. — Джонни! Дверь была открыта! Я подумала, что...

Джонни оглядел Жоржетт. Прекрасные ноги в колготках, ах, вот бы их порвать, прекрасные туфельки на шпильках, она так грациозно бегают на них, правда бегают она редко, но что же заставило ее так внезапно вбежать сюда? Она так взволнована... Ее лицо пылает страстью, какой-то прекрасной невинностью, а эту страстную невинность чувства так редко видишь в женщинах... Джонни почувствовал, что возбуждается. Кровь бросилась ему в голову. Он глотнул пива.

— Джонни... — у нее черные волосы, но сейчас они немного растрепаны, а это еще лучше. Жоржетт всегда ему нравилась своей чистотой, он немного побаивался ее, Жоржетт. Она положила сумочку на кровать. — Джонни...

— В чем дело, детка?

— Меня прокляли родители, от меня отвернулись все. Я еле-еле нашла тебя... Ты всегда был для меня другом... Я всегда была убеждена в твоей честности... Джонни... Я спросила твой адрес у Барни.

«Барни», — подумал Джонни.

— Что случилось?

Она села на кровать и разрыдалась. Джонни уже не мог сдерживать себя. Ему уже давно не хватало женщины, настоящей женщины, ведь женщина — это огонь для сильных, нет, Джонни женщины никогда не наскучат, он знает, как себя с ними вести, Джонни знает, что нужно делать, чтобы все не было скучно. Он знает это СЕЙЧАС. Да мать вашу любовью МУЖИК это знает! По крайней мере Джонни знал это точно. Вот это да. Настоящая страсть. Господи. Джонни заморгал.

Она продолжала рыдать. Настоящий ангел. Без обмана. Джонни сел рядом и начал целовать ее волосы, глаза, губы, он задрал ей юбку и повалил ее на кровать. Она, казалось, ничего не понимала, только слабо отвечала на его поцелуи. Джонни расходился все более и более. Он начал раздеваться, Жоржетт вырвалась и простонала:

— Нет, Джон, нет! Нет... я не могу... я пришла к тебе как к другу... мне просто нужна была поддержка...

— Да успокойся же ты, наконец. В чем дело?

— Нет. Я больше не могу ничего говорить. Я пошла.

— Да куда же это ты пойдешь! Ты никуда отсюда не уйдешь!

Джонни преградил ей путь и запер дверь. Она вытерла слезы и ровно сказала:

— Открой дверь.

Черт, это сказала именно она. Она, которую он почему-то боится. Она же ребенок. Ведь он действительно ей кажется развращенным, грубым. Она слишком много смотрела аниме. Она слишком много смотрела кино. Слишком много японской культуры, слишком много японской музыки. Чертова Япония. Какого черта ты делаешь в Европе?

— Жоржетт, послушай...

— Открой дверь, Джонни.

Да, это сказала именно она, именно она, которой предназначалась эта фраза, им где-то вычитанная: «Некоторые

люди похожи на устриц: внутри все такое мягкое, розовое, нежное, но пока створки откроешь — с ума сойти можно». Он сказал это не ей, но на ней тогда было сосредоточено все его внимание. Он запомнил ее реакцию, то как она вспыхнула, как мило она улыбнулась — ну ангел, ни дать, ни взять. Ангел. Ни дать, ни взять. Почему ангелы не любят настоящих мужиков? Без говна? Черт, сложно в таких ситуациях оставаться мужиком и не потерять лица, не начать ей выдавать все это в лицо, не сказать наконец, что БОГ УМЕР. УМЕР БОГ, ДЕТКА, ОН ПОГИБ. ТЕПЕРЬ ВСЕ ПОДРУГОМУ. Как ты до сих пор этого не поняла? А? Ну что же мне с тобой делать, Жоржетт? Такая молодая, такая красивая, ты умеешь улыбаться, когда кто-то говорит тебе остроумные, действительно остроумные шутки. Ну что же мне с тобой делать?

Джонни открыл дверь и встал, прислонившись к двери.

— Если тебе нужны деньги, напиши мне письмо. У меня немного есть. Если тебе нужно место где жить, ты можешь жить здесь. Я даже разговаривать с тобой не буду.

— Нет, Джонни, дело не в жилье и не в деньгах... Прости меня... Пропусти.

Джонни пропустил. Она ушла. Он слышал, как стучали ее каблук, потом он видел, как она села в автобус... Джонни продолжал пить. Он был в ярости. «Чертовы женщины, чертовы женщины», — думал он и напивался все больше и больше. «Чертова Япония».

«Как я несчастна», — думала она и тихо плакала... несколько смущенных ангелов боялись ее утешать — просто витали сверху и переглядывались. На их лицах тоже была написана боль. Разразился гром, и это должна была быть первая весенняя гроза.

ЗАДНИЦА, СОТКАННАЯ ИЗ ЗВЕЗД

Ну что, думал я, опять прогуливаясь по Каунасу и разглядывая манекены в витринах, ну что, написал ты, ублюбок, пару неплохих рассказов за последнюю неделю и уже думаешь, что ты — Писатель? Какого черта ты вообще там себе думаешь? Видел Елинек или как там ее — баба нобелевку получила в позапрошлом году «за музыкальные переливы голосов и отголосков в романах и пьесах, которые с экстраординарным лингвистическим усердием раскрывают абсурдность социальных клише и их поработощающей силы». Тра-ля-ля. Обычное феминистическое говно. Ты читал ее? Были там музыкальные переливы? А у тебя что есть, говнюк? Душа? А в ней нет? Хемингуэй со своей писательской болезнью, с которой он ничего не мог поделать, — а ты чем лучше? В том хоть воля была к «метафизике», в тебе и ее нет. Вот говнюк — так размышлял я, переживая одно из наихудших своих похмелий.

Дорогу мне перебежала кошка. «Хорошая примета, — подумал я, — скоро случится несчастье». Я осмотрелся. На лицах людей было примерно такое же выражение, что и, по моему предположению, у меня. Равнодушный идиотизм. Это так вписывалось в пасмурную погоду, что я стал еще пасмурней. Литовки.... Чертовы литовки. Ты надеялся найти в них мир, а нашел одну войну. Я сел на лавочку и начал лузгать только что купленные семечки. Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь... Восьмая попалась плохой. Девять, де-

сять, одиннадцать... И вот тут произошло НЕЧТО. Произошло ЧУДО. Я увидел... НЕЧТО. Я увидел... ЧУДО. Я не преувеличиваю. Я увидел... ЗАДНИЦУ. Подождите. Чтобы рассказывать ОБ ЭТОМ, нужно подготовиться. Мне нужно выпить и закурить... Итак, создать такое простое и совершенное произведение искусства может разве что сумасшедший. Эта богиня прошла мимо меня. Какая-то спортивная куртка, какие-то домашние штаны, вязанная шапочка, отсутствие косметики, глупое выражение лица. Она плыла мимо меня, и ее задница равномерно КОЛЫХАЛАСЬ, ПОКАЧИВАЛАСЬ, безумно простая плоть, и эти серые штанишки, и я уверен, что на ней не было трусов, потому что ни одна складка не мешала этому совершенству. Ни одна складка. Прекрасные округлости. Они сводили меня с ума. Невероятное блаженство. Сама истина была спрятана там, под этими серыми штанишками... Ничего подобного мне еще не доводилось видеть. Мое сердце забилось в восхищении. Я не мог поверить в свою удачу. Моя голова перестала болеть. Я встал и пошел следом, недоумевая, почему я — единственный, кто ЭТО видит, кто идет за ней следом. На глазах мужчин — песок. Она зашла в магазин косметики. Я стоял у входа и курил. Я думал о ней, я хотел на ней жениться, я хотел вырвать свою душу и кинуть ее ей в ноги, я был способен на все. Я думал о ее заднице. Я был блажен и просветлен. Я ждал. Она купила ШАМПУНЬ. Чек она выбросила уже на улице. Морщинистые кисти. Какое совершенство. Я подобрал чек. Да, она действительно купила шампунь, можете себе это представить? Какой-то детский шампунь. Интересно, она это для себя? Или для своего ребенка? Девочка? Мальчик? Ну, дети — не проблема, подумал я. Я пошел за ней следом. Больше она никуда не заходила. Мы остановились у остановки. Мы ожидали автобуса. Мы должны были ехать в одном автобусе и, если повезет, то она будет стоять ко мне спиной, а я буду сидеть на сиденье. Сзади нее. Созерцаю. Думая. О ее ЗАДНИЦЕ.

— Влад! — меня окликнули. Я сделал вид, будто не слышал.

— Влад! — она подошла ко мне и тронула за рукав. Я нехотя оглянулся. Симпатичная юбка, но что они понимают в хорошей одежде, хорошем теле? Накрашенные ногти. У той — обгрызенные, не чета тебе, подруга. Нет, ну не то, чтобы я был там каким-нибудь любителем обгрызенных ногтей, я, если честно, вообще не помню, какие у нее были ногти! Мечта ускользала прямо из-под моего носа, пойми-те!..

— Влад, нам нужно поговорить.

— Не могу. Я занят.

— Чем?..

— Я еду... в... библиотеку.

— Влад, это очень важно.

— Да не могу же я, сказал же! Не хочу, не могу, мне НЕЛЬЗЯ! Елинек получила нобелевку, мне надо увидеть ее произведения еще раз, понимаешь? Почему вы, женщины, вечно суетесь со своими проблемами к мужчинам, которые ни хрена в них не понимают? Что вообще происходит с миром?.. а?..

— Скажешь — как отрежешь, Влад.

Я замолчал. Кинул взгляд на задницу. Закурил. Подождал.

— Влад, ну это очень важно...

Черт. вот так всегда, с этими людьми.

— Ну ладно, давай, выкладывай...

Пока она говорила, я остолбенел. ЗАДНИЦЫ больше не было рядом. Она пропала, как если бы ее вообще не было. Исчезла. Сгинула в пропасть. Все. Я лихорадочно осмотрелся. Ее не было. Должно быть, села в автобус, пока меня отвлекали. Или в маршрутку. Какое несчастье. Она улизнула. Вот так всегда со мной, господи ты боже мой.

— ...ну и потом оказалось, что он врал. Я никак не могла в это поверить. Все это время он меня обманывал. Тебе не кажется, что все мужчины — козлы, Влад?

— Именно так.

Ее брови были печальными.

— Вот как это все грустно, Влад...

— Слушай, мне действительно пора. Я бы с удовольствием еще бы с тобой поболтал, но мне действительно нужно спешить.

Она пожала плечами:

— Иди.

Я пошел. Я шел, не оглядываясь. Что значил Гамлет в сравнении с моей трагедией? Он и яйца моего выеденного не стоил. Я прошел пару кварталов. Но все равно мне повезло. Я ее видел. Мало кому в жизни выпадала такая удача. А мне вот выпала. Как никому другому. Я сел на скамейку и продолжил щелкать семечки. Я вспоминал эту задницу. Мне было грустно. И хорошо. Светло и радостно. Возле моей лавочки собралась компания голубей. Я подкидывал им пищу. Они равнодушно пожирали ее. И срали. И что ж? Я закончил там же, где и начал. Но думать о хорошей заднице куда лучше, чем о Елинек, получившей нобелевскую премию «за музыкальные переливы голосов и отголосков в романах и пьесах, которые с экстраординарным лингвистическим усердием раскрывают абсурдность социальных клише и их порабощающей силы», тем более писать, как вы думаете? Впрочем, спустя некоторое время, я забыл эту задницу, как и миллион других хороших задниц, виденных мною.

ПОРТРЕТ

Вечер уже наступил, это был второй день без алкоголя. В первый я пил молоко, одной рукой держась за печень, и пытался уснуть. У меня это плохо получалось и, кажется, я бредил. Но второй был значительно лучше. Я погулял по городу, по улицам. ЛЮДИ ходили раза в три быстрее, чем я. Ясная погода, снег, все дела. Эти ЛЮДИ, такие забавные. Когда мой друг вышел из наркологической клиники, он так описывал свои ощущения: у тебя было три ноги, и тут тебе отрубили одну. Похожее ощущал и я. ЛЮДИ были такими сосредоточенными, такими интенсивными. Невероятно. Откуда у них только берется эта воля к жизни? Я им завидовал, немного, — и хихикал, как идиот. Ну так вот, вечер уже наступил, и я сидел в своей мебелированной комнате. Горела только одна лампа, другая перегорела месяца три назад, что затрудняло мое чтение. А, впрочем, я не хотел читать. На второй вечер я не был слишком-то почтительным с Бальзаком, которого полюбил за Люсьена, Коллена и нескольких очаровательных куртизанок. К чему эта почтительность, если все остальное — ну... не для меня? Впрочем, к таким произведениям Бальзака обыкновенно я отношусь с почтением, но только не сегодня, зачем? Сегодня, в этой комнате, где кроме меня, этого стола и банки фасоли, ничего не существует, и не должно быть ничего, внушающего почтение, кроме меня одного. Я прекрасно себя чувствовал. Уже около часа, наверное, меня не беспокоила боль в печени, и я с удовольствием затянулся сигареткой. Я с легкостью погрузился

в созерцание. От этой легкости я почувствовал волнение в груди, которое, впрочем, вскоре исчезло. Чертовы грубые мысли. Ну короче, чувствовал я себя превосходно. Не пить не так уж и плохо, подумал я.

— Кто там? — спросил я, услышав стук.

— Аделе, художница. Я хочу нарисовать твой портрет, помнишь?

— Да, — соврал я, — но я сейчас занят. Приходи через неделю.

— А чем ты занят?..

— Ну ладно, заходи.

Она зашла. Я вспомнил ее: это она была на той пьянке и именно ее пухлыми грудями я прельстился. Наши взгляды пересеклись... Насколько я помню, когда она напьется, то говорит низким вкрадчивым голосом, полным похоти. Это тоже меня прельстило — она отвратительна. Я боюсь прекрасных женщин. Наверное, по той же самой причине я боюсь оставаться трезвым более двух суток подряд.

— Слушай, а может, займемся чем-нибудь более подходящим, чем рисование портретов? Я уверен, портреты — не совсем по твоей части.

— Почему? — спросила она то ли похотливо, то ли недоуменно, и я схватил ее за задницу и поцеловал.

— Это еще что такое? — сказала она — и высвободилась.

— Что? Да я же тебя сейчас выебу! — сказал я гениальную фразу Бука. Я снова двинулся на нее, но споткнулся об эту чертову скамейку. И ушиб себе ногу. Как будто специально. Разрядил обстановку. Она расхохоталась.

— Ладно, мальчишка. Я дам тебе! — сказала она.

Она приняла соблазнительную позу и коварный вид (у нее не очень получилось), потом медленно сняла трусики и поманила меня к себе. Этого, как ни странно, я никак не ожидал. Я дернулся, как ошпаренный.

— Для тебя нет ничего святого! *Это ТЫ убиваешь дельфинов!* Прочь с глаз моих!

Я воспользовался ее замешательством и выпихнул ее за дверь, после чего повернул в замке ключ. Она стала барабанить и материться, чуть не плакать. Я включил чайник. Она не успокаивалась. «Труссы хоть отдай, подонок!» Ее труссы лежали на холодильнике. Это меня смягчило. Я открыл дверь.

— Ладно, Бог с тобой, отрываю от самого сердца... Во что же я буду дрочить сегодня? — я поднес ее трусики себе к носу, потом посмотрел на нее, и она уже не была исчадием ада — так, собрат по несчастью.

— Заходи. Не обращай внимания. Я псих.

Она все еще была возмущена, но я увлек ее в комнату.

— Хочешь чаю?...

Я снял с нее платье. Потом я увлек ее на кровать. Помог растегнуть ей лифчик. Когда она лежала на спине, ее груди не выглядели больше такими уж впечатляющими. Но меня это не смущало. Это были настоящие женские груди, черт побери! Я прекрасно себя в ней чувствовал. Вгонял и целовал ее, и покусывал ее груди. А потом кончил.

Потом я лежал на кровати, правым боком чувствуя батарею, а левым — жопу Аделе, и с наслаждением затягивался русской сигаретой.

Как-то получалось не сильно грузиться, и какое-то время это было хорошо, и я старался не задавать себе лишних вопросов.

«Аделе... честная шлюшка. Моя наложница. Дала своему хозяину, как и полагается. Молодец. За то и ценим мы ее...»

В конце концов, мне надоели эти фантазии, и я решил, что пора выпроваживать ее.

— Ну что ж, мне пора, — опередила меня она.

Ну что ж, от меня не требуется усилий, подумал я.

— А портрет нарисуешь как-нибудь потом, — сказал я, — хорошо?

— Ладно, — рассмеялась она.

— Я позвоню.

— Я думаю, нет, — отрезала она.

Я начал протестовать, уверять ее в том, что, конечно же, я позвоню, что за вопрос. Но мой голос звучал наигранно. В конце концов, мы простились, и за ней закрылась дверь. Только в эту секунду я осознал, как она была права. Это же не я такой крутой завоеватель. А это она позволила мне быть таким. *А я не хочу ее за это благодарить любовью!*

Я решил забить на обет трезвости и пошел купил литров восемь пива. Потом я включил радио и растянулся на скамейке. «Наверное, я не способен к большим чувствам», — думал я, попивая пиво. Не знаю, правда ли это, но на пятой бутылке мне стало легче это переносить, а на пятом литре — и подавно. Смеркалось. Из щелей дул ветер. Я пил пиво. Потом я долго разговаривал со своим отражением в зеркале — или оно со мной, — потом я танцевал голым на столе, изображая черта, потом я разбил свою единственную кружку (чай теперь я пью из банки), потом... да какая к черту разница?

Я выключил свет и пошел спать. Я положил ноги на батарею, и она грела меня, теплая батарея. Я уснул, и мне ничего не снилось, и это было славно, славно, славно, славно. Проснувшись, я снова пошел в магазин, за пивом. Небо было покрыто черными тучами, я шел и насвистывал мелодию — про черного кота, который там кому-то перебежал дорогу. Я шел по дороге, насвистывая эту мелодию, а черный кот сидел на бордюре и внимательно смотрел на меня.

— Все нормально, — сказал я. — все нормально, парень. Кот зевнул и отвернулся. Я ускорил шаг.

СИНИЙ ЕЗУС

Синий от тоски Езус прогуливался по Каунасу. Это было очередное похмелье, очередная прогулка. Погода была пасмурная, неплохая. Езус был синим от тоски. Возле одного из баров он остановился. На тротуаре стояли столики и занят был только один из них, за этим столиком сидели грузины. Они говорили по-грузински. «Люди выглядят умнее, когда ты не понимаешь, о чем они говорят», — подумал Езус в сердце своем. Порыв ветра опрокинул меню на тротуар, грузин поднял его. «Спасибо», — сказал Езус, и грузин ответил: «Не за что», — и во рту его блеснуло несколько золотых зубов. Ну что ж, почему бы и не выпить? Езус больше не чувствовал отвращения к барам, как когда-то раньше. Он заказал четыре по сто. «Если вино — кровь моя, то это — дух мой», — подумал Езус в сердце своем и выпил. Мимо проходили люди... Вот бизнесмен с кейсом, делая широкие шаги, спешит куда-то... Его лицо озабочено. Езус ухмыльнулся. Вот среди прочих — монашка. Ее лицо лишено эмоций, ее глаза лишены выражения, только кончики губ несколько приподняты. «А-а, говно», — подумал Езус. Он выпил еще сто.

— Послушай, — обратился к нему грузин. — У нас тут СИТУАЦИЯ. Мой брат женился. Ему было 27 лет, да? 27 лет, да? Он не мог уже жить один, сечешь? И священник их обвенчал. То есть брак на небесах, сечешь? То есть все. ЖОПА. И ОНИ ВСЕ РАВНО РАССТАЛИСЬ. Мой брат пришел к тому священнику разбираться. Священник по-

просил прощения. Я вот думаю, это из-за анального секса, а ты?

— Анальный секс? Мне нравится анальный секс, — сказал Езус.

— Ха-ха! Вот тебе бы быть священником! — расхохотался грузин.

— Да я вообще Езус, — сказал Езус.

— Иисус? Ты в этом уверен?

— Нет.

— Ну так и вот! — сказал грузин.

Езус выпил. Ветер опять опрокинул меню. Цветы в клумбах шевелились, тревожимые ветром и холодом. Пионы. Красиво. Тревожимые, тревожимые цветы. Езус скурил пару сигарет. Потом он зашел внутрь... Он заказал еще три по сто и положил деньги на стойку. Еще он взял кофе.

— Хорошо, — сказала барменша, оторвавшись от разговора. У нее были ясные веселые глаза, она мило улыбалась. Езус же сел за столик в углу.

«Кому это он оставил чаевые? Мне? Тебе?» «Не знаю... может, тебе?» «Да нет, при чем тут я, хи-хи-хи-хи» «Или мне...» «Ну не знаю, не знаю, хи-хи-хи-хи» Они с интересом разглядывали Езуса. У Езуса была красивая борода. Она всегда нравилась женщинам.

— Скажите, а кому вы оставили чаевые? — спросила барменша, встав в выгодную для себя позу. Езус оглядел ее груди. Барменша улыбнулась. Езус выпил. Потом сказал:

— Не помню.

Барменша фыркнула и ушла к подругам. Езус внезапно громко расхохотался. Потом, увидев, что к кофе ему принесли КОНФЕТКУ, он стал мрачным, как тысяча мрачных ночей. Он выпил еще и почувствовал, что уже порядком опьянел. Зайдя в туалет и поссав, он оперся о раковину и долго-долго смотрел в свои ясные глаза. Потом он хотел уже было искать гвозди, но вряд ли они оказались бы в этой дыре и идти в магазин не хотелось, и к черту это распятие, все

равно он не смог бы сам себя распять, но здесь нет даже крюка, веревки тоже нет, ничего нет, и истины тоже нет, и бога нет, вообще ни черта нет и как тут уйти в излюбленную им пустыню Востока, к тому же без визы, к тому же придется ГОВОРИТЬ с людьми, вот бляди такие, со своими мелкими божками, со своими идиотскими костелами, вечность, вечность, вечность, но какое это имеет значение??. Езус вернулся к столику и еще накатил. Он видел эту клумбу за стеклом, и цветы снаружи все так же шевелились, шевелились, шевелились, они были прекрасны, и Езус возлюбил их всем сердцем своим. На газоне, распластавшись, лежал кот. Он медленно подбирался к безмозглому голубю, чего-то там искавшему в траве, и, глядя на это, Езус разрыдался. Что-то, похожее на восхищение, овладело им.

СИНИЕ ПТИЦЫ

Каждая работа с которой уволился кажется такой далекой... У вас тоже, наверное, такое ощущение есть. Как будто это не вы, стояли там, за кассами, за конвейером, за столом, компьютером или на кухне... Где угодно. Никакого удовольствия вспоминать или думать обо всей этой бесовщине у меня обычно не бывает, но сейчас, несмотря на свое шаткое социальное и бедственное финансовое положение, я чувствую, что горизонты вновь раздвинулись, и мне ничего не страшно... Никаких горизонтов. Сегодня я... Копал землю... На даче... Крякал, вздыхал, сопел, пердел. Мне не платили за это денег... да и начальства не было... Я просто копал землю... Там будет расти морковь... Возможно, когда-нибудь на той вспаханной земле кто-то кого-то впервые полюбит, кто-то кого-то зачем-то убьет... ну, кошки там будут срать гораздо чаще — это точно. Вон их сколько, у соседей.

Я пишу это для собственного успокоения, думаю о женщинах и — обо всех этих коллегах, обо всех этих начальниках... о разном говне. Оно не выходит у меня из головы. Я же уволился неделю назад. А теперь думаю о том... О том, о сем.

Этот рабочий хаос... особенно бабы любят его наводить... при этом прячась за спины начальников... уродливых двигающихся чудовищ... они ответственные... они суетливы... значит якобы беспокоятся... значит якобы боятся... значит яко-

бы работают... какое дерьмо. Мне приходит на ум только один ответ на вопрос, зачем им это: они суки ебанные. А эти вопросы... особенно парни любят их задавать... «Эй, Влад... Ну как, работается?» «Хорошо быть поваром, да, Влад?» Интересно, что бы он еще спросил, если бы я вонзил ему нож в горло, которым в тот момент резал мясо? Я бы и вовсе ничего не ответил, но он бы переспросил — и тогда я за себя точно не ручаюсь. «Да, работается, чувак...» Есть еще рабочий флирт. Я не идиот, не импотент, не чмо и не гей, но я действительно его ненавижу и презираю. Официантка подмигивает, а ты задираешь ей юбку, и она убегает, хихикая... Надо было просто дать ей по роже, я так считаю... Так было бы проще... Простое увольнение и всеобщее осуждение... А так... Она подмигнула снова... А сама воняет потом... Забегалась вся, ну работа у нее такая, я-то понимаю, но флирт... Флирт. Вот этого я уже больше не понимаю, если когда-либо вообще понимал.

Есть еще начальство. Да хоть последнее... ладно, думал я тогда, жратва бесплатная, печешь себе пиццы, поебываешь себе официанток или посудомоек — и все... Ну да, флирт. Я сам себе противоречу, но куда уж безо всех этих противоречий: мы все из них сотканы, как и окружающий нас мир... поебываешь себе... посудомоек... о них я напишу как-нибудь отдельно... одна из них была очень хороша... ее фотография до сих пор лежит у меня на столе... ладно. Ну, думаю, пора идти на кухню... когда-нибудь доработаюсь до такого, что открою свой ресторанчик... лучший в мире... все будут счастливы в нем... И все такое... ах, да. Начальник. Посудомойка просто отвлекла мои мысли... Он выглядел мрачным и обозленным... не в тот момент конкретно, а вообще... это было написано у него на лице... один из тех самых мудаков, знаете ли. Хотя в тот момент он выглядел веселым, инициативным и жизнерадостным. Это мне показалось подозрительным. И было это 1 сентября!

1 сентября, и сердце подсказывало мне, что место мое на кухне, а не в школе. Работа учителем меня пугала намного больше, чем кухонная поеботина. Я думаю, это оттого, что кухонная поеботина — это временно, а учитель — похоже на диагноз. Но я зачем-то к этому иду, верно? Хоть у меня и нет пока квалификации — так, диплом специалиста. Ее надо получить. За нее надо заплатить. Деньги надо заработать... Дела поправятся еще нескоро.

Боже. Зачем мне все это?

Может, просто забухать, закурить, занаркоманить, загулять, ограбить киоск, уйти с цыганами и покончить с собой? Может.. Я всегда об этом помню. Я жду своего часа... который может и не настать.

Шеф... приносит чили перец однажды...

— Потрогай его, а потом оближи палец! — говорит он... трогаю... облизываю...

— Ну как, остро?

— Да нет, не остро... я просто люблю острую пищу. Этот не то, чтобы очень острый.

— Не острый? Разве? А ты знаешь, что сделай? Ты пойди в туалет, вот сюда... И потрогай свой приборчик теперь этой рукой... ВОТ ТОГДА ТЕБЕ БУДЕТ ОСТРО! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!

Конечно же, я не ответил. Я был чем-то типа свободного художника, а тут я снова на работе... мне нечего сказать.

«Почему ты не смеешься? Разве это не смешно?» — говорит он мне. «Нет, почему же, — отвечаю, — эта шутка очень острая». Он не стал смеяться. Очевидно, ему не понравился мой ответ...

«Работай!» — сказали они мне тогда, словно этой фразой, сказанной ими, должно начинаться мое светлое буду-

щее. Все карты были в моих руках, как видите... «Работай!» — сказали они мне. Тот самый злобный маньяк это сказал. Правда, он был энергичным, инициативным и жизнерадостным... Я уже говорил, да?

Столько говна, ЕГО ТАК МНОГО. Оно торчит из ушей, из носа, изо рта, ноздрей, пупка, волос, мозгов... Оно повсюду! Оно течет... Оно капает... Куда ни глянь, везде работают, едят, ссут, срут, ссорятся, мирятся, блюют, целуются... а я копал сегодня землю... И думал... Наверное, все дело в том, что я оторвавшийся от корней наркоман и пьяница. Норкоман. Человек норки. Правда, это не совсем так. Трезвость меня тоже прет — если она редкая. Так же дела обстоят с алкоголем и наркотиками.

Как бы там ни было, а мне с трудом представляется все это обдумать и переварить. Мое место — не на кухне, не в школе, а где-нибудь на необитаемом острове с полями марихуаны неподалеку от дома, оснащенного погребом, полным лучшим вином и виски... Лет на 200 вперед... И 3 рабынями... Одной желтой, одной черной и одной белой... Мне многого не надо. У меня умеренные желания... Хватило бы и виски на самом деле... да! Как можно больше вискаря, дамы и господа! Как можно больше! Пусть все бегают голыми, пусть оживет все вокруг, пусть звезды попадают с неба, заводы разрушатся до основания, феи спляшут стриптиз и все умрут от оспы... И начнется новая жизнь... Вот было бы круто!

Но пока этого нет... И я коротаю этот вечер в печальном одиночестве... Самое время рассказать вам историю. Да хотя бы про любовь. Это та самая тема. Для меня любовь это боль. А боль для меня это любовь. В этом есть что-то усталое и мазохистское. Но не буду в это вдаваться. Оставлю это вам.

Просто хочу написать об этой твари божьей... женщине... Давно уже хотел. Но слог как-то не подбирался. Надоело мне его искать, его ждать. Какая, черт побери, разница?.. Как выйдет, так выйдет. Все равно я это пишу просто так. Коротая этот вечер. Я совсем не смотрю телевизор, а хороших книг так мало... Самое время понаслаждаться беседой с воображаемыми читателями. Они все стерпят. И мой мат... И мои признания... И мои преувеличения...

Как же ее описать... Она невысокого роста, походка у нее стремительная и мало напоминающая женскую... Топ, топ, топ... как 45-килограммовый слон. Или буйвол. Шутка. Почти. Глаза карие... Глаза обманщицы... Губы тонкие... Мозг странный... Я никогда не мог предугадать ход ее мысли... Я думаю, одна из причин в том, что обычно от людей я ожидаю чего-то хорошего... Меня до сих пор можно купить на мои детские мечты, а потом развести по полной... Она всегда разговаривала со мной так, как со мной надо разговаривать, чтобы... Ну, играла на чувствах... Так это, кажется, сегодня называется... Ее сердце... Было полным противоречий... И в общем и целом крайне жестоким... Сплошь и рядом бывает.

Это было в том самом прекрасном мрачном общежитии, в котором я прожил четыре сказочнейших года своей лишенной смысла жизни... Наше романтическое знакомство. Я был на 2 курсе, она приехала на первый. Так вышло, что она оказалась у меня в комнате, а у меня было много алкоголя, как всегда... и несколько гостей... Рыжий парень по имени Гитис... знатный норкоман... и парочка молчаливых литовских парней. Которые ничего не излучали. Совершенно ничего. Было много алкоголя, как я уже говорил... И феи танцевали стриптиз, выражаясь метафорически... Я чувствовал это... И мне было так радостно в глубине души... так тихо... серьезно! Даже рыжий почувствовал что-то на-

счет фей! И сам решил сплясать! Запрыгнул на стол и давай... трусов не снял... ничего кроме сосков и небритых подмышек не показал. Я выпиваю сто грамм зеленых девяток... и говорю: «Давай, я покажу как надо!» Запрыгиваю на стол, расстегиваю ширинку и секунд пять под хохот окружающих трясу с угрозой своим членом в воздухе... Намек был тонким, хоть и недвусмысленным... Все дело в том, что она слишком внимательно на меня смотрела перед этим... Слишком пристально... А я просто радовался жизни... Илона ее имя... Она смеется... Ей очень весело... Ей очень понравилась моя выходка... Я больше так никогда не экспериментировал... наверное, правильно делал... Я и не помню, как мы оказались в постели. Это было на следующий день. Но не буду же я о таких вещах... Скажу, что это было очень хорошо... Мне нравилось, как она стонала. Мне все в ней нравилось. Я был в большой беде.

Но сначала был первый поцелуй... Я пишу это для собственного успокоения... Все поцелуи и до и после не были настолько чистыми... почему у меня теперь не дрожит сердце от таких вещей? Или дрожит так мало... Это был пик. Та точка была высшей... Я испытал чувство... которое не могло смениться чувством тревоги вскоре... ощущение близости боли... той самой боли... были пики тревоги... пики ревности... агония боли... и многое другое... но хождение по кругу еще не закончено. Не уверен, что может быть конец. Хотя это вполне вероятно.

На данный момент с тех пор прошло три года.

Все было хорошо — две недели. А потом... как это часто бывает, мы расставались каждые три дня «Навсегда»! И каждые 3 дня мы вновь сходились. Не уверен, что это магическое число 3 так влияло, просто я работал каждые третьи сутки... возвращался с работы, по расписанию, расставался

с ней тоже как по расписанию, сходилась с ней на следующий же день, тоже как по расписанию... боль была постоянной... Для нее не нужно было расписания... Бывало, что я рыдал во время секса... Представляете, какой хороший секс это был? Даже сейчас жалко себя становится. Бывает. Хм... Ну вот, пожалуй, самый характерный случай для примера.

Вечер... две сдвинутые кровати в моей комнате... пельница... тогда еще не разрисованные обои... завтра на работу... и у нас эта ночь... но отношения наши не ладятся, и я на грани. Завтра я ее не увижу... Что там в ее голове за это время произойдет? Кто ее внимание увлечет? Сколько успею пережить я? Я не знаю... у нас эта ночь. И я на грани... она что-то рассказывает. Рассказывает, рассказывает... лепечет... о своих бывших любовниках... о своих планах... меня это порядком достало... Но я люблю ее... И я боюсь с ней ссориться сегодня вечером... Я боюсь того, что может произойти... а мне на работу... вставать через несколько часов... на первый рабочий день... И она имеет надо мной власть. Именно поэтому мне так больно.

— Так мы будем трахаться или нет? — вырывается у меня злобно.

Она замолчала, потом... последовал ураган. Среди прочего она проорала, что у меня нет души.

Почему-то именно это меня задело за живое... ведь в тот момент я весь состоял из сплошной души.

— Все! — ору я. — Я УХОЖУ ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ.

Натягиваю ботинки... сам без трусов...

— Влад, ну куда ты пойдешь? Сейчас 2 часа ночи... Тебе вставать в 6. Если хочешь, я пойду...

Это решение меня поразило. Изумило. Испугало. Привело в ужас.

— Нет! — говорю. — Только не это! Ты должна быть здесь...

Снимаю ботинки... сажусь на кровать... сижу...

— Влад...

— Нет! Я все же уйду отсюда к чертовой матери!

И снова я надеваю эти ботинки. Все еще без трусов. Я никогда так громко не орал. «УХОЖУ ОТСЮДА К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ!» Я до сих пор уверен, что это делал кто-то за меня. И надевал ботинки — тоже не я... сам же я был смущен и печален и ушел на время в другие миры... Более безопасные для моего здорового рассудка.

Она не ушла. Она осталась. «Ложись рядом», — сказала она. Я лег рядом... слезы текут... через полчаса я говорю все же... шепотом... просто подсознательно мне хотелось ситуацию опустить до уровня фарса... «Не представляю, — говорю, — как это я к тебе снова смогу прикоснуться...» «Ох, Влад...», — говорит она и переворачивается на другой бок... Она дергает ногами через десять секунд... Ее сопение я слышу уже секунд через пять... Я, конечно же, не заснул. Сложно было, встав с кровати, так все оставлять... Но я должен был идти на работу... Должен же я был обеспечивать походы с ней в рестораны... себе водку... пиво... вино... сигареты... Так что я ушел. День выдался серым... Все время моросил дождь. И я сутки работал... В ту ночь на работе мы с коллегой спиздили выпивку из закрытого бара, который нам нужно было охранять... Отвели камеры в стороны... Все делали в перчатках и с фонарем... Ну, выпили, да, после. Куда уж без этого?

Так оно все и было, пока я не решил, что пора этому положить конец. Через полгода расставаний каждые три дня... я трахнул кассиршу... трахаю, а в руке уже мобильный, и рука сама строчит смс... «Получи боль, сука, — вот, что я ей писал, — я тебе изменил». Вы спросите, зачем? Я и сам не знаю. Я был очень юн, и это было очень глупо. Следующий день был очень плохим. Я пожалел о случившемся.

Крепко пожалел. Но решение уже было принято и поступок уже был совершен. Как все эти факты звучат теперь странно... теперь все по-другому. Теперь грех лишен смысла, а любви нет. И греха нет. Одно ведро с помоями. Я много глупостей сделал после этого и делаю по сей день и буду делать в будущем, говна пожестче, похлеще, еще глупее, но изменить ей с кассиршей... ей, этой моей любимой... моей лучшей... с ней... о господи. Это было для меня тогда не просто глупостью, а крайне смелым поступком. Я же знал, что будет дальше... На это мне потребовалось больше смелости, чем необходимо, я полагаю, обычно для самоубийства. Всю свою душу мне пришлось пережать грязным жгутом. Вот так я попрощался с юностью.

Она ушла не сразу... месяца через полтора... я в то время крепко пил. Бутылки по три водки в день. В моей комнате горит только одна лампочка... красная... остальные давно перегорели... а сам я слушаю Шопена... 48 ноктюрн in c minor... Пью водку и слушаю Шопена... смотрю в окно... на то, как покачиваются листья... на то, как ветер безжалостно их мотает... а деревья высокие... мое окно распахнуто... и ветер сильный... а у меня Шопен играет громко... курю одну за другой... я за то время набрал кг 15... и все плохого веса.. слишком много пил... еле ходил... не мог сидеть... срал кровью... когда срьшь кровью, понимаешь, что такое блюз. Блюз — это когда ты срьшь кровью. Так я, вот, слушаю Шопена... сижу себе, пью... покуриваю сигареты... И тут заходит она. В том самом... в том самом облегающем платье... моем любимом.

— Привет! — говорит.

— Здравствуй...

— А что ты такой спокойный? Может, ты нашел другую?

Она это специально? Я весь состоял из боли — какое спокойствие?

— Нет, — отвечаю.

— Очень зря! Потому что я нашла другого! Он моложе тебя, но не такой мудака, как ты!

Очевидно, она имела ввиду мое пьянство... и не только... я сказал:

— Это, наверное, хорошо...

— Да!

И она ушла... и она ушла надолго... и я остаюсь один... наедине... со своей болью... в своем аду... я ложусь на кровать, выключаю музыку... душа болит... я отношусь к этому, как исследователь. Немного стиля во мне осталось даже в такой ситуации... Птичка ты моя синяя, говорю... все в порядке... все будет хорошо... мы с тобой прорвемся... (Я так к душе обращаюсь). Все будет хорошо, синяя ты моя птичка... Я люблю тебя... ты хрупкая моя бедная... ну потерпи... ты же знаешь, я люблю тебя и нам с тобой будет хорошо... Все хорошо, любовь моя, птичка ты моя синяя... и мало-помалу я чувствую, что птичка утешается, успокаивается, засыпает что ли... сам я смотрю в одну точку... вроде стихло, думаю, надо закурить сигарету... я стараюсь это сделать как можно медленней... не дай Бог разбужу птичку... медленно... очень медленно... прижигаю... ЧЕРТ. Она возвратилась. Боль. Мне больно. Думаю, остальное рассказывать уже будет излишним. Я старался наслаждаться этой чистотой, этой болью как можно дольше. Никогда я не переживал ничего так остро. Когда я почувствовал, что больше не могу... я напился. Следующим утром то же самое. И снова... и снова... Самый сильный запой в моей жизни. Я не помню, предпринимал ли я какие-либо попытки. Наверное, да. Но я хочу думать, что нет. Пусть будет нет. Я уволился с работы... Уехал в Клайпеду... Потом в Болонию... Я действительно страдал. Даже странно как-то. Но это же любовная история, верно? Я очень страдал. Я был очень одинок. И я увидел ее через год.

Она к этому времени уже жила с каким-то Каунасским форсом. Я как раз возвращался из Италии и приехал в Каунас часа в три ночи. Мороз. Метель. Решил не ждать до семи утра. Поехал в общежитие... Ночные фонари... До боли знакомые дороги. Высокая дверь общежития. Я здесь не был тысячу лет.

— Куда мне тебя засунуть? — спрашивает заспанный комендант.

— Да никуда. Я только на эту ночь. Сейчас зайду к Гитису, к Марюсу... Они все равно не будут спать, как меня увидят. Комендант выпускает... Я поднимаюсь к рыжему... ну, Гитису, тому, что танцевал стриптиз... Гитису... Он любит грибы, травку, колеса и многое-многое другое... «О, Влад!...» — говорит он. «Это ты...» Но встать с кровати не хочет. Иди, говорит, к Марюсу. Я задет, но виду стараюсь не подавать. Марюс же просыпается сразу, относится ко мне более услужливо, мы выходим на кухню, разговариваем там долго... несколько часов... базар, базар. О том, о сем. Я чувствую уже, что попал не совсем туда, куда хотел.

— Как Илона? — спрашиваю.

— Она то в бараке, то у того, своего парня. Ты же знаешь...

— Знаю.

— Чего ты о ней постоянно спрашиваешь? Ей на тебя насрать.

— Ты думаешь, я не знаю? Мне тоже насрать.

Марюс вздыхает. Очевидно, он мне не верит... Захожу в умывальню через какое-то время... Там стоит девушка у раковины, чистит зубы... ЭТО ИЛОНА. Стоит спиной ко мне... У меня задрожали колени. Пересохло в горле. Перехватило дыхание. Душа ушла в пятки. Заколотилось сердце. Я раскрываю рот. Она оборачивается... Это не Илона. Колени все равно дрожат. Душа все равно в пятках...

Я послунялся по этажам, здороваясь с сонными жителями... которым на мой приезд было плевать... послунялся, послунялся... и поехал в Клайпеду...

А увидел я ее как вернулся. И то — не сразу. Но на свидание мы пошли только еще через полгода. В течении этого полугодия — так, перекидывались фразами... Все было ясно. Она меня забыла. У нее короткая память. А я-то ничего не забыл. НИ-ЧЕ-ГО. А потом свидание... Посидели тогда в ресторане. Она трогала мои руки. Я читал ей Есенина. Возбужденно. Был не в себе. Реально не в себе. Купил вина. Ебнул. Мы прогуливаемся, а я то и дело прикладываюсь к бутылке. «Не пей!» — говорит. Прячу бутылку под куртку, и она забирает ее и хорошенько к ней сама прикладывается. Мы идем и разговариваем на повышенных тонах, но мы так не ссоримся. Мы так миримся. Мы так прощаем друг друга. Хотя... Я с трудом понимаю, что происходит... Я кричу на нее, и она смеется... Словно бы она гордится сейчас идти рядом со мной... тогда она уже ушла от того форса в спортивных штанах. В смысле это не она от него ушла в спортивных штанах, а это он носил их. Была после беременности. После выкидыша. Ее чуть не пристрелили за побег. Форс в спортивных штанах чуть не пристрелил. У меня тоже хватает новостей. Но мне грустно... Мне грустно на нее смотреть. Какая боль. Какая жалость.

В конце свидания, возле тех самых высоких дверей общежития, она подставляет свои губы для поцелуя... Но я не целую ее. Она уже совсем не та, что раньше. Как и я. У нее «другая жизнь». Мы расходимся по своим каморкам, и я сажусь за стол и рыдаю, рыдаю, рыдаю, рыдаю... совсем скис бедолага. Никто не видит, никто не слышит. Трясусь весь, сопли текут... Печально мне... По радио играет самый обыкновенный блюз. Но я больше не сру кровью. Просто что-то я потерял навсегда. Возможно, я упустил какой-то

шанс. Все мы его упускаем. Но я на него многое поставил и печально мне.

Она забрала мой юношеский пыл. Сейчас на меня заглядываются только официантки. Но они воняют потом. Пора привыкать к реальности. Я почти привык. Ну есть еще посудомойка, конечно... Но о ней я напишу в следующий раз.

К чему я это рассказываю? К собственному успокоению и чтобы скоротать этот печальный вечер. Только и всего. Только и всего.

Я хотел бы убежать. Где-то когда-то¹ я читал о странном свидании на луне. В кафе. Они стреляли из пистолетов по лунной поверхности и там оставались дырки, как в сыре... И они пили вино... так бывает только единожды. А убежать можно бесконечно.

Быть может, в Зимбабве... или в Ниде... или на Венере... можно найти свою фортуна, свою любовь и бессмертие... В самом побеге смысла, наверное, нет, но он точно есть в прекрасных мечтах юности... и в смерти, которая достойна уважения... и во всем, что чисто... но чисто не в плане греховности, а в плане устремленности веры, чувства. Грех может быть чистым. Добродетель может быть грязной. Смысл еще есть в боли и в том, чтобы ее избегать. Я так думаю... эти мысли меня успокаивают... Мою синюю птичку... Все ведь будет нормально. И со мной, и с моей синей птичкой. Разве нет?

А пока что... я продолжаю сидеть в этой ночи, один, продолжаю пить пиво и продолжаю удивляться тому, как же это

¹ Это было среди бумаг И. Шерстнёва, соавтора «Братьев Раманускэй».

я так много букв написал этой ночью... написал так много,
а ничего толком-то и не сказал. Ну и ладно. Ну и ладно.

ДЖОННИ В ЗАДНИЦЕ

От Джона Фаравэя отвернулась удача, она показывала ему зад, а он его как-то не хотел. Среди прочего ему не везло с бабами. Или это бабам не везло с Джоном Фаравэем. Словом, как это случается со многими людьми мужского полу, в самый ответственный момент, когда он догола раздевал женщину, а свои штаны с трусами бросал на пол, у него попросту безнадежно падал. И ни сам Джон, ни женщина, голой лежащая перед ним, ничего не могли с этим поделать.

Пытались. Конечно, пытались. Одна даже со страдальческим выражением на лице сказала однажды: «Ну хорошо, Джон. Если хочешь, я могу снова заставить его подняться» «Да? — не поверил Джон. — И как же это?» «Ты знаешь, как... — сказала она. — Я поцелую его... мне это неприятно, конечно, — поспешила она добавить. — Я никогда еще этого не делала, хоть меня много раз просили, но для тебя я сделаю все, что угодно». «В таком случае не делай этого, прошу», — ответил Джон и стоически прижег сигарету. Джон знал, что в любом случае, отсосет она ему или нет, с ней, как и с теми, другими, уже все покончено. Говорить ей этого Джон не стал. Он чертовски устал, а это грозило еще одним объяснением, а этого Джон хотел еще меньше, чем секса — после того, как увидел ее голой. «Хорошо, Джон, как ты сам тогда хочешь, смотри». Джон тяжело вздохнул. «Не вздыхай так тяжело», — попросила она. Джон не ответил. Голова его была пустой. И очень бессмысленной.

Эта же женщина, теперь голой лежащая перед ним, не была столь жертвенной и великодушной. Когда у Джона упал и в этот, по счету четвертый раз (и это не считая тех опустошающих душу попыток, когда все с грехом пополам удавалось), она мигом нашлась: «Ха-ха, блядь, а пиздел, что — как это ты там говорил? — что ВЫРОВНЯЕШЬ МНЕ ТАМ ВСЕ К ЧЕРТЯМ СОБАЧЬИМ? Ха-ха-ха!» Это была правда. Джон действительно так говорил. Единственное, что ему мешало, так это ее джинсы, которые она по-бабски все не давала ему снять. А теперь джинсы, наконец, лежали на стуле, а член Джона безжизненно болтался между ног. Джон хотел найтись каким-нибудь колким замечанием по поводу ее сексуальной закрепощенности или глупой привычки прикусывать нижнюю губу, как какая-нибудь Шэрон Стоун, или ее... Но присущая ему в последнее время кротость душевная шепнула ему в ухо кое-что, и, прислушавшись, еще и к голосу своего личного беса, который советовал не прикидываться колким сегодня, Джон ответил:

— Ну всякое бывает, малышка...

— Да? Всякое?

— Ну да. Или ты хочешь сказать, что это у тебя в первый раз?

— У меня??

— Ну допустим, у твоих любовников...

Она не ответила. Джон, как и любой другой мужской представитель вымирающей белой расы, принял это на свой счет и прижег сигарету.

— Если честно, то нет, — сказала она, наконец. — Точно так же уже один раз было... И был еще один. Но он был очень пьян, почти в коме.

— Последний не считается, — сказал Джон, остатки своих некогда огромных яиц духовно устремив на то, чтобы хладнокровно пустить синюю струйку дыма. — А, впрочем, нет, — добавил он секунду спустя. — Считается. Конечно, считается.

Холодильник гудел. Время шло. Куря, Джон с печалью наблюдал за тем, как она натягивала свои синие трусики, которые он с таким звериным остервенением с нее содрал около десяти минут тому назад. Одевшись, она попыталась его приласкать, но Джон отвернул голову, и она поспешно ушла, говоря что-то матерное, и напоследок хлопнув дверью. Не осталась спать. Обиделась. Бывает. Джон сделал пару глотков вина, все, что оставалось.

Выключив свет, он из глупого упорства начал дергать свой обвислый жезл жизни, по ходу приговаривая поощрения и пытаясь вспомнить что-нибудь эротическое... Но эротика оказалась для него совершенно недоступной. Джон переключился на порнографию. Дело пошло легче. Но в груди была все та же зияющая откровенная пустота. «Тлен и пустота, — подумал Джон и ухмыльнулся. — Тлен и пустота». Эта мысль не принесла ничего кроме скуки, а Джону было интересно, что же может произойти. Пробыв в подобных поэтических грезах около пятнадцати минут, Джону наконец вышло вызвать несколько капель семени из своего потухшего вулкана. Оргазм Джон как-то пропустил. Просто вытер член краем одеяла... ему не хотелось вставать идти в душ или использовать туалетную бумагу или полотенце для этой цели... Ему ничего не хотелось.

И спать тоже не хотелось. Вина больше не было. Джон лежал так, прикрыв глаза ладонями и вспоминал. Были времена и получше. Славные добрые времена.

— Ха-а...! Джо-оони, — говорила ему его лучшая любовница со смехом. — Мне ТАК НРАВИТСЯ, что у тебя ВСЕГДА стоит! И еще КАК СТОИТ! (Он тогда только самодовольно ухмыльнулся) Трахни же меня, Джонни!

И Джон трахнул ее, что называется, с удовольствием. И в тот день и в ту ночь Джон трахнул ее еще около 17 раз. О, как только он ее не трахал! Но тогда все было по-другому, ведь это было много вечностей тому назад. Всяких, разных вечностей. Джон не любил по-иному считать время, Джон

знал в этом толк. (По нормальным меркам это было всего год назад).

И новая вечность тянулась и тянулась, и холодильник то гудел, то утихал, и кофе, приготовленный вскоре после процедуры, закончившейся жалким семяизвержением, уже давно остыл, а Джону было все равно.

«Может, сходить к доктору? — подумал он. — Или просто поменьше курить? Чертовы бабы! Что они со мной сделали!..»

На самом деле Джон имел в виду одну бабу, ту самую, свою лучшую любовницу, с которой он расстался ровно год назад.

Близились новое утро, и птички уже перекликивались, перещебечивались, перечирикивались, перекаркивались и перехаркивались, так обмениваясь мнениями и новостями, коих у них было, как обычно, превеликое множество.

КЛОУН

Под громкую торжественную музыку на сцену вышел лысый человек, одетый в красный костюм.

Финальные звуки — и разноцветные прожекторы сфокусированы на его галстуке и очках.

— Дорогие зрители, добрый вечер! Каждый из нас хоть раз в жизни чувствовал себя клоуном. И вот, как это выглядело со стороны. Сегодня у нас в гостях — Джонатас Фаравейюс, профессиональный клоун, встречайте!

Клоуна встретили, как полагаются, — с восторгом буржуазной публики. Клоун поклонился, затравленно улыбнулся и неуверенно сел на предоставленное кресло. И тут же вскочил. В сиденье была воткнута иголка. Зал расхохотался и зааплодировал. Клоун попытался броситься в драку, но зал зааплодировал еще громче. Клоун действительно выглядел комично. Вскоре его усадили на другое кресло, похуже. И ведущий, профессиональный шоумен, начал задавать вопросы.

— Скажите, Джонатас, сколько вам лет?

— Тридцать два.

— Тридцать два и уже клоун? — в зале бурный хохот, ведущий довольно улыбается, — Когда вам будет тридцать три, мы подарим вам тридцать четыре воздушных шарика!

— Почему тридцать четыре?

— Потому что кончается на у-что! — в зале снова хохот и ведущий снова довольно улыбается.

— Послушайте, вы пригласили меня для того, чтобы я рассказал вам о своих проблемах, не так ли? — Клоун устроился поудобнее и выглядел не таким уж смешным. — Так давайте же будем ближе к делу?

— Хорошо. Желание Клоуна — закон. Какие же у вас могут быть проблемы, дорогой друг?

— Вы знаете... К-хм... Мне даже неловко начать рассказывать... — клоун медленно обвел отсутствующим взглядом зал и вдруг заорал, — **НО ВЫ МЕНЯ ВСЕ ДОСТАЛИ! ВЫ У МЕНЯ УЖЕ В ПЕЧЕНКАХ СИДИТЕ! ЗРИТЕЛИ... ТУПЫЕ ПОХОТЛИВЫЕ СВИНЬИ! ВЫ, ГОСПОДИН ВЕДУЩИЙ, — МУДАК И УШЛЕПАК! ВИДИТЕ МОЙ КРАСНЫЙ НОС? ВЫ ДУМАЕТЕ, ЭТО ОТТОГО, ЧТО Я — КЛОУН? НЕТ! ЭТО ОТТОГО, ЧТО Я — АЛКОГОЛИК! НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОСЛЕДНИХ ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ Я КАЖДЫЙ ВЕЧЕР НАДИРАЮСЬ В ЖОПУ. В ХЛАМ, В СТЕЛЬКУ! И, ЗНАЕТЕ, ПОЧЕМУ? ПОТОМУ ЧТО РУССКИЕ НЕ ИДУТ!!! РУССКИЕ НЕ ИДУТ, НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО НАМ ГОВОРЯТ ЭТИ ФЕЙКОВЫЕ СМИ!!! МОЖЕТ, ОНИ ПРИШЛИ И СПАСЛИ БЫ МЕНЯ?? СПАСЛИ БЫ МЕНЯ ОТ ВАС... ВЕДЬ ЭТО Ж КАК ОХУЕТЬ НУЖНО, ЧТОБЫ... — клоун перевел дух и завизжал, — **ВЫ ВСЕ СВИНЬИ!!!...****

Зрители, дослушав, бурно зааплодировали. Кто-то обронил попкорн. Клоун горько расплакался. Под крики одобрения его увели охранники. Ведущий завопил:

— Это был Джонатас Фаравеюс, профессиональный клоун!!! Но это еще не все!!! После рекламной паузы — сюрприз! На сцену выйдет всеми нами горячо уважаемая госпожа президент!

После того, как стихли оглушительные аплодисменты, наступила рекламная пауза.

— Спонсор этого показа — туалетная бумага Mūsų Saulė, мягкая и комфортная туалетная бумага. Эксклюзивность ее в том, что в ее состав входят элементы эротических благовоний, привезенных из самой Бразилии! А теперь, как я и говорил, — госпожа президент. Встречайте — Даля Грибаус-

кайте! Дале аплодировали громче всех. Она расточалась в комплиментах НАТО и рассказывала про свою любимую собачку, и она была одета в дорогой костюм.

— И мы этим снова подтверждаем нашу приверженность целям НАТО, ведь безопасность для нас очень важна и особенно важен для нас союз с США, ведь в условиях нарастания российской агрессии... «Засранцы», — подумал Клоун и снова разрыдался. Кто-то похлопал его по плечу и налил стакан водки. Клоун хряпнул с горя, но ему даже не вставило.

КЛАЙПЕДСКИЙ ЛЮЦИФЕР СНОВА ТЕРПИТ ПОРАЖЕНИЕ

Я походил по комнате. Остановился. Посмотрел на часы на стене. Пятнадцать минут седьмого, если вам это о чем-либо говорит.

— Время! Прокрутишь, пожалуйста, до... того момента, когда...

Это был сложный вопрос. В этом городе у меня нет друзей да и желания их иметь тоже. У меня очень мало денег. Поэтому я решил, что настала пора позаботиться о своем здоровье. С виски за 5 евро я перешел на вино в пакетиках по 54 цента за литр. Все мы паримся, и я не пью все свое время. Иногда я тоже парюсь. Короче говоря уже почти неделя, как я плохо сплю. И действительно: как тут уснешь без помощи алкоголя, если черномазые дети Африки голодают, Ницше мертв, истины нет, никто меня не любит, сосед вчера забыл купить лук, и у меня ощущение, что душу мою сдавливают тисками. Выжигают в печи. Я выжигаю. Сижу сейчас на диване, встаю с него, чтобы походить по комнате, смотрю на бухло, но не притрагиваюсь к нему. Человеку не нужно пить, чтобы быть центром жизни на земле. Я не пью. Пока что. Вот и хожу по комнате и не знаю, чем заняться, смотрю на часы и думаю, как умею, о Селине... Луи Фердинанде. О, бедный обворованный Луи! Старый добрый Фердинанд, страдающий от бессонницы! Через три часа в комнату заходит Маттэо, мой сосед.

— Ciao, Влад! — говорит он громко.

Он раздевается, одевается, заходит на кухню, где я провожу круглые сутки (иногда выхожу погулять, конечно, впрочем, нечасто) «Хорошая погода сегодня! — кричит он. — Не то, что вчера! Для конца ноября в Болонии это обычная погода! — поясняет он. — А в этом году что-то холодно!» Я как бы турист. Но Маттэо бесхитростен. Нестрашно.

— Да уж... Наверное, ты прав, — говорю.

Ну что ж, он налил в кастрюлю воды и поставил ее на огонь.

— А я только что с концерта симфонической музыки! — сообщает он мне.

— Вот как?

— Да. Знаешь, кто такой Скрябин?

— Скрябин?

— Да!

— Русский композитор?

— Да, он был совершенно сумасшедшим человеком! Нам об этом рассказала ведущая! Однажды он уничтожил всю классическую музыку! Прямо перед лицами студентов!

— Вот как?

— Да, он все уничтожил!

Мы помолчали. Когда закипела вода, Маттэо добавил туда тортеллини. Прошло еще две трудных для меня минуты.

— Маттэо, — взмолился я.

— Да, Влад? — сказал мне этот жизнерадостный человек.

— Маттэо, что ты имеешь ввиду, говоря «уничтожил» (destroyed)?

Маттэо слегка растерялся. Потом сказал, он всегда говорит громко:

— Ну как... Он завалился в студию и раздолбал пианино, побил стекла, наорал на всех и ушел!

Я почувствовал облегчение. Скука стала терзать меня меньше. Немного. Пришло время выпить. Я перелил вино из литрового пакетика за 54 цента в пустую бутылку из-под

виски и сделал пару неторопливых глотков. Не люблю пить из пакетиков или стаканов. Чувство, что ты опрокидываешь бутылку, очень важно. Твоих немногочисленных друзей, которым ты всегда рад и которые рады тебе, нет рядом. И у тебя мало денег. И ты не хочешь общаться с людьми, в общем-то, и чаще всего, запертый в ванной, куришь себе самокрутки, глядя в зеркало, почесываешь яйца и разговариваешь с кем-то, о ком думаешь, разговариваешь так, словно бы вот он, в зеркале — ты, а ты, сидящий на стиральной машине с бутылкой вина, — тот человек, о котором думаешь. Прекрасное чувство абсолютного взаимопонимания. Так не бывает в жизни. Я в общем и целом не люблю жизнь. Ну и как тут не запрокинуть бутылку? В той же ванной, к примеру? В общем, я запрокинул бутылку и сделал пару неторопливых глотков. Часы продолжали тикать, Маттэо продолжал резать лук для тортеллини. С меня хватает эмоций. Состояние, что я переживаю, — переходный период. Апатия. Надеюсь.

— Влад, а что это за листки бумаги, разбросанные по всей квартире?

— А, это просто стихи.

— Ты поэт?

— Думаю, да. Но там не только мои.

Я подумал о Буковски. Чарльзе. Выпил залпом полбутылки, потом решил: «Хватит скучать! Я должен получить свою долю любви на этот вечер! Надо быть добрым с людьми!» Я сказал ему, слишком громко:

— Маттэо, хочешь, я переведу тебе парочку?

И он ответил:

— Нет, Влад, мне очень жаль, но я буду смотреть фильм...

Его лицо изобразило сочувствующую мину. «Я всегда накаливаюсь на этом моменте», — подумал я.

— Ладно.

Ладно, поужинав, Маттэо аккуратно вымыл посуду и включил телевизор. Начался ФИЛЬМ. Какое-то детектив-

ное говно: серьезные мужчины, серьезные женщины, серьезные герои-полицейские... Но забавно мне не было. Мне казалось, что, поскольку я не понимаю по-итальянски, я лучше понимаю сам фильм. Его суть.

— Телевидение — это тихий вампиризм, — сказал я в конце концов.

— Я люблю смотреть фильмы после работы, — сказал он мне. Прошло полчаса.

— Маттэо, знаешь, в чем проблема всех этих актеров?

— А? Что?

— Проблема всех этих актеров в том, что они не дают ничего личного, ничего персонального. Они просто не умеют играть.

Немного растерянный Маттэо сказал:

— Да, но я хочу расслабиться, посмотреть фильм после работы...

— Но это же такое дерьмо! — заорал я. — Это же убивает твою ебанную душу, понимаешь?!

— Я просто хочу посмотреть фильм, Влад.

— Да. Точно. Извини.

Как понимаете, меня всего-навсего раздражает, что этот человек меня не ненавидит. Он весь день работает в своем университете, исследует там какое-то химическое говно, каждый вечер около часа базарит со своей подружкой, которая в другом городе, и при этом жизнерадостно говорит: «Надо любить себя», смотрит эти идиотские фильмы... Как можно меня не ненавидеть при этом? Помнится, я даже опускался до хамства несколько раз, не выдерживал своей ничтожности в те минуты, но он только делал удивленные глаза и забывал об этом ТУТ же. И раздраженной фигни при этом не говорил. Похвально. Хороший человек, несущий свет. И вот, я сижу на диване рядом с ним снова, туплю фильм, ничего не понимая по-итальянски, страдаю от того, что почти опустил до откровенного хамства и на этот раз, и он мне говорит, как обычно, громко: «Этот фильм про рус-

скую мафию в Сицилии! Образ русского человека! В головах американцев!» «Американцев?» «Да, это голливудский фильм!» Мы молчим дальше. Фильм идет. Луна светит.

Понимаете? Я ничего не могу с ним поделывать. Мне никак не удастся его растормошить. Истина остается непознанной. Помню, однажды вечером я был в ударе, и я был пьян, и я говорил дикие фразы о людях, о себе, о Маттэо, о дне людей, о вере, потом я закричал: «И, между прочим, пока я все это говорю, Алессандро (другой сосед) сейчас ДРОЧИТ в другой комнате, ха-ха-ха-ха!..» Маттэо посмеялся. Чуть-чуть. Мне стало грустно... Через 10 минут я сказал: «Знаешь, Маттэо, а я ведь преувеличил... На самом-то деле он не дрочит сейчас...» «Хе-хе», — сказал Маттэо, продолжая смотреть телевизор. Через 5 минут, потерпевший полное поражение я, с еще большей грустью сказал: «Buona notte, Маттэо...»

«Notte!» — сказал он мне доброжелательно. Я ушел в спальню, поворочался там какое-то время, потом вскочил, забежал на кухню и закричал: «НЕТ, МАТТЭО, ОН СЕЙЧАС ВСЕ-ТАКИ ДРОЧИТ!!..» Маттэо нервно и удивленно хихикнул, испуганно глядя на меня, и я вышел из комнаты, удачно прикидываясь победителем.

Моя трагедия с ним состоит в том, что он забыл обо мне через 5 секунд. Ну 6. Или 7 — максимум. Хотя может и нет, но телевизор он продолжал смотреть. Ужасный, удивительный человек. Доктор химии или чего-то там. Читает сюрреалистику каждый вечер и учится до 5 утра каждую ночь. Я думал, это невозможно. Но это возможно. Не для меня, но возможно. И пока он исследует химическое говно, я хожу по комнате снова, все ведь нищие религиозны и не любят драться, и я смотрю на часы и жду, жду, когда же сатана наградит меня за мое упорство, не забывая при этом, конечно, что он награждает меня сейчас, и я пронзаем им, сатаной, сидя тут уже, на стульчике и глядя на часы. Вот она, награда и свет, что несешь. Свет, который на то и свет, что в абсолютном мраке нашего с вами удивительного мира, мира,

в котором нет ни вопросов, ни ответов, мира, в котором нет ничего кроме этих самых огоньков, что мелькают в нем. Вот так или примерно так, дамы и господа. Сейчас, наверное, я могу сказать, что мое сердце не просто дрожит, пронзаемое, да, сейчас я могу сказать, что... мне грустно?

УЛИЧНАЯ ДРАКА

Оставался один час до конца смены на пивном заводе. Пятница. К Марюсу в тот вечер приезжали друзья из Мажейкяй, в связи с чем намечалась грандиозная пьянка в знаменитом каунасском баре «В. О.», где собиралась, в основном, молодежь. Еще одна грандиозная пьянка.

— Ты побереги себя, Джон. — сказал Марюс. — Нам еще в бар ехать...

Но пиво на заводе было бесплатным, поэтому Джон не послушался напарника. Закончив уборку своего рабочего места, Джон прихватил две бутылки и пошел в раздевалку. Там уже был Марюс, укладывающий на дно рюкзака пиво и сидр. Он набил полный рюкзак, сверху для конспирации положив майку.

— Как считаешь, нормально? — деловито спросил Марюс.

— Лишь бы бутылки не звякали при ходьбе, — сказал Джон. — Иди медленно.

Свои две бутылки Джон спрятал в подмышках и застегнул куртку.

— Пошли?

— Пошли.

Джон пошел первым. Быстро прошмыгнул мимо женщины-охранника, бросив напоследок «до свиданья!». Он шел без рюкзака и сумок, наученный уже опытом, что это существенно снижает вероятность проверки. Он так уже делал много раз. Каждый раз.

На самом выходе он обернулся и увидел, что Марюса задержали. На улице он спрятал пиво под первую попавшуюся машину и зашел обратно.

— Что значит «личные вещи»? — говорила она. — Вы обязаны, согласно внутренним положениям, показать, что у вас в сумке...

Марюс с тоской посмотрел на Джона. Джон молчал.

— Ладно, вот, видите? — Марюс расстегнул молнию рюкзака. — Тут просто моя майка.

— А под майкой что?

— Ничего...

Марюс не сопротивлялся. Она отодвинула майку и увидела пиво.

— Ну все, приплыли... — сказала она. — Выкладываем бутылки и составляем протокол.

Пиво ускользало прямо из их рук...

— Честно скажу, — сказала она. — Если бы ты не шел, как вор, я бы тебя и проверять не стала... Я еще Джона хотела проверить, но он так быстро прошмыгнул, что я просто не успела спохватиться... Кстати, Джон, покажи, что у тебя под курткой...

Джон показал.

— А-а... Спрятал, наверное, уже, да?

— Нет.

Минут через десять протокол был составлен. Марюсу вынесут предупреждение. Плевать. Есть и другие места работы, если что. Они направились к выходу.

— Хорошо, хоть у тебя получилось пронести свое пиво, — сказал Марюс. — Поделись теперь одной. Где ты его, кстати, спрятал?

— Под машиной...

— Под какой?

Они подошли к тротуару.

— Так, постой. Я прямо вот тут оставил, тут стояла красная машина...

— Ты серьезно?

— Да.

Марюс рассмеялся.

Сегодня явно не наш день. Ладно, пошли в «В.О»...

Трое или четверо друзей Марюса, сам Марюс, и множество знакомых лиц пьянствовали в баре. «В. О.» тот редкий бар в Литве, где действительно происходит какая-то движуха. Но Джон еле держался на ногах уже в самом начале... Пить в баре совсем не то, что на заводе. На заводе ты *сосредотачиваешься*. И чувствуешь, что пьян, только если, выйдя на свежий воздух, присядешь на лавочку... А когда можно расслабиться и отпустить.... тебя развозит. В этом веселом угаре, после тяжелого рабочего дня, Джон и не заметил, как положил голову на стол и заснул.

Его разбудила рука охранника. Вокруг все так же происходило неуждержимое веселье...

— Уходи. Тут не место спать, — различил Джон голос охранника из мешанины других звуков. Джон стал мычать и сопротивляться.

— Да иди, иди, все твои уже вышли, ждут тебя на улице... — сказал охранник.

Джон не поверил этому, но все равно встал и направился к выходу, по пути пытаясь поймать хотя бы одно знакомое лицо. Никого не было. Они все просто бросили его. Забыли о нем. Сукины дети. Он так и знал... Как они могли? На выходе он достал сигареты и закурил.

В этот момент по улице уверенным шагом в сторону бара шагала группа местной литовской шпаны из человек пятнадцати. Они почти все были лысые, и они не понравились Джону. Что-то в воздухе подсказало ему, что они враги. Они направлялись в «В. О.», любимый бар Джона, можно сказать, его Церковь... «Или и здесь мне тоже надо

уступить?» — подумал Джон. Джон выпрямился и крикнул, что есть мочи: «Эй, ВВ, бля! Куда вы нахуй тут идете? Охуели, что ли?»

На мгновенье повисла тишина... Затем все смешалось в одну кучу. Очень быстро. Началась массовая драка. Джон просто стоял и в растерянности смотрел на все это. Такого эффекта от своих слов он никак не ожидал. Столпотворение происходило прямо вокруг него. Никакого страха он не испытывал. Напротив, какой-то внезапный прилив радости и облегчения. Но это не было желанием драться. Джон просто стоял и наблюдал, ему хотелось танцевать, но не было сил. На него никто почему-то не нападал. В один момент только какой-то гопник кинул на него злобный взгляд, но Джон просто стоял и курил и во весь рот улыбался. И гопник решил не связываться и въебал по щцам первому же попавшемуся пацану. Джон рассмеялся. Все это было какое-то безумие. Точно лучше, чем на заводе. Все вокруг визжали, носились предметы, руки, лица, ноги...

Джон подумал, что скоро приедут менты, и свернул за угол. А потом он свернул за угол еще раз.

«Взяли да и бросили пьяного друга на усмотрение судьбы... Вот засранцы...»

— Джон, вот ты где! Где ты был? — это был Марюс со своими друзьями. Они стояли у подземного перехода метрах в двухстах от места драки.

— О, привет... Да там драка была...

— Драка была! Да ты же сам ее спровоцировал!

— Да, это, я, кажется, помню... А ты откуда знаешь? И вообще куда вы пропали?

— Да ты что, ничего не помнишь?

— Ну...

— Мы ждали тебя на улице, тут ты кричишь этим гопникам, чтоб шли нахуй, мы не могли тебя одного оставить. Модестасу даже зуб выбили — из-за тебя.

Джон посмотрел на Модестаса.

— Да! Это, блядь, денег стоит! — сказал Модестас. — Вот. Смотри! — он поднял губу. — Видишь? Теперь керамический зуб нужен будет, это литов 500, не меньше!

— Ну мне правда жаль. Что ты хочешь, чтобы я теперь сделал? Извинился?

— Да нахуй мне твои извинения, блядь. Ты мудака, Джон. Пидарас! Кстати, где твои синяки? По логике вещей, ты больше всех должен был отхватить...

— Да хуй знает. У меня ничего не болит...

— Да ты ссыкло, наверное, при первой же возможности слился, а мы нет. Мы за тебя заступились. Мы не трусы. В аналогичной ситуации ты бы зассал... сука!

— Ну что мне теперь делать? — сказал Джон. — Ну хочешь, я тебе еще один зуб выбью?

Через секунду Джон оказался на земле, пропустив прямой в челюсть. Джон поднялся на ноги.

— погоди, — сказал он. — По-моему, ты промахнулся...

Модестас ударил его еще раз. И Джон снова упал. И снова поднялся. Никакой боли. Только почему-то он падает с ног. От третьего раза его уберег Марюс.

— Модестас! Хватит! Я тоже пострадал! Я потерял свой рюкзак, получил пиздюлей и еще менты мне вывихнули плечо. Но это еще не главная проблема, — сказал Марюс. — мы потеряли Гитиса.

— Вообще потеряли? — спросил вставший Джон, как ни в чем не бывало.

— Он куда-то пропал. Телефон выключен. Мы нигде не можем его найти.

— В общем, парни, — сказал Джон. — ладно. Я уже протрезвел. Пойду искать его в барак. Может, он уже домой вернулся...

— Позвони, как узнаешь, там ли он. Мы будем тут его искать, в городе, — сказал Марюс.

— Хорошо, — Джон развернулся и пошел.

— Джон! — окликнул его Марюс.

— Да?

— Ты на голову ебанутый маньяк, тебе уже говорили, да?

— Да.

Джон направился в барак — через мост «Аляксото» над Неманом, потом в холм, кратчайшим путем, мимо кустов.

Пониматься в холм было тяжело, но Джон справился. Поднялся на третий этаж. Дверь Гитиса была заперта. Однако это не гарантировало, что внутри никого нет.

— Алло, Марюс? Я тут, но дверь закрыта. Может, он в отрубоне? Что делать?

— Подожди. Я спрошу у его соседа.

Пауза.

— Джон, ломай дверь!

— Серьезно?

— Да.

— Да с удовольствием! Секунду!

Джон даже не стал бросать трубку. Был час ночи. Ударил дверь ногой. Со второго же удара замок слетел. Плевое дело. Внутри никого не было.

— Марюс?

— Да.

— Внутри никого нет...

— Ясно. Слушай, нам лень ХОДИТЬ его искать. Пойди к Станасу, разбуди его. У него тоже выключен телефон. Будем искать Гитиса на машине!

Джон прошел пару комнат и подошел к двери Станаса. Постучался. Заперто. Джон постучался настойчивее. Тихо.

— Станас. Это Джон. Открывай давай. Тут была драка в городе и нам нужна твоя машина, искать Гитиса...

Из-за двери тихо послышалось сонное «что».

— Меня Марюс попросил, чтобы я тебя разбудил, тебе надо ехать в город. Открывай давай. Из-под щели внизу двери показался зажженный свет.

— Да погоди... дверь что-то заело... не могу открыть...

— Что? Дверь заело? — сказал Джон.

— Да... — он снова подергал ручку.

— Слушай, ты не поверишь, но это совпадение просто прекрасно! Я только что выбил дверь Гитиса ногой, чтобы узнать, вернулся ли он. Мне разрешил Марюс. Хочешь, выбью и твою? Я это сделаю с удовольствием!

— Нет.

Станас возился с замком еще минуты две.

— Станас. Всего одна секунда и ты на свободе!

— Ладно, хуяр. Подожди, я отойду.

Джон выждал пару секунд и с первого же удара выбил дверь.

— Ха, здорово, Станас!

здорово, здорово...

Они обнялись.

— Поехали. Куда ехать?

Они спустились, сели в машину и поехали.

Пацаны оставались там же, где и были. Минут через десять объяснений и перекуров все полезли в автомобиль. Не хватило одного места. «Извини, Джон, — сказал Марюс. — Но кто-то один пойдет пешком, и мы решили, что это будешь ты...»

— Так даже лучше, — сказал Джон. — Пойду в общежитие. Может, Гитис вернется...

— Да, правильно.

Джон пошел обратно... опять поднимался в этот холм... Вернувшись, он сразу же пошел спать, сняв разве что перед этим ботинки.

На следующий день они все сидели в комнате Гитиса. Гитис нашелся утром. Сам. Последнее, что он помнит, — как толпа его мутузит лежащего ногами. «А потом я пошел домой, но не дошел», — рассказывал Гитис. Прямо у основания холма он свалился в кусты и там и проспал всю ночь. Мимо этих кустов Джон проходил ночью дважды... Левый глаз Гитиса полностью заплыл, а уши почему-то были раза в три больше обычного. Остальные выглядели не лучше.

— Ну что, пацаны? Может, в карты сыграем? — предложил Джон.

Никто не ответил.

— Или выпьем? У меня еще полбутылки самогону есть. Кто хочет выпить?

Никто не хотел. Все просто сидели и молчали. Все — это все, кроме Станаса. Ему с утра надо было на работу, так что его вообще среди них в тот момент не было. Джон медленно осмотрел каждого. Боже, какое удручающее зрелище. Никакого присутствия духа. Вступились они за него вчера. Ага-ага. Да они предадут его при первой же удобной возможности. Какое унылое говно. Джон выпил в одиночестве.

— Джон, ты мне должен за керамический зуб.

— А мне за рюкзак.

— И мое порванное ухо.

— И кофту.

— И плечо.

— Да что ж вы все такие унылые! — сказал Джон и демонстративно выпил еще.

— Ну а что ты хочешь, это все из-за тебя! Сидишь такой наглый, раздражаешь всех...

Джон промолчал. В глубине души он испытывал восторг. Ему реально было легко и хорошо. Его нисколько не огорчало произошедшее. Особенно после только что выпитых ста грамм. А вот и Модестас что-то говорит Гитису, совершенно

не в тему, заикаясь при этом... Ха! Да они же все боятся Джона! Боятся!

— Ладно, парни. Хотите, принесу пивка? Вкусное, холодное.... Угощаю!

Марюс поддержал идею и Джон вышел на улицу. Хорошо, что оставались деньги и Джон ничего не потерял вчера. Джон вообще счастливчик по жизни. Но даже если бы все сложилось не так удачно, разве это повлияло бы на настроение Джона? Конечно же, нет! Он бы не допустил этого!

Вот он выходит из общежития, а за окном цветет сирень. И белая, и сиреневая... сиреневая сирень... Джон сорвал букетик и вдохнул в себя этот прекрасный аромат... А вот и какая-то девчонка идет мимо, распустив свои роскошные белые волосы.... Джон галантно подарил ей букет и, так же широко улыбаясь, как и вчера во время драки, пошел за пивом.

УДАЧА

В коридоре уборщица мыла пол. Она это делала каждый рабочий день, и иногда ее швабра стучалась о дверь в комнату Джона. Часто на него, лежащего в грязной холодной комнате на грязной простыни с прокуренными дырками, с мусором разбросанным по всей комнате, с мышью, что постоянно где-то шебуршалась под кроватью, это наводило ужас. Так же случилось и в этот раз. Он продолжал лежать на кровати, смотря в потолок, пуская дым. Музыка на этот раз Джон включать не стал. Не хотел обнаруживать свое присутствие. За окном шел снег, из щелей дуло.

Холодильник гудел, и Джону прямо вот сразу, прямо с утра захотелось поговорить с кем-нибудь по душам, но в комнате не было его друзей, друзья были далеко, в комнате не было никого, так что Джон несколько раз повторил вслух: «Блядь, блядь, блядь, ох, блядь», — и погримасничал перед зеркалом.

Пару дней назад его уволили с работы. Он был «коком» в ресторане. Уволили его скорее всего за просветленность. Джон же постоянно приходил на работу похмельным и не раз был пьяным и во время нее. А после — так каждый раз. Джон подумал о том, что было бы неплохо прибраться в комнате, проветрить накуренное помещение, но в бумажнике была зарплата... к тому же Джон не первый день чувствовал высокую температуру. Он постоянно чихал и глаза его слезились. Организм не выдержал темпа. Джону нужно было в аптеку. Он затушил сигарету и снова лег в постель.

На некоторое время закрыл глаза. Лучше лежать и не вставать вообще сегодня.

В конце концов, Джон отбросил одеяло и встал. Потом... Одевшись, умывшись, выпив чаю... выкурив еще пару сигарет... и заперев за собой дверь... вышел. Джон прошел мимо уборщицы, не поздоровавшись.

Да, дежурная внизу, у входа, поздоровалась, да, она попросила сигарету, да, Джон достал одну из пачки, да, разговаривать о ее любовнике, который ее бросил и кинул на большую сумму денег на этот раз не стал, да, он аргументировал это тем, что спешит на работу. Да, других разговоров у них никогда не бывало. Гражина (так звали эту пожилую женщину) крикнула ему в спину, что она держится! Что она сильная женщина! И никому ее не сломить! Джон, конечно же, крикнул в ответ: «Вы большой молодец!» — и вышел наружу.

Преступный Каунасский район. В нем полно гопников, цыган, алкашей и сумасшедших старух и стариков. Ему пришлось спуститься по длинной лестнице, потом перейти мост, потом какое-то время поблуждать по старому городу прежде чем он нашел аптеку. И, взяв там то, что ему было нужно (высокая температура), он не отправился в бар, он не купил алкоголя, чтобы выпить его дома... прибираясь и жаря мясо... варя картошку на общей кухне, где никого не будет... Домой он вообще пока что не хотел. Зимой в Литве, как и много где еще, смеркается рано, и этот снег, и эта предновогодняя слякоть, и эти сумерки... эта пронзительность... в воздухе... Джон никак не мог пойти домой. Он знал, что его там не ожидает ничего, кроме холода, тараканов, шебуршащей мыши, невымытой посуды, щелях в окне, грязной простыни да нескольких призраков прошлого. К корешам Джон идти не хотел. Они тоже его не сильно ждали. Да и «друзья» из них были паршивые. К тому же они предпочитали телевизор веселухе. А Джону как-то очень хотелось веселухи.

Так что он зашел в ближайшее казино. Ноги сами привели его туда. Ум был словно как в тумане. Rival Hotel Casino, самое яркое и неоновое место в Каунасе. Оттуда не видно плохой погоды, отсюда не видно вообще ничего. Это как спуститься в приемную Ада. Правда, и на улице ничего особенного не увидишь. Каунас — мрачный город. А ведь существуют пальмы, а ведь существует моря и океаны, и некоторые говорят, что даже любовь где-то существует, — подумал Джон Фаравэй. Адский привратник снял с него куртку. Джон подошел к кассе, но внутри никого не было. Охранник предложил ему подождать за барной стойкой. Так что Джон сел за барную стойку.

— Пиво, будьте добры...

— Позвольте узнать, — сказала ему барменша, — на какую сумму вы будете играть?

Джон, наверняка, выглядел бедным.

— Ну, литов на сто, — сказал он.

Я налью вам бесплатно, — сказала она и ему не понравилось, как она это сказала. Бесплатное пиво... Джон глотнул его и развернулся на стульчике. И оглядел помещение... Что такое казино он знал не понаслышке. Почему там нет окон? Почему там нет часов? Почему они подмешивают в бесплатный алкоголь кислород... Почему они улыбаются, почему радуются твоему выигрышу, почему делают сочувственные мины, когда проигрываешь, почему тут так все ярко и роскошно? «Ставишь на число, а казино ставит на весь стол, — подумал Джон Фаравэй. — Ты внутри, и пока ты не вернул карточку и адский привратник не надел на тебя куртку, тебе не уйти».

Сплошной развод. Все начинается с того, что у тебя забирают одежду и проверяют документы или карточку. Джон не имел карточки по каким-то своим соображениям, а документы с некоторых пор предпочитал иметь при себе — в нагрудном кармане. Джон сам сюда зашел, Джон знал об условиях. И вот, он зарегистрирован, и вот он

за барной стойкой. Рассматривает кто на этот раз находится в этом... месте забав пролетающих мимо духов.

Одни и те же «просветленные» лица. Человек средних лет в галстуке... синей рубашке... с усами... сосредоточенным лицом... играющий то за рулеткой, то за карточным столом. Женщина по имени Дануте, заядлый игрок, сидящая за барной стойкой и пьющая мартини. Человек с блокнотом, делающий какие-то вычисления и всегда проигрывающий. Несколько незнакомых Джону парней... Крупье, охранники, кассиры и барменши, администраторы, привратники... И он.

Джон сидел и пил бесплатное пиво. Бесплатное? Джон достал бумажник и вытащил оттуда 200 литов. На эти деньги он сыграет сегодня, остальное ни при каких условиях не вытащит из бумажника. Джон себе это крепко пообещал. Эти шестьсот с лишним литов — все, что у него есть. Играть при таких обстоятельствах очень опасно.

— Ну, как, Дануте, сегодня у тебя игра? — спросил подошедший к барной стойке бородатый мужик игравший перед этим в black jack и, кажется, выигравший.

— Да сегодня не очень, — призналась Дануте.

Любой игрок знает, что пока ты внутри, еще не все потеряно, сколько бы ты не проиграл, и в этом и состоит главная ошибка игроков — после той, конечно, что они вообще заходят внутрь. Игроки чувствуют, что если у тебя есть хотя бы один лит, у тебя есть шанс. У Дануте наверняка еще была пара литов. Она собиралась с мыслями и со своей женской интуицией, которой очень любила хвастать, когда выигрывала.

На самом же деле шансов нет ни у кого.

Кассирша появилась через несколько минут. Джон достал из бумажника еще 50 литов и разменял на фишки 250. Подошел к рулетке, поглядел на прыгающий шарик. Сел сбоку. Игра не была оживленной. За столом был только математик ставивший на какие-то числа и неизменно проиг-

рывавший и что-то записывающий в свой блокнотик. Он был в шляпе.

Джон поставил 50 на первый блок. Выпало 14. Джон проиграл. Тогда он разменял две фишки по сто на 100 фишек по 2. Чтобы ставить на числа. И продолжил игру...

Вскоре к столу присоединилось несколько залетных молодых парней лет 30. Они были пьяны, говорили по-русски, крупье называли на ты и вели себя фамильярно. Они были желанными клиентами. Значит, часто проигрывали. Один из них был похож чурку. Да он и был таким. В том смысле, что Джону была не интересна его национальность. Они ставили только на числа и только фишки стоимостью в сто. Одну фишку на одно число, на два или на четыре. Они ставили по несколько фишек сразу. Пили бренди, и разговор их был оживленным. Из разговора стало ясно, что они проводят в казино и клубах, не заходя домой, уже 3 сутки. Им нужен был душ и сон, но еще больше им нужна была игра и публика.

— Будет 7...

— Мне кажется, 17.

— Ну тогда еще сотню на 27 и ... 25...

— И 35.

— Эй! Принести нам еще бренди! Спасибо! Сколько мы в плюсе?

— 2 штуки!

— Очень хорошо!

По их виду и по тому как они себя вели Джону стало ясно, что они под коксом или амфетамином.

Им везло. Парень кинул одну фишку на число 3, и выпало 3. «Черт, вот же интуиция у меня! Я же ЗНАЛ, что выпадет 3!» Он забрал выигрыш, фишку с удачного числа по светской привычке игроков забирать не стал, крупье закрутил шарик, и снова выпало 3. Тут уж и чурка, с которым выигрыш парень делил пополам, закричал от радости. Зрочки у обоих были ненормальными... Парни ликовали. Джон ста-

вил на те числа, на которые не ставили они. Очкастый парень, которого Джон про себя называл «математиком», ставил и на то, и на другое. Парни выигрывали постоянно. Джон же постоянно проигрывал. А вот и математику улыбнулась удача. Дважды за три раза выпали соседи зеро, один раз даже 26. Торжествуя, он помахал своей записной книжкой и сгреб выигранные фишки. На этом он решил прекратить игру, заказал пиво и принялся наблюдать за игрой других. Джон продолжал играть. В конце концов, у Джона закончились фишки. Он разменял еще 200 и сотню сразу поставил на черное. Выпало красное. Джон поставил еще сотню на красное, думая отыграться. Шарик был на красном, но в последнюю секунду выпало 35, черное, крупье сгребла все фишки, кроме сотки одного из выигрывавших парней, и выплатила ему 3500. Больше никто ничего не получил. Тысячную фишку парень шутя покидал в отверстие для чаевых. Специально промахиваясь.

— Знаете, если попадет, мы уже не сможем вам ее вернуть! — игриво сказала крупье.

— Конечно-конечно! Она ваша! Если вам повезет!

Чурка хохотнул. Парень кинул еще раз и снова промахнулся.

— Не судьба... слушайте, мне надоел этот стол, — сказал он. — Давайте пересядем за другой!

Крупье:

— Если никто не возражает, мы перейдем к другому столу!

Она хлопнула в ладоши и совершила еще несколько других казино-ритуалов. Математик думал было запротестовать, его мозг, очевидно, был настроен только на этот стол и уже долгое время... Но возражать таким веселым игрокам, к тому же играющим не по маленькой да так остро, — глупо, и математик сдался. Он больше был игроком, чем математиком. Перешли к другому столу. Джон стоял, не подходя, обдумывая ситуацию. Он уже проиграл 450 из 665 литов, ко-

торые у него были. На 450 он мог бы жить месяц. У него остается 215. Глупостью было бы идти менять 200. Но Джон пошел. И поменял.

Пока он стоял у кассы, то заметил, как в казино... странно озираясь, зашла старушка с палкой. На вид ей было лет 70, не меньше. Уж кого-кого, а такого человека Джон тут встретить не ожидал. Чего ей-то тут надо, побойся Бога, бабушка? Какая история стоит за ней? Джон вспомнил о Бальзаке. Тот уж наверняка сумел бы разгадать ее! В общем, Джон решил понаблюдать за тем, что она будет делать. Она подошла к кассе и попросила одну фишку за 5 литов. Получив ее, она подошла к столу.

— Можно поставить? — спросила она слабым дребезжащим голосом.

— Конечно-конечно! — сказал тот, кто был с чуркой, и даже вскочил со своего места, желая уступить. Но сестра она отказалась. Поставила фишку на число 19; математик в последний момент поставил столько же на 16. «Ставок больше нет», — сказала крупье. Выпало 19. Теперь уже бабушка стала предметом пристального внимания всех вокруг в заведении, не только Джона. Она забрала выигрыш, поблистала своими старушечьими глазами и пошла к кассе. Все проводили ее недоуменным взглядом. «Ей сон что ли какой сегодня ночью приснился?» — подумал Джон Фаравэй. Кто она? Она отвлекла внимание играющих только на минуту, но Джон не переставая думал о ней. Зашла всего на одну ставку... Нет сомнения, здесь орудуют силы, скорее злые, чем добрые... Джон разозлился. Он снова разменял две фишки по сто на сто фишек по два. И стал ставить только на 14. Все 100 раз подряд. И все сто вращений выпадали другие числа. Джон надеялся на успех до последней ставки. Математик, кажется, потихоньку проигрывал все это время, парни проиграли около половины выигрыша и кидали фишки уже не каждое вращение и не так обезбашенно. Предпочитали пить бренди и кофе. Просто наблюдали за игрой.

Джон не сильно отличался разнообразием. Ставил только на 14 и только по 2 лита. Наверное, математик записывал и его ходы. На сотой ставке Джон встал и отошел несколько подале. Я глупец, подумал он. Достал свой мобильный старой, почти антикварной модели и написал смс следующего содержания:

— Игнас! приезжай к rival hotel. Я проиграл 600 литов, все, что есть. Мне нужна трава!

Это был его коллега по работе. Простой Каунасский парень. Нечто вроде его кореша. В первый же день, как они познакомились, они после работы вместе покурили гашишу в машине. И выпили. Джону не хотелось думать о том, что у него кончились деньги. Ему не хотелось выходить наружу. Джон знал, что ЕГО ТАМ ОЖИДАЕТ БЕЗЫСХОДНОСТЬ. Джон был бы не игроком, если бы не подошел к кассе снова. Он достал последние 15 литов и на все взял талон для игры в аппараты. И сел за один из них. Тот назывался ТРОЯ. Как фильм. К этому времени как раз пришел ответный смс: «Сейчас приеду, больше не играй». Джон вставил в аппарат свой талон. На экране засветился кредит. 150. Джон начал нажимать на кнопку. Нажав несколько раз, он посмотрел, сколько кредита осталось. Там светилось 1560. Это означало 156 литов. Более, чем в 10 раз больше того, что он внес в аппарат. Это было невероятно. Как выпала выигрышная комбинация, Джон даже не заметил. Несколько обрадованный, он вытащил талон и на мгновение задумался. Выходить ли ему отсюда, взять ли пива или сыграть до конца.

Джон решил сыграть до конца. Это было глупо, но раз уж на то пошло... И Джон все деньги обменял на фишки.

Подошел к столу и поставил около 40 на разные числа. Парни уже были за барной стойкой. Играл один математик. Дануте с мужиками сидела за столом с black jack. А Джонни все ставил и ставил. И не проиграл ни одной ставки. Вся удача, которую может приносить рулетка, на этот раз досталась одному ему. Это, наверняка, потому, что парни уста-

ли и теперь они за барной стойкой, — не мог не подумать он и продолжал ставить на числа, на цвет, на блоки и постоянно выигрывал. К тому моменту, как Игнас появился у стола, Джон отыгрался почти полностью. Игнас попросил его прекратить играть, но Джон сказал:

— Вот, все что у меня есть. Здесь около 600. Я поставлю еще 50 на черное. И все.

— Как знаешь... но лучше не делай этого! Ты и так уже неплохо отыгрался!

Выпало 4. Черное. Тогда Джон поставил фишку номиналом в два лита на число 14 и стал пересчитывать деньги. Их оказалось на 20 литов меньше, чем когда он пришел. Самое время уходить, — подумал он. И выпало 14.

— С одной фишки! — вскричал математик.

— Да, но я ровно 100 раз перед этим ставил на нее и промахивался.

— Да, я видел...

— Запишите это.

Но математик, кажется, уже не слышал.

Как раз в этот момент чурка сел за стол рядом. Джон решил сделать еще одну, последнюю, ставку. 10 литов на первый блок. Он потянулся, чтоб положить фишку... положил и... возвращая руку обратно... случайно рукавом задел пиво чурки. Пиво пролилось на джинсы последнего. Хорошо хоть не на стол. Джон сердечно выразил чурке свое сожаление. Но тот был недоволен. «Я прошу прощения», — сказал Джон. Но тот был пьян и не отпускал Джона. Тут было дело чести. Он здесь победитель, а тут какой-то... хрен... проливает ему на джинсы пиво. «Ты хоть знаешь, сколько они стоят?» — спросил тот. Джон повторил фразу Д'Артаньяна: «Уверяю вас, я сделал это нечаянно, а сделал это нечаянно, я извинился. По-моему, этого достаточно» «Этого ни черта не достаточно! — сказал чурка. — Ты знаешь, сколько стоят мои джинсы? И что я сейчас буду делать с мокрыми джинсами?» «Они высохнут через несколько

минут» «Ни хуя!» «Извините, — сказал Джон крупье, — но мне пора идти». Он взял со стола свои фишки, чурка же не желал его отпускать. Пошел вслед. Все замахивался, словно желая ударить. Но ударить Джона у него не хватало смелости. Все, чего хотелось же Джону — так это поскорее уйти из казино. У него был кое-какой выигрыш и достаточно эмоций на сегодня. Он направился к кассам. Чурка продолжал быть рядом и наезжать. Его друга не было. Наверное, куда-то к этому времени уехал. Игнас же стоял рядом но предпочитал не вмешиваться в разговор. Тут же стояло несколько администраторов, которые ничего не могли поделать. Охранников не было вообще. Чурка не отставал. Все продолжал замахиваться. «Арунас, Арунас, ну не надо, ну пожалуйста не надо!» — вот что говорил чурке взволнованный администратор.

В конце концов, в ситуацию вмешался Игнас: «Эй, Арунас, ну чего ты, действительно, так разбушевался? Он же нечаянно!»

Но Арунас замахнулся и на Игнаса, так что Игнас замолчал. И вскоре куда-то исчез.

— Ладно, черт с вами, — сказал Джон, стоя уже в куртке. — Звоните в полицию.

— В полицию? — ужаснулся администратор. — Не надо в полицию. Разберитесь как-нибудь так.

Чурка предложил пойти в туалет разобраться. Джону ничего не оставалось, кроме как согласиться.

— Ну вот и хорошо, — сказал администратор.

Джон зашел в туалет первым и резко развернулся. Чурка сказал:

— Ладно, хуйня все это. Я видел, ты выигрывал. Заплати мне за моральный ущерб в 200 литов и на этом закончим разговор.

Джон ответил так:

— Да ты что? С ума сошел? У меня нет для тебя денег.

— Ты дашь мне денег!

— Ты их не получишь!

Чурка стоял, покачиваясь от опьянения, что-то соображая, потом сказал:

— Ладно, тогда ты высушишь мои штаны.

— Без проблем, — сказал Джон.

Арунас снял джинсы, вручил их Джону и направился в толчок поссать. Это была его фатальная ошибка. Джон положил джинсы в раковину и включил воду. После этого он выскочил из туалета и как можно ровнее направился к выходу. Администраторы, официантки и некоторые скачущие игроки смотрели ему вслед. Выйдя из казино, Джон побежал. Петляя по дворам, Джон пробежал несколько кварталов, потом, встав возле какого-то подъезда, передохнув и закурив, он набрал номер Игнаса.

— Ты где? — спросил Джон его.

— Возле фонтана. А ты? Джон! Послушай меня! Беги отсюда! Беги!

— Да все в порядке, — сказал Джон. — Я сейчас подойду к фонтану....

Джон натянул капюшон... на улице уже давно было темно. Метель... мороз... Джону, кажется, повезло, Джону, кажется, повезло вдвойне. Или даже втройне. Он прошел полный круг, к тому же выиграл. Черт побери. Возле фонтана стоял Игнас.

— Н-да, — сказал Джон вслух, увидев его. — Ангелы определенно меня любят! Мне везло в последние минуты, как Игроку из Достоевского, разве что у него была работа и любовь, у меня же нет ни того, ни другого!

— Не ходи больше в казино, — сказал Игнас.

— Конечно! ты что! Сумасшествие пойти еще! — сказал Джон, но уже в тот момент он знал, что на следующий день пойдет в игровые автоматы.

Игнас, кажется, поверил. Какая разница. Джон рассказал, как там что закончилось, и они закурили косяк, который Игнас скрутил в туалете казино. Игнас не знал, что в казино камеры и подслушивающие устройства есть везде.

Но с другой стороны... Скрутить косяк в туалете казино... Какой администратор будет против желания клиента? Разве что Игнас клиентом в полном смысле не был.

— Вчера видел начальницу, — сказал Игнас, когда косяк был уже скурен. — Она спросила меня, сидишь ли ты на казино. Она тебя часто видит у входа.

— Да? — сказал Джон. — И что же ты ей ответил?

— Я сказал, что ты азартный человек, но с твоим разумом все в порядке и ты играешь всегда по маленькой.

«Так вот почему меня уволили», — подумал Джон. Но все это уже неважно. Его уволили давным-давно. Очень давно. Все это далеко позади. У Джона есть немного денег и свобода от работы.

Большим Джон себя уже совсем не ощущал. Так, знобило слегка ото всех этих переживаний.

— Как на работе, кстати? — спросил Джон. — Так же?

— Да, только заказов меньше. Снизили зарплату официанткам. Одной заплатили вообще 300, кажется. Так она пришла к начальнице разбираться... Попросила лист с бухгалтерскими расчетами. Та ее послала. Началась ссора. Начальница ударила ее кулаком по лицу. У нее фингал. Это показывали в новостях, видел?

— Нет.

Джон снова пересчитал деньги. 200 с лишним литов чистого выигрыша! С ума сойти! С 15 литов! Так отыграться! И еще и выиграть! Вот это случай! Вот это судьба! Что бы он делал, если бы не пошел тогда к аппарату? Или если бы остановился, выиграв те 156? Или если бы не пролил пиво? Или если бы не вышел из ситуации так ловко? А что если Джон снова его как-нибудь встретит? Джону не хотелось об этом думать. Ему сильно повезло. Хотя выигрыш составил всего 200 литов.

— Пойдем в магазин, — сказал он. — Возьмем чего-нибудь выпить. Еды какой-нибудь. Вызовем такси... кстати, сколько у тебя травы?

- Осталась половинка.
- Нужно еще как минимум грамм.
- Тогда надо дойти до бара «В.О.», это недалеко.
- Ну тогда пошли, выпьем там заодно по пиву...

И они пошли. Ветер дул в лицо, и, идя, Джон чувствовал, что деньги, которые он имел в бумажнике, давно перестали быть заработанными; они стали выигранными. И отношение к ним соответственное. Все, что Джон заработал, он проиграл, а что выиграл — имеет в бумажнике. Джон был случаем вытянут из пропасти и шел, думая об этом. Возвращаться в казино ему не хотелось. Он получил все то, что хотел, к тому же на этот раз бесплатно. Однако... Куда девалась любовь? — подумал Джон. Куда девался Синатра? Куда девался Элвис? Где мои друзья? Где же веселье? Где вся эта так нужная мне веселуха? Все на улице казалось гораздо унылей, чем он предполагал. Мимо прошло несколько женщин. Джон обернулся, глядя им вслед.

— Джон! Пошли! Здесь чертовски холодно!

Когда они зашли в бар, Джон заказал два пива и два виски по сто. Свои сто он тут же вмазал. И взял еще. Джон снова был победителем, но никто об этом не знал и Джон праздновал в одиночестве. Даже без Игнаса. Тот ни игрок, ни неигрок. Игнас просто хотел денег за травку, которую они курили вместе.

Джон въебал еще рюмку и стал думать о разных грустных вещах, пока Игнас подтанцовывая возвращался из туалета с очередным скрученным там косяком.

ДОГОВОР В АДУ

Джону Фаравэю так и не удавалось избавиться от своей игровой зависимости. Регулярно он проигрывал крупные суммы денег в рулетку или аппаратах. Часто начиналось все с того, что он просто включал какой-нибудь лудовод на ютубе или казино-стрим. А потом он *чувствовал* даже, как *соскальзывал* дальше и шел играть. То есть он даже *чувствовал* тот момент. «Момент грехопадения» — думал Джон Фаравэй, при этом, как робот, идя в казино. «Господи, ноги, остановитесь!» — иногда даже говорил Джон Фаравэй вслух. «Куда вы идете? Почему вы несете меня в эту чертову дыру проигрывать мои последние деньги? Остановитесь! Я *приказываю* вам! Остановитесь!». Но сказанные вслух слова не действовали. Ноги несли его прямо в казино. Джон и не помнил, когда он в последний раз выходил оттуда с выигрышем. Даже если такое и было (вспоминал Джон события годичной давности), то уже через день-два от выигрыша не оставалось ничего, и Джон брал быстрые кредиты, чтоб сыграть еще. На каком-то моменте он останавливался, отрабатывал часть долгов, но дела в последнее время шли хуже некуда... Джон не играл уже больше месяца. Его дьявол просто выжидал своего часа.

Раздался звонок. Джон прекратил делать приседания, немного отдышался и взял трубку. Мотя.

— Привет, дружище! Как у тебя вообще дела? — сказал Мотя.

— Да ничего, солнышко продолжает светить... И я стараюсь регулярно делать физические упражнения, чтобы, когда

я найду-таки свою любовь и фортуна, я был еще в форме, ведь это может произойти через много-много лет... Как-то так, — ответил Джон Фаравей. — А ты? Чего ты такой веселый звонишь?

— Ха-ха-ха-ха! — добродушно рассмеялся Мотя. — Ха-ха-ха-ха-ах! Я как раз тебе, почему звоню-то... Ну ты знаешь, что я сейчас в Германии, да? Устанавливаю сети, интернет-сети. И вот я думал, когда еще в Германию приехал... а ведь тут есть Баден-Баден, в котором есть казино «Курхаус», где играл сам Федор Михайлович! И вот.. мне по работе! Ха-ха-ха! Довелось... наконец, побывать в Баден-Бадене! Я СЕЙЧАС ТУТ! Я еще думал, идти или не идти. Останавливаю машину у гостиницы, где думаю переночевать. И смотрю такой.... Ха-ха-ха! Ты меня слушаешь?

— Да!

— И я такой смотрю — вывеска CASINO KURHAUS. Прикинь? Ха-ха-ха-ха-ха!

— Стой-стой! Я все понял! Мотя! Послушай меня! Послушай меня!

— Ха-ха-ха-хха-а! Хах-аха-хах-аха!..

— МОТЯ! ПОСЛУШАЙ МЕНЯ! ТЫ НИКОГДА РАНЬШЕ НЕ БЫЛ В КАЗИНО, ТАК? И НИКОГДА НЕ ХОДИ ТУДА, МОТЯ! ЭТО ОБМАН! ЭТО ЗАПАДНЯ! ПРОСТИ МЕНЯ! Я ЧУВСТВУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ! ВЕДЬ ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО Я ИГРАЮ... Я РАССКАЗЫВАЛ ТЕБЕ О СВОИХ ПРОИГРЫШАХ! ТО ЕСТЬ ЭТО Я ВИНОВАТ!

— Ха-ха-ха-ха-ха!..

— МОТЯ! НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО! Я ЗНАЮ ТВОЙ ЖИЗНЕННЫЙ КРИЗИС, У ТЕБЯ ОТНОШЕНИЯ, ПРИ ЧЕМ ВИРТУАЛЬНЫЕ, С ДЕВУШКОЙ, КОТОРУЮ ТЫ НЕ ЛЮБИШЬ! ТЫ ДОМАШНИЙ ЧЕЛОВЕК! А ТУТ ТЕБЕ, ЧТОБЫ ЗАРАБОТАТЬ ДЕНЕГ, НАДО РАБОТАТЬ, ЕЗДИТЬ ПО ГЕРМАНИЯМ ВСЯКИМ... ТЫ КАЖДУЮ НОЧЬ НОЧУЕШЬ В РАЗНЫХ ГОСТИНИЦАХ В РАЗНЫХ ГОРОДАХ! И У ТЕБЯ КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА, МОТЯ! ТЫ ДАЖЕ СКАЗАЛ, ЧТО СТАЛ ВЫПИВАТЬ ПО ВЕЧЕРАМ... Я

ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ПЬЕШЬ ПО ПАРЕ БОКАЛОВ ВИНА, ЭТО ПОЛ-
НАЯ ЧЕПУХА, НО ТЫ-ТО ПЕРЕЖИВАЕШЬ ПО ЭТОМУ ПОВО-
ДУ... ЧТО СТАНОВИШЬСЯ АЛКАШОМ... ЭТО НЕ ТАК, НО ТЫ
ПЕРЕЖИВАЕШЬ! И ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО МОЛОДОСТЬ-ТО
ПРОШЛА, МОЛОДОСТЬ ТЫ ПРОВЕЛ, В ОСНОВНОМ, В ПОИС-
КАХ СЧАСТЬЯ, ПОТОМ ДО ТЕБЯ ДОШЛО, ЧТО СЧАСТЬЕ, ОНО
ВЕДЬ ВНУТРИ, И ТЫ ПРОСТО СТАЛ ЖИТЬ У КОМПА....
В ГРЯЗНОЙ КВАРТИРЕ... И НА ТЕБЯ НАБРОСИЛА ВИРТУАЛЬ-
НЫЕ СЕТИ ЭТА ДЕВУШКА! МОТЯ! ДА Я ЖЕ ПОМНЮ, КАКОЙ
ГРУСТНЫЙ У ТЕБЯ БЫЛ ГОЛОС ВО ВРЕМЯ НАШИХ ПРО-
ШЛЫХ РАЗГОВОРОВ! И ТУТ ТЕБЕ ПРИХОДИТ В ГОЛОВУ
ИДЕЯ! ПОЙДУ-КА Я В КАЗИНО! НО ЭТО НЕВЕРНАЯ ИДЕЯ,
МОТЯ! ТЫ ПРОИГРАЕШЬ ТЕМ БОЛЕЕ, ЕСЛИ ВЫИГРАЕШЬ...
А ТЫ ВЫИГРАЕШЬ, Я ЭТО ЗНАЮ.... Я ЗНАЮ, ДЬЯВОЛ ОХО-
ТИТСЯ ЗА ТОБОЙ, МОТЯ! НЕ ОТДАВАЙ ЕМУ СВОЮ ДУШУ!...
ВЕДЬ ПОТОМ БУДЕТ ТРУДНЕЕ... Я ЗНАЮ... НЕ ПОДДАВАЙСЯ
НА ЭТИ ИЛЛЮЗОРНЫЕ РОМАНТИЧЕСКИЕ ОГНИ БАДЕН-БА-
ДЕНА! ЭТО ГОРАЗДО БОЛЕЕ ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР, ЧЕМ ТОТ,
КОГДА ТЫ МНЕ ЗВОНИЛ, ГРУСТНЫЙ! ЭТИ РОМАНТИЧЕ-
СКИЕ ОГНИ – ЭТО ИЛЛЮЗИЯ! САМОГО ДОСТОЕВСКОГО ОТ-
ТУДА ВЫТАСКИВАТЬ ПРИШЛОСЬ САМОМУ БОГУ, ПРЯМЫМ
ВМЕШАТЕЛЬСТВОМ! И ВОТ ТЫ ПОЙДЕШЬ СЕЙЧАС, А ПО-
ТОМ, ХОЛОДНЫМИ ЗИМНИМИ ВЕЧЕРАМИ... КОГДА ТЕБЕ
СТАНЕТ ГРУСТНО.... ВОТ КАК КОГДА ТЫ МНЕ В ПОСЛЕДНИЙ
РАЗ ЗВОНИЛ... ТЫ РЕШИШЬ... ТЫ РЕШИШЬ... А НЕ ПОЙТИ-
КА БЫ МНЕ В КАЗИНО.... В КАЗИНО, БЛЯДЬ! ЭЭ... МОТЯ?

Джон Фаравэй посмотрел на телефон. Связь с Мотей,
по всей видимости, давно прервалась. Джон решил пойти
поссать.

После чего Джон решил принять ванну и принял ее.

Потом он сделал себе чаю и покурил.

Через некоторое время Мотя написал: «У-ух! ТЕПЕРЬ я
тебя прекрасно понимаю! Я тут решил пойти, как понима-
ешь, даже пришлось взять напрокат костюм... заплатил
30 евро... и я с 200 поднимаю до 1150. Проигрываю

150 и еле-еле выхожу из казино. Если бы не ты, я бы поставил еще, а останься у меня 900, я бы сделал *одну последнюю ставку* на все 900...»

Джон Фаравэй слушал Мотю, как зачарованный. Если бы Джон Фарафей родился не в Л.А., а например, в Клайпедзе, как Мотя, и вообще, если бы Джон Фаравей БЫЛ Мотей... он бы говорил сейчас то же самое, именно в таких словах... Пока Мотя говорил все это, Джон Фаравэй ОЩУТИЛ себя Мотей... «Может, между людьми вообще нет никакой разницы и это все проделки дьявола? — подумал Джон. Может, мы все едины?»

— Мотя, знаешь, что мне только что пришло в голову? — сказал Джон Фаравэй. — Дай мне обещание. Дай мне обещание, что ты не пойдешь в казино раньше, чем я. Ты знаешь, насколько все серьезно. Ты видел меня. Я видел тысячи таких, как я. Речь идет не только о твоих деньгах и о твоей жизни. Речь идет о твоей душе! Если я паду, если я пойду раньше! Только тогда иди!

— Ха-ха-ха-ха! Я уже ПРОСТО ЖДУ, когда смогу снова пойти в казино и пожать руку дьяволу! Куплю себе фрак....

Джон Фаравей промолчал.

— Хорошо, — сказал Мотя, назлорадствовавшись властью. — А если я приеду и начну тебя уговаривать пойти со мной ВМЕСТЕ?

— Ну что ж. Мне придется сопротивляться, так как не в этом смысл сделки. Таковой будет цена моего доброго дела. Да! Ведь когда я умру и попаду в ад! Когда черти приблизятся ко мне и захотят схватить меня и бросить в адский котел! Тогда я и скажу: ПОДОЖДИТЕ! ПОГОДИТЕ! А ведь я сделал одно доброе дело! Я не отдал душу Моти на растерзание бесам! И через это я и спасусь! Это мой последний шанс! Ты тоже через наш Договор спасайся! Останься тем исключением из исключений, кто остался в выигрыше от казино! Ты только пойми, насколько грандиозная это история!

— Я не пойду раньше, чем ты, — подумав, сказал Мотя.

На том и порешили.

«Господи Иисусе! — подумал Джон Фаравэй. — Неужели это сработает? Я уже не тот, что раньше... Я уже не хочу совершать грехи лишь бы узнать, что они существуют. ... Что такое понятие, как грех, — это не просто слово, а что-то, что действительно существует. У меня просто духу не хватит столкнуть чистую душу друга прямо в ад! У Моти тоже духу не хватит, — подумал Джон Фаравэй. — Раз он даже с девушкой, которую не любит, не может расстаться, то друга, которого он все-таки, наверное, любит, у него точно не хватит духу отдать чертям!

Такая формулировка удовлетворяла Джона Фаравэя. Она звучала просто то, что надо, и Джон решает навсегда поставить на этой теме огромную жирную вонючую точку. Ставит, потом коротко хохочет и ставит еще одну точку, на этот раз обычную. Ставка сделана, дамы и господа.

АЛЕША ИКС

У меня странное положение дел на данный момент. Как впрочем, и у любого из нас, всегда. Все в этом мире странно, не правда ли? Но вернемся ко мне. Внешне — я второй год работаю учителем английского языка в одной клайпедской гимназии и являюсь Владельцем индивидуального предприятия «D.R.». Это коммерческое предприятие, НДСплательщик, оно очень тесно сотрудничает с общественными организациями города Клайпеды. И не только с ними. В политику не лезет. Занимается, в основном, издательской деятельностью (книги, листовки, брошюры, буклеты, плакаты и т.д.), интернет-сайтами и рекламой. Вся продукция качественна и продается по конкурентоспособной цене. В этом можете не сомневаться. На моем предприятии работают профессионалы... Но все это чепуха, я даже специально сейчас все преувеличил для солидности. Я хочу совсем о другом вам рассказать. Позвольте мне пролить свет на *внутреннюю* составляющую всего этого.

Есть некий Алеша Икс. Он 35-летний предприниматель. Он сделал для меня много хорошего. Недавно он подарил мне брюки и две пары туфель. Если я захожу к режиссеру театра, в котором играю, и у меня нет сигарет, и я беру из пачки режиссера сигарету, он будет тем самым человеком, который положит пачку мне в карман. А потом, если мы будем ссориться, окажется, что пачка там оказалась не потому, что он просто решил дать мне пачку сигарет, а потому, что я

«бы выглядел посмешищем». Какое ревностное отношение, не правда ли? Вот что я вам скажу: у нас с ним совершенно не совпадает идеология. Алеша Икс — сама заботливость. Именно о нем и пойдет речь.

Познакомился с Лешей Икс я так: как-то я был в гостях у режиссера, я курил там травку с пацанами, запершись в комнате с ее сыном и двумя или тремя моими корешами. После первой же затяжки я повалился на пол, а они вдвоем сидели в зале. Тогда я думал, что мой стареющий режиссер (женщина) нашла себе любовника моложе ее. Впрочем, их отношения мне казались странными. Он сидел, укутанный ею пледом, пил лекарство с ложечки и хитро улыбался, а она... посматривала то на нас, то на него. И не знала, с кем ей общаться больше. Мы ее решили не смущать и пошли в комнату, где курили травку, от первой же затяжки которой я повалился на пол.

Далее была следующая ситуация: где-то через 3—4 месяца мне понадобилось издать журнал творчества школьников города Клайпеды. Я не имел по этому поводу никакого энтузиазма, ведь это был просто литературный кружок, за который мне платили и который я не вел. Но надо было показать итоги годовой работы. Близилось время отчета. И я как-то и говорю своему режиссеру, что мне нужна консультация с каким-нибудь дизайнером, разбирающимся в программе корел или индизайн.

— Есть у меня один дизайнер, — сказала она. — Ты его видел. Я тебе помогу.

— Дайте мне его номер, — сказал я.

— Нет. Я ему позвоню и скажу, что это надо мне.

— Да чего это вы? Просто дайте мне его номер, я сам разберусь. Не хочу вас в это вмешивать.

— Нет. Я позвоню.

— Хорошо, — я пожал плечами.

Это была ее ошибка. Или моя. Но с этого все началось.

Через пару дней мы пошли к нему в гости. Зашли сначала в магазин. Я всегда отличался бедностью, так как никогда не хотел подниматься по социальной лестнице. Ел я немного, платил квартплату за 13 метров в общежитии с душем и туалетом. В основном деньги я тратил на бухло и сигареты. В общем, я просто ходил вслед за режиссером, когда она набирала в корзинку мясо, лук, помидоры, огурцы, картошку, хлеб, майонез...

— Я куплю фляжку, — сказала она. — Ты положи ее в карман и достань, когда мы придем. Просто достань и поставь на стол. Заставим этого козла выпить вместе с нами.

— Возьмите вот эту, — сказал я.

— Нет. Я могу пить только коньяк.

— Тогда вот эту...

Мы приходим к нему домой, готовим обед, и я достаю фляжку и ставлю ее на стол.

— Вот, для аппетита, — сказал я. — Отличный коньяк. Лучшее соотношение цены и качества в городе!

Леша Икс покраснел и не возражал.

— Ну, разливаем тогда...

Режиссер бросила на меня удивленный взгляд...

...Я помню, как он что-то говорил, стоя спиной к нам, резал лук, а режиссер что-то по-клоунски жестикулировала мне и подмигивала...

Потом он пошел в туалет, а режиссер сказала:

— Ты смотри какой. Он не отказывается пить. Вот козел...

Вечер прошел за выяснением особенностей программы *abode indesign*. Я старался запоминать. Потом я возвратился к себе в холодную комнату на улице *Sausio* и как обычно напился, а потом лег, думая о том, как бы мне издать этот проклятый, никому не нужный журнал, лег, накрывшись двумя одеялами, и заснул.

Вскоре мне понадобилась еще одна консультация, так как, обратившись к программе самостоятельно, я снова не смог в ней разобраться. И мы снова пошли к нему вместе с режиссером. На этот раз я снова принес фляжку, правда, купив ее за свои деньги. Я ставлю ее на стол, и режиссер говорит:

— Нет, ой, нет. Я не буду пить. Вы если хотите, мальчики, то пейте, конечно...

— Да, я пожалуй, выпью, — говорит Леша Икс.

— Серьезно? Ой, тогда и я тоже выпью, — говорит она.

Мы выпиваем...

На этот раз она отрубилась от усталости у него в комнате, а мы сидели на кухне и снова повторяли пройденное. Но и на этот раз я запоминал все кратковременно. Через час мы уходим, и еще в лифте она мне говорит: «Он не пьет, ты понимаешь, он вообще не пьет! Я даже издеваюсь над ним иногда, если мы идем в ресторан. Я говорю «Мне водки! А ему — кофейку, пожалуйста!»... а ему — все равно...»

Мы садимся в автобус, и я возвращаюсь в свою холодную комнату и напиваюсь. Потом ложусь спать, укрывшись двойным одеялом.

На следующую нашу встречу я пришел один. Думая, что у этого человека податливый характер и что он помогает решительно всем, я решил просто вести себя учтиво с целью, чтобы он сделал за меня мою работу. Я под постоянным его надзором и жутко матерясь составил сам в word'е сборник в алфавитном порядке (материалы, скопленные за последние четыре года простоя журнала; их мне предоставила завуч). После чего мы немного выпили, и я отправился домой. А вот о следующем моем приходе я хочу рассказать поподробней.

Это было в марте или апреле. Я точно помню, что была пятница. И что впереди ожидалась весенняя каникулы. Я покупаю бутылку водки и пару пива и иду к нему. Я иду к нему пешком и по пути выпиваю все взятое с собой пиво. Я помню, что меня с бутылкой водки и двумя или тремя бутылками самого дешевого пива видела моя коллега из школы, а также техничка и секретарь, они поздоровались со мной, а я пошел дальше, думая, что вот, мол, они видят меня, идущего с водкой и пивом. Минут через сорок я дохожу до его дома...

Я помню, что мы пьем, что я рассказываю ему о своей жизни... Ставлю одну песню за другой на ютубе. И это именно то, что мне нужно. Кто еще стал бы меня слушать? Кто еще относился бы ко мне столь серьезно? Ко мне, не имеющему лишнего лита в кармане, давно не трахавшемуся, мрачному сукиному сыну. А тут я нашел слушателя и мне кажется, что что-то происходит. Я даже стал читать ему некоторые из своих рассказов. И я думал, вот он, прорыв. У меня появился друг — издатель. Мне показалось это романтичным. Водка закончилась, он заказал такси, и таксист привез еще водки. Помню такой момент под утро: я молчу, глядя в окно, а он несет какую-то чепуху.

Пьяную. Бред.

— Леша, можешь ли ты помолчать пять минут? Просто слушай тишину...

Я смотрю в окно. Леша кивает.

Проходит пять минут, слышно завывание ветра за окном, дребезжание компа в комнате... Он выдержал все пять минут с честью. И не заснул — только протрезвел. Когда он получает приветственный утренний смайлик от режиссера по скайпу, я узнаю, что он должен ехать в Калининград с ней через час.

— Леша, ты поедешь в Калининград?

— Еще не знаю...

— Но, судя по тебе, ты вряд ли поедешь.

— Наверное, вряд ли.

— Так надо же предупредить, надо же отмазаться...?

— Давай ты напиши, — говорит он.

Я пишу: «Василиса Светлова! Пишет Влад! Мы с Лешей пили всю ночь! Мне кажется, он не поедет в Калининград сегодня!»

В ответ мы что-то получаем. И Василиса Светлова едет в Калининград одна. Так и началось это «мы». И это «мы» длилось около 4—5 месяцев. Я заночевал у него, в теплой квартире, квартире, где кот, комп, холодильник с едой, много цветов и такой мировой исключительный хозяин, всегда готовый помочь. «Гей ли он? — думал я. — Да нет, вряд ли. Просто очень странный парень. Вообще-то мне нравятся странные люди. Может быть, он даже гений».

Возможно, это правда, думаю я теперь, но скорее всего это полная хуйня.

Прошло около месяца. За этот месяц произошло многое. Это был месяц атмосферы такого коллективного творчества. Я сыграл Мистера Хиггинса в спектакле по мотивам «Пигмалион» Б. Шоу, который ставила Василиса Светлова. Спектакль имел местечковый успех. В глазах зрителей я был занимательным актером. Мне нравилось изображать из себя безумного гениального профессора. Несмотря на то, что денег я за это не получал, это психологически помогало мне держаться на плаву...

На юбилее организации Василисы Светловой я познакомился со стриптизершей Кирой. Живет с мужем, который

после 7 лет совместного проживания отказывается ее ебать. Она говорит, что сделала его тряпочником. Когда они познакомились, он ходил в спортивных штанах до груди и майке. Теперь он заказал пальто на две штуки за ее счет и постоянно ходит по магазинам. Я с ним не знаком, и это все, что я о нем знаю. Возможно, он хороший человек. До юбилея, она, будучи маникюршей Василисы Светловой, и Василиса Светлова имели короткий разговор о том, как бы ей для души познакомиться с каким-нибудь молодым парнем («только чтоб не старый, Василек!»), и чтоб у того не было денег. Я соответствовал обоим условиям и был не против.

Она старше меня на шесть лет, дважды замужем, имеет дочь, которая живет у своей бабушки. Она в шутку сделала мне предложение как-то («а то леша икс уведет!»), и я, не раздумывая, сказал: «Да, конечно, крошка!». Какого черта? Все равно до этого не дойдет. Хе-хе-хе-хе. «Да, детка, но с одним условием, — продолжал я гнать. — Только если мы поженимся в Индии... Я там давно мечтал побывать...» «Лас-Вегас тебе не подходит?» — спросила она. «Для меня это слишком мажорно, крошка. Индия — это теплая страна дешевых шлюх, еды, травки, растущей на улице, и Индийского Океана». (NB Я звучал, выглядел и вел себя, как недалекий долбоеб.)

Наши взаимные шутки обычно на тему хуев и пизд, проституции и слабого передка, Леши Икс и гомосексуализма. Не очень высокие шутки, но мне с ней было хорошо, я так думал по крайней мере. Иногда я думал, что это всего лишь женщина, а иногда я думал: «Господи! Какая восхитительная женщина!» Особенно часто ко мне приходили последние мысли, когда мы кончали одновременно. (NB Впрочем, это далеко не показатель. Далеко не показатель, поверьте! Я просто был недалеким долбоебом, вот и все.)

Леше Икс она очень не нравилась.

Вскоре после той ночи, когда Леша должен был ехать в Калининград, но не поехал, я у него поселился. У нас был общий бюджет. У нас была общая работа и общие расходы. Даже кот был общим. Как-то вот сдружились мы так. Бывает... Лишь несколько вещей у нас оставались личными. Это Кира, она была только моей, и она ему не нравилась, так как он считал ее проституткой... (мне казалось, он хочет настроить моих близких против нее). И это его друзья, которых он лечил от рака, и которые мне не нравились. Мне казалось, его наебывают на деньги, и я так думаю до сих пор, так как Леша всегда готов помочь. Благодаря чему он и его фирма влетели в долги. И благодаря чему (и не только) однажды вечером, когда мы смотрели очередной включенный мною фильм и пили вино, и разговаривали обо всем на свете, он мне и говорит:

— Влад, я тебе сейчас кое-что расскажу... В общем, моя фирма должна, у меня могут арестовать счета. Идеальным решением было бы организовать другую фирму, таким образом можно было бы регулировать НДС и другие налоги... Василиса Светлова не может этого сделать, у нее общественная организация. Есть вариант с Нэлли, но она, если организует фирму, не будет получать пособие по безработице... А она этого боится...

— Ты предлагаешь мне открыть фирму, Билли-бой? — спросил я, делая глоток винца и закуривая сигарету, и поглаживая кота.

— Нет, я пока ничего не предлагаю, я прикидываю варианты, — сухо ответил он.

— Ок, — ответил я.

— Подождем до понедельника, — сказал он. — Посмотрим, что скажет Нэлли.

Нэлли отказалась, и мы поехали открывать фирму. Договора никакого не было, даже устного. Предполагалось так: он работает от имени моей фирмы и моего имени как Владельца и Директора, платит все налоги, а я контролирую. Мне просто захотелось перемен, и я подумал: «Посмотрим, куда меня выведет эта дружба, посмотрим, где я окажусь». Наступило лето... Пора моего отпуска.... Но тем не менее, если ты живешь под одной крышей с трудоголиком, а сам просто расслабляешься, рано или поздно что-то изменится. Либо трудоголик начнет «расслабляться», либо алкоголик начнет работать. Он стал больше пить, я стал больше работать. И начался новый период в моей жизни. Лето 2011 года. Первое лето, которое я не проводил у моря, первое лето, когда я не мог найти свободного времени даже на то, чтобы встретиться с Кирой — не говоря уже о том, чтобы просто поехать к морю в одиночестве. «Взрослей, Влад, — говорил мне Леша Икс». «Что происходит с моей жизнью?... — думал я. — Раньше я каждый день ездил к морю, невзирая на погоду, я купался, пил пиво, думал о своем, а теперь... Вся моя жизнь стала бесконечной беготней...» «Так живет большинство людей», — думал я. Но был ли в этом смысл? Вернее: был ли в этом смысл, если всей бухгалтерией, всей административной хуйней занимался он? И печать моей фирмы он ставил сам. Он, который категорически не приемлет женщин как женщин, а мужчин как мужчин, не приемлет пороков, наркотических веществ как идеи, хотя признается, что никотин и кофеин — тоже наркотики. Он и его худое лицо, он и его кофе, он и его ценности. Он и его история о девочке, которую он любил, о своей единственной любви, которую он не видел больше десяти лет и все равно любит и никогда не будет с другой... Я только пожимал плечами. «Владь, — говорил он, — Ты всегда можешь на меня положиться». Он так и говорил — «Владь». Я ему верил. Я думал, что у меня появился друг. При этом со временем я стал ощущать себя объектом манипуляций.

И спали мы в одной кровати, так как других в квартире не было. Большая двуспальная кровать. С разными одеялами. А я не мог ездить к себе ночевать на ул. Sausio, так как там не было интернета. Ну как бы мог, конечно. Просто не ездил. Мне казалось, нормально и так. «А что», — говорил я и цитировал какого-то блогера:

Есенин и Мариенгофф спали под одним одеялом много лет. Однажды они наняли одну молодую поэтессу, чтобы она перед сном грела их кровать в течение 15 минут. Когда девушка начала раздеваться, друзья отвернулись и не оборачивались в течение всех 15 минут. Оскорбленная девушка тут же уволилась.

Так что я напивался на ночь пивком или винцом, думая о том, гей он или нет (а он уже спал), я напивался, слушая в наушниках Элвиса с ютуба, а потом, пошатываясь от опьянения, я шел спать. Я шел спать, и кот только тогда запрыгивал на кровать и ложился у наших ног, и начинал «заводить свой трактор» (мурлыкать и сопеть). Хороший кот. О нем у меня самые светлые воспоминания...

Снова началась новая жизнь и хоть убей, все, что было до нее, забылось. Была только одна реальность. Невыносимая реальность бытия. И эта реальность заключалась в том, что у меня есть фирма, и общество в лице Леши Икс требовало, чтобы я работал. Деньги, конечно, мы тратили вместе, но...

Леша был примерным человеком. Он всегда ходил в чистой одежде, и я был единственной причиной, почему он ложился спать поздно. Вставал он все равно рано. «Зачем?» — спрашивал я. «Люди привыкли, что они могут на меня положиться в любое время суток, — отвечал он. — Звонки начинаются с 6 утра...» Я пожимал плечами и продолжал спать до 12. Вскоре и меня начали будить в 11 или 10 утра. Или даже раньше. Я поднимал трубку, которую мне подносил Леша Икс и говорил в нее бодрим (старался) голосом:

— Да!

— Добрый день. Вы Влад Ж., владелец открывшегося недавно индивидуального предприятия D.R.?

— Да, это я.

— Я вас не разбудил?

— Нет, нет, что вы....

— Меня зовут Миндаугас, я представляю SNORO bankas.

Вы уже открыли счет?

— Да.

— Позвольте узнать, где?

— Да я не знаю. Чего вы от меня хотите? Я вас не звал.

— Я представляю компанию...

Я бросаю трубку...

— Леша, зачем ты меня будишь по такой хуйне?!

— А кто это звонил?

— Какой-то пидарас из банка. Предлагал свои услуги.

— Что он предлагал?

— Да я не знаю...

— Зря. Я бы выслушал его предложение, — отвечает Леша.

Я закрываю глаза и кладу голову на подушку, болтаясь между сном и явью...

Что произошло в моей жизни? Может, я просто устал? Но я не мог отдыхать — я работал больше, чем когда бы то ни было. Может быть, я «повзрослел», как считал сам Леша Икс? Начал работать на будущее? Может быть. Но кто этот человек, с которым я *сплю на одной кровати?*..

— Владь, иди сюда...

— Да?

— Вот смотри. Какой вариант дизайна тебе больше нравится? Этот или вот этот?

— Мне не нравится ни один, — отвечал я.

— *Не ерничай, чудо!* — говорил он. — Ты же знаешь, что у меня нет времени на обдуманый дизайн!

— Вот этот лучше, — говорил тогда я.

— Все хорошо? — спрашивал он сразу, пристально глядя на меня.

— Да, все хорошо.

— Ты какой-то странный сегодня.

— Это мое нормальное состояние.

— Нет, Владь. Произошло что-то, что мне непонятно.

Вот минералка.

— Спасибо.

— Сделать кофе?

— Не знаю.

— Кофе или чай?

— Кофе.

— Большую или маленькую?

— Не знаю. Э-э-эм... маленькую.

— Слушай, Владь, давай курить только на балконе. Ты же видишь, как часто мы курим на кухне. Если бы нам пришлось выходить на балкон, мы бы курили намного меньше.

— Не, давай курить здесь, — отвечал я, прижигал сигарету и проверял почту, на которую стали чаще падать письма.

Леша Икс стирал мои рубашки, джинсы, носки и даже трусы. Гладил их. Я всегда ходил в чистой и выглаженной одежде. Аргументировал он это тем, что вырос в большой семье и привык заботиться об окружающих. К тому же ему нравится стирать. Ну что ж, думал я. Бывает. У каждого свой бздык. Я вот любил готовить. Я часто готовил по вечерам ужин, преимущественно состоящий из пюре, овощного салата и куриного филе. После обильной трапезы я обычно выпивал 2—3 литра пива или вина, после чего ел добавку. Я, после лишений, которые испытал, обжирался. И очень быстро набрал 7—8 килограммов.

— Втягивай живот, — говорил он.

Я втягивал живот...

— Скоро запишусь в зал, — говорил я. — Надо начать заниматься спортом...

— Владь, прекрати хотя бы пить пиво. Если не можешь отказаться от пива, а я вижу, что не можешь, пей хотя бы не из пластиковых бутылок...

— Хорошо, — говорил я и даже боксировал с тенью пару минут, стараясь доказать себе, что я еще на что-то гожусь.

Я словно был околдован им и тем, что ко мне обращались, как к Владельцу Фирмы разные высокопоставленные люди. Фу. Как это отвратительно. Сам Леша Икс тащился от похвалы вышестоящего насчет какой-нибудь им сделанной продукции. Я этого не понимал, но думал: «Новая жизнь... Новая жизнь — это всегда круто...» Я почти в это верил. Я даже старался разговаривать, как бизнесмен. Вряд ли у меня получалось.

Хочу отметить, что наше общение и совместное проживание в одной квартире (всего оно длилось почти три месяца) очень пришлось не по душе режиссеру театра, в котором я играл. С ней у него были странные отношения. Как впрочем, и со мной. Он ей во всем помогал, но должен был ей большую сумму денег, которую срочно у нее одолжил, чтобы поехать в Рязань к другу, больному раком. Деньги он так и не смог вернуть. С этими долгами она расплачивается до сих пор — третьим лицам. Курс химиотерапии он провел, с родными своего друга детства пообщался, поссорился с его женщиной, получил от своего друга пизды («*Впервые в моей жизни на меня подняли руку!*») и вернулся обратно. Это все происходило как раз сразу же после того, как я увидел его впервые, но я узнал об этом позже.

Василиса Светлова о нем думала, она о нем мечтала, они постоянно переписывались. Она была в него влюблена. А он не подпускал ее к себе, однако и не отпускал полностью. Какое-то непрерывное сексуальное мучение. Он ее даже поцеловал однажды (с ее же слов, он это отрицал). Я думал примерно следующее:

«Если у человека очень развито какое-то качество, то вероятнее всего какое-то качество, ему противоположное, у него недоразвито. Если он такой альтруист (его друг, бывшая соседка и т.д.), то наверняка это от неуверенности в себе в связи с тем, что у него не стоит, а не потому, что он высокодуховный человек... Взять вот, к примеру, Киру. Она крайне сексуальная женщина. И любит рисовать различные цветочки красками и украшать орнаментами и лентами бутылки. Но она не может умножить 12 на 12. Абстрактное мышление, так сказать, почти полностью отсутствует. Однако это не мешает ей жить и весьма успешно. И при общении понимаешь, что она далеко не так проста, как кажется. Но 12 на 12 — блок. У Леши Икс примерно то же самое. И тоже — блок».

Это объяснение совершенно меня не устраивало, но я все равно как-то спросил его, предвосхищая реакцию:

— Леша, ты когда в последний раз ебался?

Он ответил как-то совсем не по-дружески:

— Владь, это мое личное дело и тебя оно не касается, извини.

— ОК.

Я решил отвечать так же. Но если мне было все равно, то ему нет. Не то, чтобы он запрещал мне что-то, но очень сильно беспокоился. Я не знаю. Я не хотел этого. Seriously. Но он очень сильно беспокоился, а я... а что я? Я — доброй души человек и позволял ему стирать мои трусы... Наверное, это была ошибка. Теперь сложно сказать...

После того, как я поселился у Леши Икс, у них с Василисой начались частые ссоры. Меня они не интересовали, однако я был в курсе всего, так как Леша буквально исходил пеной изо рта, общаясь с ней по скайпу. Какие-то буковки, а он исходил пеной... Леша Икс говорил мне о том, какая двуличная эта Василиса Светлова, а Василиса Светлова

в свою очередь настаивала на двуличности Лешы Икс. Я думал, что они оба двуличные, потому старался держаться нейтралитета. А это было довольно сложно, так как оба они интересовались друг другом... Я старался молчать, но всего не скроешь. Выходило, что двуличный — я...

У меня постоянно возникала одна и та же мысль: «Да трахнитесь же вы, наконец!» Василиса была бы не против, но я знал, что для того, чтобы трахнуть с Лешей Икс ей нужно будет как минимум приковать его наручниками к батарее. Леша Икс говорил, что его не тянет к ней как к женщине. Однако почему же он при всех вставал на колени, застегивая ей пальто? Почему же он был всегда рядом, даже когда у той завелся морячок? Он же знал, как она к нему относится, он же знал, что она думает о нем, лежа под тем морячком? Это для меня загадка. Ницше вот пишет, что все дело в воле к власти. Кира говорит, что все дело в гомосексуализме. Я не знаю, кто из них прав. Возможно, даже оба. А возможно, никто.

Я должен был отчитываться в том, куда я иду и когда я вернусь. Почему? Потому что я мог понадобиться дома — в работе, так как мы стали, что называется, компаньонами. Для него, кроме работы, ничего не существовало. Врать я никогда не люблю, но если бы я говорил: «Я не хочу говорить, куда я иду, но это не по работе, не парься», реакция была бы ужасающей. «У нас пропало доверие друг к другу, Влад... как мне все это не нравится...» «Да с Кирой я иду встречаться, дурак ты!» «Когда вернешься?» «Не знаю. А что?» «А то, что у нас много работы, Владь! Возвращайся поскорее!»

Очень похоже на семейную жизнь, верно? Нас связывали узы — но не брака, а Фирмы. Я сам во всем виноват. Но я не жалею (no regrets). У меня была работа и мне не приходилось особенно переживать по поводу того, что будем жрать завтра. У меня был трудовой в «семье». Однако мне на всю эту «Фирму» было по большому счету на-

срать. Я не торговец, и я не бизнесмен. Это определено и точно.

Заработали ли мы денег? Нет. Но мы жили на них все лето и это с них он купил мне недавно брюки и две пары туфель... Не то, чтобы он за мой счет покрывал свои долги, нет. Все было по-честному. Проект этот долгосрочен — и главным образом тут речь идет о сотрудничестве с общественными организациями с их перспективными проектами, которые окупятся, возможно, в будущем... бла-блабла. Леша Икс вот верит, что окупятся. Я не знаю. Мне похуй.

Так все и продолжалось, но напряжение росло. С Кирой я стал встречаться все чаще. Мы встречались либо в городе, либо уже у меня тут, на улице Sausio, в квартирке, которую я все это время продолжал снимать...

Я расскажу вам поподробней о том, что это за место. Это притон, где живут наркоманы, алкоголики и проститутки. Квартира на первом этаже — прямо напротив входа. Я слышу все входы и выходы в подъезд, все разговоры за тонкой дверью. Не железной. Я часто слышу лай собак за стеной. Правда, в последнее время он прекратился. Я могу только догадываться почему... В моей комнате полно тараканов. Я всегда убиваю кулаком парочку, когда сюда возвращаюсь и включаю свет, а они стараются как можно быстрее спрятаться от моих глаз. В подъезде жутко воняет. У подъезда — никогда не исчезающая лужа...

Недавно во вдохновении я ходил по этой квартире и в восхищении перечислял вслух все принадлежащие мне вещи, которые тут были. Я говорил, глядя на каждую вещь, ощупывая ее: *«У меня есть плитка; у меня есть майка с Евробаскета; у меня есть отличное подсолнечное масло; две пельменицы; три кружки; чайник; сахарница и немного сахара; расческа; зеркало; игрушка; у меня есть комп; у меня есть ведро и карты; сигареты и 3 комплекта постельного белья; покрывало; проводник; посуда...»* Я подходил к шкафу и открывал бар: *«У меня есть бонг, у меня есть смазка, презер-*

вативы, аппараты для приготовления сигарет, у меня есть кости, карты, неполный комплект сувенирных медалей с евробаскета, у меня есть даже духи и много сеточек для бонга...»

Почти все эти вещи были подарками — то от Киры, то от Игоря, то от кого-то еще. Я шел дальше...

У МЕНЯ ЕСТЬ ПЫЛЕСОС У МЕНЯ ЕСТЬ КНИГИ И ЧИСТАЯ ОДЕЖДА, У МЕНЯ ЕСТЬ ДОКУМЕНТЫ И ЧИСТЫЕ ТРУСЫ, У МЕНЯ ЕСТЬ ТРИ ЗУБНЫХ ЩЕТКИ, ТРИ ЗУБНЫХ ЩЕТКИ, БЛЯДЬ, МЫЛО, ГЕЛЬ ДЛЯ ДУША, ШАМПУНЬ, ПОЛОТЕНЦА, ТУАЛЕТНАЯ БУМАГА И БРИТВА, ФЭЙРИ И ЕРШИК, ТРИ ПАРЫ ОБУВИ, ТРИ, ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА И ЕДА В ХОЛОДИЛЬНИКЕ!!! У МЕНЯ ЕСТЬ ВСЕ...

Я запомню это место навсегда. Я люблю это время моей жизни, и я люблю свою жизнь здесь. Я даже любил тут Киру все время, как она здесь была. Она приходила и уходила и скрашивала мое одиночество. Чертова романтика хрущевок. Когда она уходила, в моей комнате смыкались стены. И я доставал припасенную бутылку вина из «развратного шкафчика» (бар в шкафу) и травку, если была, и оформлял все, что было, слушая музыку с компа, печатая что-либо, смотря какие-нибудь фильмы или просто сидя на стуле напротив зеркала и дымя в него сигаретным дымом...

Она часто оставалась до утра, и мы спали в обнимку, а просыпались с болящими шеями. Однажды нас часа в три ночи разбудил жуткий рев двух котов, которые ревели друг на друга по очереди. Прямо под моим окном. Это продолжалось около часа...

Алешу Икс она ненавидела. Постоянно о нем спрашивала и настаивала на том, что он гей. Я беспечно отмахивался, так как был счастлив. Она утверждала, что Алеша Икс ее не знает, а врет моим близким, что она проститутка: *«Он меня что, у гостиницы „М.“ снял? Да, был случай, когда я из стрипклуба пошла за бутербродами на бензоколонку, но он не мог меня тогда видеть, хотя утверждает, что видел. Это*

блеф. Почему он меня так оскорбляет? Я с ним даже не разговаривала ни разу! А я тебе скажу почему, — продолжала она и наклонялась ко мне, высоко задрвав голую жопу. — *А потому что ОН ПИДАРАС!*»

— Да даже, если так? — смеялся я. — Фредди Меркюри тоже любил ебаться в жопу...

— Он — не Фредди Меркюри! Да ты хоть понимаешь, что я для тебя — алиби! Если в итоге выяснится, что он пидарас, вот я посмеюсь!

Я только смеялся в ответ...

Позднее она стала говорить, что как только увидит его идущим по улице, первое, что она сделает, — это вмажет ему хороший хук правой. Потом всегда сокрушенно добавляла: «Но он же рассыпется! Пидарас!»

Я смеялся еще...

Я уходил к ней на встречу, а когда возвращался, он, как мне казалось, всегда был чем-то недоволен. Наверняка, он думал, мы его там друг с другом обсуждаем... Но чего ему было волноваться, если бы все было на пустом месте?

Иногда я думал, что, возможно, он просто... эм-м.... женщина? Цыганка нагадала моей родственнице, что я буду долго выбирать между двумя женщинами в ближайшем будущем... может, об этом и речь?.. Даже такие мысли меня иногда посещали, серьезно. Конечно, возможно, он сам ничего не знает о себе... Возможно, он боится себе признаться в чем-то...

Я не знаю — и уже не хочу ничего знать. Просто хочу написать этот рассказ и все.

Все время работы мы проводили на кухне за компами. Перед нами лежала пепельница... рядом — чайник и кофе... и гудение системных блоков...

Наше несогласие по некоторым идеологическим вопросам он воспринимал как следствие влияния на меня Василисы Светловой и Киры. Особенно Василисы Светловой. Он даже подпись такую поставил в скайпе: «*Я слишком хорошо*

знаю, чего ты добиваешься, чтобы тебе это удалось». Я никогда не спрашивал, но думал, что это взаимосвязано. По его мнению, Василиса хотела нас рассорить. Мне было по барабану, я не понимал только, чего он парится.... После того, как я прекратил с ним тесное общение, подпись его поменялась на: *«Вокруг столько прекрасных людей!»* Я снова увидел в этом намек.

Сейчас он нашел себе другой объект для заботы. Это молодой парень по имени Костя. Алеша Икс лечит его от редкой болезни Крона. Источниками подтверждено, что Костя — натурал и у него вырезано 15% кишечника.

Однажды вечером сидим мы так за компьютерами, и я решаю оставить работы на потом и немного развеяться. Было около 9 часов вечера. Я говорю Леше, что вернусь около полуночи. «Я буду ждать, Владь». Я вышел в подъезд, и у меня в ушах звучала еще эта рифма «ждать-Владь». На улице было темно и прохладно. Идти предстояло через парк. Я пригласил Ивана, который жил неподалеку, в дом моих родителей. Квартира была пуста. Иван принес травки. Я взял пива. Мы сидели на кухне и разговаривали. Вскоре к нам присоединился Родик. Оба — мои друзья. Мы сидим на кухне и разговариваем, и играем в карты, и курим, и пьем. Тогда Иван говорит:

— Слушай, Влад, я помню, у тебя тут есть видеомэгнетофон. Давай посмотрим какой-нибудь фильм с видеокассеты?

Я был не против. Но в связи с тем, что по возвращении планировалось с Лешей Икс выпить винца, я написал смску, что вернусь позже. Он ответил: «Спасибо, Владь». Я расслабился и включил фильм. Я выбрал старую видеокассету с надписью «ЧЕЛОВЕК С БУЛЬВАРА КАПУЦИНОВ». По ходу фильма я хотел рассказать парням о том, как я был в Москве в театре недавно...

Приходит еще одна смска от него. Я не могу их процитировать, так как всегда их стираю. Смысл был в том, что он

был недоволен и, как всегда, чем-то обижен. Я не понимал, почему. Махнув рукой, я продолжил смотреть фильм... Мы громко смеялись с того, каких долбоебов изображала актерская массовка...

Примерно на середине фильм нам надоел, и настала пора расходиться. Они пошли по домам, а я пошел к Леше Икс — мало ли его обида связана с какой-нибудь там срочной работой... к тому же мы с ним договаривались выпить винца...

Я прихожу домой, открываю дверь и в свете лампы, которую я зажег в коридоре, я вижу его, лежащего в кровати. Его и его открытые глаза...

— Спишь? — спросил я.

— Нет, — еле выдавил он из себя.

— ОК, — говорю я иду на кухню.

Я вижу кота, спящего на моем месте. Открываю холодильник, кладу туда купленное по просьбе Лешки мороженое... кот спрыгивает с кресла... я накладываю ему еды в миску. Он жрет, с удовольствием подрыгивая кончиком поднятого пистолетом хвоста... Я ставлю чайник и включаю свой комп (печатную машинку). Потом я закуриваю...

Леша Икс приходит на кухню, садится на свой стул. Я чувствую, что он смотрит мне в глаза. Я поднимаю голову, он смотрит куда-то, но не в мои глаза, и курит. Его рука дрожит.

— Твое мороженое в холодильнике, — говорю я.

— Не надо, спасибо, — сухо отвечает он.

Я захожу в интернет...

— Влад, почему ты не держишь свое слово? Скажи мне просто, ответь, неужели это так сложно, быть человеком слова?

— В смысле?

— В прямом.

— Я тебя не понимаю.

— Конечно, зато своих друзей ты понимаешь отлично. Я понял, я для тебя не друг.

(NB почему он ведет себя так, словно я должен оправдываться?)

— Леша, не еби мне мозги.

— Я ВСЕГДА ДЕРЖУ СВОЕ СЛОВО. Почему этого не делаешь ты? Это же так просто!

— Леша, иди нахуй. Мы что, женаты? Я не должен был писать тебе даже того, что опоздаю. А я тебе даже объяснил ПРИЧИНУ, почему я задержусь. Я считаю, что у тебя проблемы с нервной системой, Леша.

— А ты не подумал, что мне, быть может, нужна твоя поддержка? Я тебя в дверях попросил, чтобы ты не задерживался! («Не задерживайся, Владь..») А то, что Ванька просит тебя включить фильм, ты выполняешь сразу!

— А, может быть, я просто сам хотел включить фильм? Почему я не мог этого сделать, если хотел?

— Потому что ты сказал, что придешь в двенадцать, а не в два часа ночи!! Так друзья не поступают!

— Но ты мне так и не объяснил, зачем я должен приходить в двенадцать. Что-нибудь случилось?

Леша вскакивает со стула, распахивает холодильник, хватает мороженое и швыряет его в мусорку.

— Вот, где я видел теперь твое мороженое! Ты понял? Вот где! Ты сам сказал, что в двенадцать! Я ждал тебя! Ты купил вина! Я хотел идти спать, но думал: нет, подожду его, не надо, чтобы Влад пил вино один... Я ведь беспокоюсь о тебе! В отличие от некоторых!

— Леша, иди нахуй.

— Сам туда и иди!

Он резко встает с кресла и идет в толчок. Пока он там возится, я начинаю собирать свои вещи...

Я положил в мешок свою печатную машинку, документы, которые были тут же, на кухне, взял пятнадцать литов из копилки, оставив ему все карточки фирмы и два с половиной лита на проезд в офис. Я взял бутылку дорогого 16-градусного пива, которое принес вместо вина... Поставил

мешок у стола и закурил, сев на его место. Он заходит на кухню, садится в свою очередь на мое кресло. Тоже закуривает и говорит:

— Почему ты убрал комп, Владь?

— Меня заебал ты и твоя нервная система, Леша. Разбейся с ней сам. Насчет фирмы решим. Сейчас докурю и пойду.

— Но почему? Как ты так можешь? Куда ты пойдешь?

— Леша, я просто хочу докурить сигарету в спокойствии. Можешь заткнуть свое ебало?

— Владь, ты делаешь ошибку. Подожди хотя бы до своей зарплаты в школе. Это не очень умно. Никому из нас от этого лучше не станет, поверь. Ни тебе, ни мне.

— Мне точно станет лучше.

Я тушу сигарету и встаю. Он тоже встает.

— Владь, пожалуйста, не уходи...

— Да отъебись от меня!

Он последовал вслед за мной в коридор.

— Владь, не делай этого. Я тебя очень прошу. Останься.

— Вещи я заберу позже, поэтому ключ пока не возвращаю... — говорю я.

У него вдруг снова резко поменялось настроение:

— Отдай мне ключ! Если ты выйдешь за эту дверь, то ты больше никогда сюда не возвратишься!

— Хорошо. Ты прав. Я просто как-то не подумал. Вот ключ. Когда заехать за вещами?

— Мы же уже говорили, не сегодня!

Иногда я совсем не понимал, что он имеет в виду. Я протянул ему ключ. Он не брал его.

— Нет, Владь, не надо... Оставь его себе... Моя дверь всегда открыта... Ты всегда можешь на меня положиться... Не уходи... Я тебя умоляю...

Я бросил ключ в его руки, которые его не задержали. Ключ упал на ковер.

— Леша, слушай, у меня к тебе один вопрос. Я хочу его тебе задать. В каждом из нас, — сказал я, — сочетание мужских и женских качеств, я это знаю. Но скажи мне честно, ты не пидарас?

— *Что???* — он смертельно побледнел и у него перехватило дыхание. — *Чтобы ноги твоей больше не было у меня дома! Ты понял?*

Я вышел из квартиры. Лифт пришел быстро. Леша стоял в дверях, такой тоскливый, и снова говорил другой интонацией, снова жалобной:

— Владь... Я тебя очень прошу... Вла-адь...

Лифт пришел, и я поехал вниз... На улице было свежо и прохладно. Полтретьего ночи. Я дошел до дороги и подумал о том, куда же мне идти. К себе на Sausio? Или пешком обратно в квартиру мамы, где мы смотрели фильм с Иваном и Родиком? Я потоптался на месте и захотел покурить. Черт. Я забыл взять сигареты. «Самое важное, блядь, забыл», — подумал я. Ну что ж. Я решил пойти в квартиру мамы, там по пути еще и ночник есть.

Тут же звонит мобильный. Леша Икс. Я поднимаю трубку.

— Да, Леша.

— Владь, я тебя прошу, возвращайся домой... Подожди хотя бы до зарплаты... Не уходи, не делай этого... Я тебя прошу...

Я бросаю трубку и продолжаю идти. Снова звонок. Я сбрасываю, не подняв. Приходит смс: «Владь, возвращайся, пожалуйста, домой. Я тебя очень прошу». Пока я шел, пришло около четырех-пяти смс примерно того же содержания.

Я покупаю сигареты в ночнике, прихожу в квартиру, сажусь на кухне, открываю 16-градусное пиво, скручиваю косячок из остатка травки и так и сижу на кухне в одиночестве около часа... Ночное время снова стало только моим...

Следующую ночь я уже ночую там, где жил до него — в 13-метровой холодной комнате в общежитии, которую я продолжал снимать все это время...

Леша Икс считает, что я бесцеремонно отталкиваю от себя людей, и что это ведет к полнейшему одиночеству. Когда он это сказал, я только ухмыльнулся, внутренне смеясь. Я прекрасно себя чувствую, когда вокруг нет людей. Я считаю, что отсутствие нежеланных людей в твоём мире — это роскошь, которую Леша не может себе позволить. У него главное и единственное — Фирма. Фирма как понятие, растворяющееся в воздухе для меня, — и что-то очень реальное и существующее для него. Он утверждает, что я не хочу подниматься вверх, а меня тянет только в болото. Я в свою очередь считаю, что, возможно, болото — вся его жизнь.

С другой стороны, его больной раком друг из Рязани полностью исцелился. А другой его знакомый, который болел точно такой же формой рака и на которого у Леши попросту не хватило денег, на днях умер... Жизнь этого исцеленного от рака друга Леши продолжается... На днях он снова женился. «Самое главное, что я ему помог», — говорил Леша Икс. Тут с ним не поспоришь. [upd: поспоришь. через полгода и он все-таки умер.]

«Он тянется к бедствиям других людей, как магнит», — говорила режиссер. Я знаю, как много она пиздит и как много в ней говна, но тут она попала в точку. «Сексуально он не может себя реализовать, и он реализовывает себя в помощи другим».

Многие люди высказывали мне свои мнения об этом человеке. Мнения были разными, но в том, что он, по выражению режиссера, «инопланетянин», сходятся все. Правда, ко мне, наверное, относятся так же...

Спустя несколько дней после ухода я сказал ему, что хочу уехать в Англию через какое-то время и не хочу, чтобы к этому моменту фирма продолжала свое существование. Когда я это говорил, у него дрожали не только руки, но и колени.

Мы тогда решили пойти в кафе попить кофе и обсудить все это. Во время разговора он признался, что еще нуждается в фирме, так как не может работать со своей... Он предложил реорганизовать это индивидуальное предприятие в ЗАО и подписать контракт, чтобы за все был в ответе он. Таким образом я имел бы отношение к этой компании только как учредитель. Безо всяких последствий. Он говорит, это возможно. Я не знаю наверняка. Надо разузнать это у юриста в ближайшем будущем... Но вообще я не хочу всей этой херни! Я хочу новую жизнь!

Сейчас наши отношения чисто рабочие: он дает мне какую-то работу, я ее выполняю, а он переводит мне деньги на счет. Я и нанятый мной бухгалтер сверяем выписку из банка и счета. Леша платит налоги и продолжает работать и «помогать» людям... Работы становится все меньше и меньше...

Отрабатываю часы в школе (второй и последний год, как и планировал изначально), даю частные уроки английского языка, перевожу и редактирую тексты и продолжаю играть в театре. Кира ко мне стала приезжать намного чаще, чем раньше. Ее муж знает о том, что мы встречаемся, и он не против. После 7 лет совместной жизни он не хочет ее трахать. Я уже говорил...

В данный момент собираюсь вместе с ней уехать в Англию, заработать там немного денег и дернуть в Индию (моя мечта). Я собираюсь стоять там по колено в Индийском океане ночью при свете луны, слушая шум прибоя, курить сорванную неподалеку травку и писать смсы своим друзьям об этом...

Кира, по ее же словам, хочет стать там вегетарианкой, заниматься йогой и много трахаться. Еще она хочет сделать там кучу татуировок (она уже давно болеет синей болезнью).

Я думаю, будет интересно...

Вот, в общем и целом, такова внутренняя составляющая моей жизни за последние четыре-пять месяцев. Про внешнюю я вам рассказал в самом начале. Я хочу уничтожить все это внешнее и снова начать с нуля. Я снова хочу начать новую жизнь... Очищенным... Всем нам на пути попадается много разных людей с самыми разными масками... Пусть же нас на этом пути ничто не обманет... Ни нас, ни их...

Боже! Какие же мы все глупые и несовершенные... психушки, тюрьмы, вырезвители и монастыри все полнятся, и полнятся, и полнятся... Многие на корню губят свою жизнь, лезя в чужую, растворяясь в ней... Мы все идем странными путями куда-то, непонятно куда — каждый из нас. И у каждого из нас — свой путь и свой конец... А жизнь — это такая интересная, все обновляющая штука... а остальное, я думаю, совсем не важно...

ТИШИНА

Джон Фаравэй решил, что ему пора попытаться пожить спокойной семейной жизнью. Вот уже шесть лет он встречался с Иреной, русской стриптизершей из Клайпеды. Все это время она оставалась замужем и проживала в одной квартире с мужем. Надо отметить, что именно из-за сексуальной неудовлетворенности Ирены они и познакомились, ведь, по ее словам, ее муж за 7 лет жизни с ней стал абсолютнейшим импотентом. Джону еще тогда показалось, что у нее бешенство матки... Со временем, впрочем, он понял, что диагноз куда сложнее. Но его удовлетворяли такие отношения. Ему казалось, что у него нет обязательств. Однако шло время... Совсем недавно от Ирены ушел-таки муж, оставив ей необходимость оплачивать счета за квартиру... И Ирена стала опутывать Джона своими сетями все больше и больше... И вот... он *принял* такое *решение*... Это случилось вскоре после того, как она уехала в Англию (сказав, что навсегда), сдав при этом квартиру, и, конечно, возвращаться ей было больше некуда... Джон так запутался в этих ее липких сетях, что *сам* предложил ей это, *сам!*.. Она вернулась через месяц после своего отъезда.

Первое, что она сделала, когда переехала к нему, — это надела ошейник на его кота Кафтура. Он увидел это, вернувшись из магазина. Ирены не было дома, она, должно быть, ушла выгуливать свою дурацкую собачку Лолу... Джон достал нож и отрезал ошейник. Кот доверял Джону, не сопротивлялся, пока Джон высвобождал его. «Тихо, спокойно...

Мы с тобой прорвемся, мой хороший Кафтурчег! Я тебя вы-свобожу!» — приговаривал Джон.

— А что случилось с ошейником? — удивилась Ирена, вернувшись. — Он что, его отодрал?!

Она внимательно осмотрела ошейник.

— Нет, это он сам не мог сделать, это что, ты его отрезал?

— Да.

— А почему ты не мог его просто отстегнуть?

— Я не знал, что так можно...

— Да вот же, смотри, как просто... И зачем я его покупала, старалась, заботилась??

На это у Джона ответа не было.

— *Я просто хотела, чтобы было красиво!..*

И еще, начав жить семейной жизнью, Джон отметил, что теперь каждое его движение находится под пристальным вниманием и контролем... Такого еще никогда раньше не было. Это наводило на Джона тревогу и тоску. Даже ужас. Надо сказать, что у нее была настоящая мания чистоты. Она по пять раз в день мыла полы, постоянно указывала Джону на крошки, капли, которые он оставлял после себя... Особенно в туалете. Ссал Джон, как и все мужчины, стоя, в связи с чем от стряхивания мочи с члена на стенках по бокам туалетной комнаты иногда оставались капли желтого цвета. Это очень расстраивало Ирену, и Джон ничего не мог с этим поделаться. Поэтому в ее присутствии он всегда старался сидеть. Но он все равно периодически попадался на том, что ссал стоя... Он даже не успевал сходить за тряпкой, чтоб протереть стенки, как она забегала в туалет и высматривала эти желтые капли!..

(Еще из симптомов можно отметить, что она постоянно проверяла, заперта ли входная дверь.)

Они всегда ссорились, если Джон выражал свое мнение, которое не совпадало с мнением Ирены. А потом уже и наоборот. Не разберешь. Но тут они стали ссориться очень

сильно, начиная с первого же дня. Джон бы и рад был уступить, лишь бы его оставили в покое на некоторое время. Джон действительно был готов идти на компромиссы!.. «Если только она просто оставит меня в покое, не будет разговаривать со мной хотя бы этот вечер. Ведь мне нужно работать, в конце концов!..» — думал Джон. Но она не отставала. Это было сплошным 24-часовым адом. Так прошло уже две недели...

...Джон зашел на кухню, чтобы приготовить себе чай. Она перебирала вещи в полках. «Пожалуйста, ничего не говори», — подумал Джон.

— Вот ты зря так ко мне, — сказала она. — *Такого человека, как я, еще поискать надо!*

— Это действительно так... Но если ты в положительном смысле, то у тебя совершенно неадекватная самооценка, — сказал зачем-то Джон.

— У меня? А у тебя она какая? «Я лучший!»! «Я лучший художник современности!»! Ты не продал ни одной своей картины! И рисуешь ты какую-то посредственную дрянь! И еще удивляешься чему-то. ДА ТЫ КУСОК ГОВНА, ДЖОН! Ты даже ссать нормально не умеешь, разбрызгиваешь все по стенкам, я уж не говорю про все остальное!

— Да, я лучший. Ну назови мне хотя бы одного художника современности, который хотя бы ЧУТЬЧУТЬ приблизился к моим ОФИГИТЕЛЬНЫМ картинам!

— Да полно таких художников.

— Кто?.. Джефф Кунс? Или, может, Цуй Жучжо? Ха-ха-ха. А, может, Марк Гротьян? Или Дэвид Хокни??? Тебе ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ говорят эти фамилии?

— Да ты их сейчас на месте выдумываешь!

— Черт, а я ведь сейчас совсем как Чарльз Буковски! Точь-в-точь!

— Еще одна придуманная личность?

— Да что тебе объяснять, все равно ничего не поймешь!

— Потому что я тупая пизда, Джон, да?

- Это не я сказал сейчас, а ты.
- Как будто бы ты так никогда не говорил мне!
- Ну говорил, да, говорил.
- Все у тебя тупые пезды, Джон! Все! Один ты самый умный, да? ГЕНИЙ!
- Если бы я был гением, я бы знал, как сделать так, чтобы ты сейчас сидела и молчала, детка...
- А для этого не нужно быть гением! Для этого достаточно быть НОРМАЛЬНЫМ человеком!
- Господи!.. Ну какая же ты и впрямь тупая пизда. Сил просто нет!
- А ты ударь меня, Джон! Давай! Плюнь мне в лицо!.. Может, тебе полегчает?..

Джон решил, что нужно пойти прогуляться. При этом он прихватил полбутылки водки из бара, которая стояла там, недопитая, уже месяца четыре.

- ТЫ КУДА?
- Пойду прогуляюсь...
- ТЫ ПОСТОЯННО УБЕГАЕШЬ ОТ ПРОБЛЕМ!
- Мне нужно прогуляться...
- ДА БУХНУТЬ ТЕБЕ НУЖНО, А НЕ ПРОГУЛЯТЬСЯ! СИДИ И ПЕЙ ДОМА! КУДА ТЫ ИДЕШЬ? А ГОВОРИЛ, ЧТО НЕ АЛКАШ! ЧТО БРОСИЛ ПИТЬ!

Под ее крики Джон вышел...

На улице стояла прохлада и тишина. По дороге стелился туман. Джон сначала обошел весь район, потом прошел мимо дома Матвея, у него горел свет от компьютера, но было где-то два часа ночи, а телефон Джон впопыхах забыл дома, поэтому Джон решил не рисковать вытягивать друга из объятий Морфея, и просто прошел мимо...

Вот он снова у своего дома... Свет еще горит во всех четырех окнах квартиры Джона. Единственные горящие окна в доме. Джон сел на лавочку. Водки уже почти не оставалось... Тут ему почему-то подумалось, что вот если бы сейчас его переместило во времени и он бы оказался во вре-

мена Великой Отечественной Войны и фашисты стали бы стрелять по нему из окон, он бы сначала попытался спрятаться за вот этот ближайший автомобиль... А потом вон за тот... Он бы не погиб, нет. Он бы просто остановил время. Замедлил бы пули, как Нео....

В его окнах погас свет — сначала в его «кабинете», потом в холле, потом — на кухне, ну а еще через пять минут — в спальне. Подожду еще минут двадцать и пойду, — подумал Джон. — Жаль, что закончилась водка...

Поднявшись на свой третий этаж, Джон тихо вставил ключ и попытался опустить дверную ручку. Та не поддавалась. Черт. Похоже, что Ирена забаррикадировалась изнутри. Но Джону это не помешало зайти домой. Ему потребовалось около двух-трех минут. Ирена соорудила следующую конструкцию: она прикрепила к батарее, расположенной напротив входной двери, кабель удлинителя, другой конец которого она прикрепила к дверной ручке... А из кладовки она вытащила доски и подперла дверную ручку снизу. Джону нужно было тихо (соседи) расшатать ручку, а потом разорвать кабель притягиванием двери к себе. Для Джона это не составило особого труда.

Дома было тихо. Ирена, по всей видимости, спит — или делает вид, что спит. Дверь в спальню закрыта. Это хорошо. Порадовавшись своей силе и аккуратности, Джон тихо и аккуратно положил кабель и доски обратно в чулан, зашел в комнату, где уже два раза подряд ночевал перед этим, закрыл дверь, разделся и лег на диван. Через мгновение к нему на диван запрыгнул Кафтур. «Кафтурчег, мой хороший, — прошептал Джон, почесывая kota за ухом. — Как ты тут поживаешь, тебя вообще не видно в последнее время...» Кафтурчег заурчал. Джон провалился в сон... БАЦ!!! Внезапно зажегся свет. Джон вскочил, от ужаса вращая глазами. Кот мигом выпрыгнул из комнаты и умчался в какое-то, только ему одному ведомое, самое безопасное место в квартире. Ирина с безумными

глазами зашла в комнату и села посередине комнаты прямо на пол.

Джон присел на диван. Посмотрел на часы. Полчаса. Полчаса она дала ему и кафтуру поспать. Да даже своей собаке! Прошла минута. Наконец, Ирена заговорила. В это сложно поверить, но она почти сорок минут (Джон засек время) повторяла одно и то же слово, а Джон просто сидел и ждал, когда это закончится. Ирена смотрела в пол и повторяла: ВСЕ... ВСЕ... ВСЕ.... ВСЕ.. ВСЕ..... ВСЕ... ВСЕ... ВСЕ... ВСЕ.... ВСЕ... ВСЕ.. ВСЕ... Примерно с одинаковой периодичностью. ВСЕ.. ВСЕ..... ВСЕ... ВСЕ... ВСЕ... Джону стало не по себе, но он твердо решил не поддаваться больше на манипуляции. Он ждал. Шло время. Она ВСЕ повторяла это слово. ВСЕ... ВСЕ... ВСЕ... За это время Джон вспомнил... ВСЕ.... ВСЕ.. ВСЕ... ВСЕ..... Вслушиваясь в это слово, Джон ВСЕ больше и больше понимал одно: он больше не хочет видеть ее в своей жизни. ВСЕ. Джон молчал. Она решила сменить пластинку. Кинулась в истерику. Валялась на полу. Но Джона это больше не трогало совершенно. Он просто решил, что нужно привести ее в чувство. Сначала он плеснул ей в лицо стакан воды. Но это ее, казалось, еще больше разозлило. Он поднял ее на ноги и вlepил ей пощечину. Она бросилась на него с кулаками. Джон отступил на пару шагов. Она начала кричать и валяться по полу. Джон стоял и смотрел на это. Потом она кинулась в ванную, упала там на колени и начала биться руками в различных местах о ванну. «Чтобы потом сказать, что это я сделал», — мелькнуло в голове у Джона. Это продолжалось целую вечность. Она билась руками о край ванной и кричала, кричала... В конце концов, она выбилась из сил, пошла в спальню и, обессиленная, упала на кровать. Джон решил съесть бутерброд. Во время его приготовления он не смог найти единственный нож в доме. «Это тревожный знак», — подумал Джон. Тем временем уже было 7 утра. «У меня сегодня предполагался рабочий день», — подумал Джон. Джон еле-еле стоял

на ногах. Он зашел в спальню и лег рядом с ней. Решил, что так будет разумнее всего. Она не вскочила от этого с криком. Это было хорошо. Через некоторое время Джон... Очень.... ОЧЕНЬ медленно и осторожно, сам не зная зачем.... положил руку на ее бедро. Без мыслей о сексе. В тот момент ему это казалось кошунственным. Он просто не хотел засыпать в другой комнате, зная, что пропал нож... нужно искать компромиссы... Она сказала, неожиданно низким и неприятным голосом: «А чего так скромно?» — и положила его руку себе между ног. После чего последовал безжизненный и механический секс, но и это было хорошо, ведь катарсис, казалось, прошел... Джон лежал рядом с ней, а все одеяло она держала зажатым между своих ног... Стало холодно. Шло время. Другое одеяло лежало в другой комнате... Утро еще было томным. Джон сказал, максимально нежными интонациями: «Дорогуша... дай мне чуток одеяла, а?.. самую малость... мне холодно просто... ну пожалуйста...» «Так принеси одеяло из другой комнаты!» — сказала она. «Если я сейчас встану, утро перестанет быть томным...» — ответил Джон все теми же интонациями. Она коротко ругнулась, вскочила и вскоре вернулась из другой комнаты с одеялом. Утро перестало быть томным.

Ну что ж. И снова все пошло так же, как было ночью, вечером, днем. Опять. День начался с ругани, со скандала. Джону совсем не удалось поспать. Но пора садиться за работу. Джон на всякий случай заперся в комнате. (Только на днях он узнал, что все двери запираются на ключ). Но через некоторое время она стала пытаться выломать дверь. Джон решил, что платить за ремонт придется не ей, а ему, и открыл дверь. Она зашла внутрь.

— Ну почему ты так ко мне относишься?! — сказала она. — Ну чем я это заслужила? Джон, ПРОСТИ МЕНЯ. ПРОСТИ МЕНЯ, УМОЛЯЮ ТЕБЯ. Ты этого хочешь, да? Я только хочу, как лучше... *Такого доброго человека, как я, еще поискать надо!*

— Слушай, я вот все хотел спросить... А где нож? Куда пропал нож?

— Ты просто был таким страшным... И я не хотела, чтобы ты меня зарезал ночью, поэтому я его спрятала...

— Я был страшным? Да ты что, СЕРЬЕЗНО?

— Ну да.

— Положи нож обратно, Ирена. Прошу тебя. Просто положи нож обратно, хорошо?

Ирина что-то хотела сказать, но Джон опередил ее.

— НЕТ, ПОСЛУШАЙ. Не говори ничего. Положи обратно нож и выйди из комнаты. Я НИЧЕГО НЕ ХОЧУ ОБСУЖДАТЬ СЕЙЧАС. НИЧЕГО. Я НИЧЕГО НЕ МОГУ ОБСУЖДАТЬ СЕЙЧАС! — закричал Джон. — НЕ МОГУ, Я ЗАНЯТ, Я НА РАБОТЕ! ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ!

— Просто удели мне пару минут, Джон, и работай сколько хочешь!

— НЕ МОГУ, НЕ ХОЧУ. Я НЕ ХОЧУ! НЕ ХОЧУ! Мне НАДО работать. ПОТОМ ПОГОВОРИМ. Слушай, ну такой я человек. Я просто не в состоянии сейчас нормально разговаривать. У знаю, в этом есть и часть моей вины. Но это не имеет значения. Я просто хочу тишины... Пожалуйста, выйди из комнаты, не стой над душой.

— Хорошо.

Она вышла из комнаты. Джон попытался поработать. Не прошло и трех минут, как снова раздался стук и голос Ирены: «Открой дверь!» Джон открыл. Она зашла в комнату и принялась мыть пол. Джон вздохнул и продолжил работу. После этого она начала аккуратно устилать на диване плед. К этому моменту Джон уже не выдержал, вскочил со стула и стоял над ее душой, выжидая, когда же она закончит.

— В чем дело? Что-то не так? — спросила она.

— *Слушай сюда*, — снова понесло Джона. — Да плевать мне на этот плед. Мне тут не нужен плед на этом диване! Никогда его тут не было и не надо! И еще! У тебя есть ровно одна минута, чтобы отсюда выйти. Не 10 секунд, не 30, а це-

лая минута! Но не больше. МНЕ НАДО ПОБЫТЬ ОДНОМУ, ПОНИМАЕШЬ??? Ровно одна минута. У ТЕБЯ ВСЯ КВАРТИРА, ОСТАВЬ МНЕ ЭТОТ УГОЛОК!!! ПОТОМ ПОГОВОРИМ!!!

— Вечно ты потом!.. Ты просто убегаешь от проблем!

— Если ты не выйдешь из комнаты...

— То что?..

— То я ВЫТОЛКНУ тебя из нее!

— А я вызову полицию, скажу, что ты меня бьешь! Я не шучу!

— Слушай, и я не шучу. Я плюну тебе в лицо! БОГОМ КЛЯНУСЬ БЛЯДЬ, ЧТО Я ЭТО СДЕЛАЮ, ДЕТКА. Время пошло!

Джон явно был не в себе. Джон засек время.

— Пятьдесят... Пятьдесят одна... две... три... ЧЕТЫРЕ. ПЯТЬ! ШЕСТЬ!! СЕМЬ!!!

— Как это семь? Только что было пять!

— ДЕВЯТЬ!! ДЕСЯТЬ!!!...

Пауза.

— СУКА БЛЯДЬ, ЧТО ЖЕ ТЫ ДЕЛАЕШЬ?? — заорал Джон сквозь слезы и плюнул ей в лицо... После чего Джон схватил ее, развернул и вытолкнул за дверь. Она снова начала рыдать. А, может, и нет. Черт ее знает. Плевать. Плевать!

В этот момент зазвонил мобильный Джона. Хозяйка.

— ТИХО БЛЯДЬ! — заорал Джон.

Он поднял трубку.

— Джон, что это у вас там происходит?

— Здравствуйте, тетя Оксана. Да ничего, Все хорошо... — сказал Джон.

— А мне вот соседи позвонили, сказали, что с утра до ночи у вас там крики, хлопанье и выламывание дверей, истерики. И еще у вас там собака, что ли?

— Да. Маленькая. Китайская хохлатая.

— Да, вот соседи и говорят... ЦОКАЕТ СВОИМИ КОПЫТАМИ по паркету по ночам... Я и подумала еще: это не может быть твой кот... ТВОЙ КОТ ХОДИТ БЕСШУМНО...

— Это правда...

— Так что же у вас там на самом деле происходит?

У Джона как-то само по себе вырвалось:

— ДА ВОТ БАБУ БЛЯДЬ НЕ МОГУ ИЗ ДОМА ВЫГНАТЬ!!

— Дай ей трубку!

Джон передал трубку Ирине. «Хозяйка!» — с угрозой в голосе произнес он. — Да, я вас слушаю, — сказала Ирина. Пауза.

— Да никуда я отсюда не пойду! — сказала Ирина. — Вызывайте хоть полицию!

Джон отобрал у Ирины телефон.

— Я сейчас приеду, Джон! — сказала хозяйка.

— Жду! — Джон положил трубку. — Что, доигралась?! — обратился Джон к Ирине. — Собирай вещи!

— Пусть сначала приедет, посмотрим, что она мне скажет! Я ей тоже кое-что скажу!..

Хозяйка приехала не позже чем через 15 минут. Она стремительно зашла в квартиру. «ГДЕ ОНА?!» И, не снимая сапог, пошла по указанию Джона на кухню. Ирина стояла у окна, курила и пила кофе.

— ТАК, ИШЬ ТЫ КАКАЯ, А ТЕПЕРЬ СОБРАЛАСЬ И ПОШЛА ОТСЮДА! ПОШЛА ОТСЮДА, Я СКАЗАЛА!

— Да погодите вы... Это вообще не я виновата... Это все он... Он СОВЕРШЕННО неадекватен... Ему надо лечиться... Он РЕАЛЬНЫЙ ПСИХ. Он меня бьет! Вот синяки!

— Это неправда, — сказал Джон.

— Да мне плевать, бьет или не бьет, иди снимай побои, обращайся в полицию, но сюда больше не суйся, это МОЯ КВАРТИРА, — сказала хозяйка.

— Хорошо-хорошо... Дайте кофе допить. Вы вообще знаете, как у вас был засран толчок? Я его лично полдня вымывала...

Хозяйка открыла дверь в туалет.

— Джон, я же тебя просила!.. — сказала хозяйка.

— Нет-нет, теперь все в порядке... просто чтоб вы знали... и еще, вот смотрите... — она взяла стул, встала на него

и с последней полки достала лист бумаги, на котором лежал табак, который Джон выкрал из ее пачки, чтобы у него был табак, когда ему понадобится скрутить косяк.

Самой травки на листе не было. Джон позаботился об этом еще утром. Она лежала у него в кармане.

— Что это?

— Табак, — ответил Джон.

— Ты же не куришь, — издевательски сказала Ирена.

Джон промолчал.

— Вот и думайте... зачем ему табак... — многозначительно сказала Ирена.

Джон промолчал.

— Ладно, это меня совершенно не интересует, — сказала хозяйка. — Давай, собирай вещи! Я вынуждена была с работы сюда приехать!

— Да что вы так грубо, я вам не какая-то тут... Хорошо, Сейчас соберусь. Сейчас.

— Я помогу собрать и вынести вещи, — сказал Джон.

Во время одной из ходок, внизу он столкнулся с Иреной.

Они постояли какое-то время, ничего не говоря друг другу.

— Не держи на меня зла, ладно? Как и я не буду держать на тебя зла... — сказал Джон.

— Да иди ты нахуй. Ты еще пожалеешь об этом, сука. *Таких людей, как я, еще поискать надо...* — сказала Ирена.

— Вот такими будут твои последние слова мне?.. — сказал Джон и пошел за очередной порцией вещей.

На кухне сидела хозяйка.

— Джон, — позвала она. — Ты один? Зайти сюда на минутку.

Джон зашел.

— Как тебя угораздило-то так, а?

— Да сам не знаю, тетя Оксана. Одно дело встречаться, другое дело жить бок и бок. Такие нервы, сами понимаете, я

даже курить самокрутки из табака снова начал... — сказал Джон. — Представляете?

— Да ты что, Джон! А я думаю, какой еще табак... Никогда, никогда не кури больше. Никогда. Ты же бросил. Ай-ай-ай, как же она тебя беднягу довела-то, а!..

— Да, нафиг эти раковые палочки, — сказал Джон.

— Вот и молодец. Слушай, тут соседи даже хотели полицию вызывать, но, спасибо, что решили сначала мне позвонить...

— Да, тетя Оксана, спасибо, что приехали, без вас я бы не справился... Я просто не знал, что делать... Ну не хочет она уходить и все... А мы не женаты, детей нет... А я ее видеть не могу! И выгнать что-то не получалось...

— Правильно, Джон, правильно... Надо было раньше позвонить...

— И вот что еще, тетя Оксана... Вы не могли бы мне одолжить двадцать евро до следующей оплаты за квартиру? А то у меня только одна купюра в сто евро сейчас, не хочу отдавать ей все сто.

— Да, конечно, — она открыла кошелек, вытащила оттуда двадцать евро и протянула Джону. — Вот, бери...

— Спасибо, тетя Оксана! Ладно, я пошел, посажу ее в такси...

— А ключи забрал?

— Нет. она сказала, что потеряла их, но я буду всегда закрываться теперь на защелку, — сказал Джон.

— Какой ужас!..

Джон вышел, такси уже приехало, загрузил в него ее вещи, она села в такси... Такси тронулось. У Джона не защемило сердце. У Джона не возникло тоски. Только облегчение, в чистейшем виде. Мелькнула мысль, что с этого дня начинается новая прекрасная жизнь. Новая прекрасная жизнь Джона Фарафэя, художника, рисующего картины, помогающие ему говорить «да» там, где всякий сказал бы «нет», и «нет» там, где всякий сказал бы «да».

Хозяйка уже давно ушла... и Джон сидит в кресле... И его просто до глубины души поражает эта чудесная!.. Восхитительная!.. Тишина!.. Которая воцарилась в комнате.... Которую он просто ФИЗИЧЕСКИ СЛЫШИТ. Стоит прекрасный весенний день.... Как же тихо, как же хорошо, черт побери!..

Кот привлекает к себе внимание Джона лапкой и мурлыканьем и увлекает Джона на кухню. Пора, мол, и похавать, Джон!.. Джон насыпает Кафтуру порцию сухача, смешивая его с консервами. Кот съедает это за 30 секунд. Такого с ним раньше не бывало. Съел и стал ТРЕБОВАТЬ еще. Джон дал ему вторую порцию. Кот с удовольствием съел еще и попросил третью. Бедный Кафтур. Он все эти две недели испытывал стресс. И сейчас ему явно стало лучше! Джон никогда не видел, чтобы у Кафтура был такой аппетит! Наевшись вдоволь, Кафтур запрыгнул на подоконник рядом с компьютером Джона и стал с удовольствием умываться на солнышке.

«Надо покурить», — решил Джон и забил косяк. Погода была действительно замечательной. Жизнь определенно налаживалась!.. Можно даже ходить по квартире без тапочек...

Джон с оптимизмом смотрел в будущее. И будущее действительно сулило Джону многое! Она, конечно, еще около года после этого преследовала его, и Джон все время вздрагивал, когда, как ему казалось, он видел ее в толпе или проходящей мимо. Она даже взломала его фейсбук и скайп. Взломала его анкету знакомств и выложила там фото пидораса с обконченным лицом. Писала про него всякие отвратительные вещи маме Джона. Грозилась, что сдаст Джона в полицию за его наркоманские дела (Джон просто курил травку). Она была дьявольски изобретательна и коварна в своей мести или желании вернуть Джона. Пыталась познакомиться с ним, представляясь другими неизвестными женщинами. Но Джон сразу угадывал ее почерк, видел свойственные ей орфографические ошибки.

Однажды он столкнулся с ней неподалеку от своего дома и она крикнула ему: «Джон! Подожди!», Джон произнес вслух: «Блядь!» — и дал деру. Да, в прямом смысле. Побегал, не оглядываясь. Джон успел забежать в подъезд, поднялся, тщательно заперся. Долго еще в тот вечер раздавались звонки в домофон и на его телефон. Джон, впрочем, вскоре и там, и там отключил звук.

— Кафтур, ты где? — сказал Джон. — Все хорошо, можешь выходить. Нам ничто не угрожает! Мы в полной безопасности!..

Кот выглянул из проема в шкафу. И через некоторое время своим бесшумным шагом направился к миске с едой.

ГРЯЗНЫЕ САПОГИ

— Мы вчера его с тобой пили, его и возьмем, — сказала 29-летняя Карина, работающая администратором в одной строительной фирме, и положила в корзинку Джона бутылку коньяка. Джон нахмурился и взял еще две бутылки вина. Коньяк он спрячет. Уже вторая встреча, и он не хочет главной целью вечера ставить алкоголь как таковой... Это он может сделать и в одиночестве, и в компании паука — и куда качественней.

Вот они едут в такси... И она несет всякую белиберду... «Ты что, пьяна?» — спросил Джон. «Ну на минуточку... — многозначительно сказала она. — Моему племяннику сегодня 8 лет исполнилось. Ничего так, да? И мы выпили всего 300 грамм...» «На двоих?» «Нет, каждая... Но на минуточку!.. Ему 8 лет исполнилось!» Они сидели на заднем сиденье, он и она, которую он подцепил на сайте знакомств пару дней назад, а таксист рулил и слушал их разговор ... «Мы подарили ему конструктор ЛЕГО! Ну на минуточку! Он стоит 14 000 рублей... А с доставкой — 8 000... Ничего так, да? Нормально?» «Послушай, — сказал Джон, — мне не интересны какие-то цены... Да и вообще, это, мать твою, наше второе свидание, детка, посмотри на себя, ты же пьяна» «Это неважно! — возразила она, — Стоило 14 000, а с доставкой 8 000. Ничего так. Да?» «Ничего, ничего... — сказал Джон. — Мы забыли купить туалетную бумагу... Остановите на Т-образном перекрестке на Фиоленте». «Я на МИНУТОЧКУ схожу в магазин», — язвительно добавил он, вышел, сказал на ан-

глийском «Jesus Christ! God dammit!», сплюнул, потом купил туалетную бумагу.

Они прошли через калитку и зашли в дом, зажгли свет.

— Как же тут холодно! — сказала она, переступив за порог. Джону показалось, что она слегка протрезвела.

— Я сейчас растоплю камин и включу обогреватели.

Она начала распаковывать продукты, а Джон сразу же пошел рубить дрова. Уже было темно, поэтому Джону пришлось прихватить с собой фонарик.

Он растопил камин в соседней комнате. Один обогреватель включил в спальне, направив его на кровать, другой — на кухне... Впервые за все время своего пребывания здесь он включил обогреватели. Также он включил музыку (Фила Коллинса — In the air tonight). И зашел на кухню. Она побросала на сковородку брокколи, мороженые овощи и мидии. Накрыла крышкой. И поставила музыку с телефона. Джон не запомнил, что именно играло, но он точно запомнил, что играло что-то, не заслуживающее упоминания. Он постоял какое-то время, послушал, предложил ей убавить огонь в печке, она сказала, что это ее фирменное блюдо, которое она часто готовит... и что пусть лучше Джон откроет вино. Джон открыл вино. Налил ей и себе по бокалу... они выпили... Затем Джон ушел в комнату с камином, уселся в кресло напротив и приблизил свои ноги к огню... Сидел и слушал свою музыку... Она же сидела на полу рядом с обогревателем на кухне и слушала свою музыку с телефона... С того места, где сидел Джон, ему было ее отлично видно.

Так они и сидели — греясь от разных источников и слушая каждый свою музыку... В конце концов, Джон не выдержал, встал, подошел к ней и сел рядом.

— Вот я как раз хотела поставить свою любимую песню... — сказала она. — Про журавлей... Ее спел Марк Бернес...

— Знаю...

— Что я хотела поставить или что ее спел Марк Бернес?

— Что спел Марк Бернес.

— Ее записали с первого раза... он уже к этому времени был болен раком легких... и он так проникновенно ее спел и так впечатлил режиссера, что второго дубля не потребовалось...

— Да, я знаю эту историю...

Они дослушали песню до конца, а потом она ставила еще кучу всякого и все рассказывала, рассказывала... При этом она не рассказала Джону ничего такого, чего бы Джон уже не знал. Джон тоже хотел рассказать о своих любимых музыкантах и композиторах (а особенно о художниках!), но она совсем не стала бы его слушать. Как и все другие. Впрочем, он к этому уже давно привык. Да и вовсе не хотел уже, наверное, рассказывать.

— А вот это группа «Рамштайн»... — сказала она. — Слышал такую?

Джон кивнул и сказал:

— Они мне не нравятся.

— Почему? На минуточку!.. Да они же группа химиков! С высшим образованием... Доктора наук! Ничего так, да? И стали играть и писать свою музыку в свободное время... Для веселухи... И дописались до того, что стали одной из самых узнаваемых групп в мире... Ничего так, да?

Джон поморщился. Что-то подобное он уже слышал — от шлюхи, от которой он ушел. Черт побери, да. Ее звали Аэлита. И однажды в Петербурге она отказала САМОМУ Тиллю Линдеманну на афтепати, будучи одной из девушек группиз. Так-то!

— Послушай, — сказал Джон устало (как и тогда Аэлите). — Я всегда был тем парнем, который заходит в бар и садится в самом дальнем углу и просто пьет там свое пиво... Я не такой, как этот Тилль... Но при этом я всегда чувствовал себя круче, гораздо круче... У меня внутри огромные силы... И я не хочу их растрачивать на всякое говно вроде концертов. Я, правда, сам не знаю, для чего мне эти силы... Но не для этого...

Пауза. Она смотрела в свой телефон.

— Да, я как будто бы их трачу на то, чтобы добраться до края света... или тьмы... Я не знаю, зачем мне это, не скажу, что это как-то там по-особенному кайфово... но в миру мне абсолютно точно делать нечего!..

Пауза. Это разозлило Джона.

— Да я круче всех этих Тиллей Линдеманнов, вместе взятых... Он маму родную продаст, если ему нормально заплатить!

— Я так не думаю...

— Продаст-продаст! Поверь мне! — сказал Джон.

Пауза.

— Да все они... Вот, например, что это сейчас играет?

— А, ну вот только что играл Витя АК, сейчас играет ГУФ. Знаешь их?

— Конечно, их все знают, их рожи везде... Что ты о них думаешь?

— Отличные ребята! Поют о своей жизни... Поднялись за счет своего таланта!

— ДА ПИДАРЫ ОНИ ВСЕ! Я ЛИЧНО видел, как они рекламируют казино!

— Кто, Витя Ак и Гуф?

— Да, да, они, на ютубе, отвечаю за базар! А вот я бы ни за какие деньги не стал его рекламировать! Даже если бы мне предложили миллиард! А вот они стали... и твой Тиль — стал бы!

Пауза. Она продолжала смотреть в свой телефон.

— Да-да! Я, конечно, ни петь, ни танцевать не умею... Но я круче Тилля!

И снова пауза.

— Ну он хоть что-то делает... — оторвалась она от телефона. — Не то, что некоторые...

— Может, ты и права, детка... Но, знаешь... Я рисую картины! Они лежат в Клайпедде, в моем тайнике, в шкафу... Я их никому не показываю! Я о них только постоянно говорю,

хе-хе-хе! Они лежат там же, где лежит мой топор. Пила, спальный мешок, брикеты для розжига и все остальное... из МОЕГО НАБОРА я взял с собой сюда ТОЛЬКО ФЛЯЖКУ. Даже ты не увидишь мои картины! НО ОНИ просто офигенные, особенно некоторые из них! Просто знай это. Просто знай.

— Общее название цикла, — продолжал Джон, — «Мои фейерверки». Хотя это рабочее название. Видишь ли, мне кажется, оно слегка пафосное. Да, тут есть отсылка к «Фейерверкам» Бодлера, но я же не Бодлер? Я вообще простой клайпедчанин непонятого происхождения. Наверное, я все же назову цикл по названию одной из картин... Ты не сразу поймешь их высоту, — добавил Джон, немного подумав, — даже если и увидишь их. Я это понимаю. Тут нужна сноровка. Но тем не менее! Тем не менее!

— Может, ты и меня нарисуешь?

— Может быть... Но я бы на твоём месте не рассчитывал. Главное — не проси меня об этом. А об этом ублюдке Тилле Мандавошке или как там его — забудь!

Опять молчание.

— Выключи свой телефон, прошу тебя!..

Она выключила и посмотрела на Джона снизу вверх.

— Может быть, когда-нибудь я пришлю тебе фотографии своих картин, — сказал Джон, возвышаясь над ней, как колосс, — я озаглавлю письмо тебе «от Джона с любовью»...

Неизвестно, поверила ли она Джону хоть капельку, но после этого они начали целоваться... У нее было такое круглое лицо, такая круглая голова и такие пухлые губы... Только теперь Джон мог полностью заценить это все. Выглядела она, особенно под марафетом, как порно звезда Aletta Ocean (не путать с Аэлитой!). И Джон целовал ее губы, чувствовал их пухлость... Ее язык. Который тоже оказался пухлым. И на удивление шершавым. В целом Джону не понравилось. Он ожидал чего-то другого. Или это не в губах дело?

Я хочу покурить... — сказала она. — Где у тебя зажигалка? А, вот, вижу!..

Нет, эту не трогай! — засуетился Джон. — Ее мне слуга подарил, когда мы с Шерстневым были на тонущем корабле! Там, далеко, в Москве! В ней почти нет газа! А от нее еще надо будет зажечь искру революции!.. Я не шучу! Возьми лучше эту зажигалку... Или погоди... Я сам тебе прижгу...

Она пожала плечами. Джон достал другую зажигалку, надел тапки, вышел вместе с ней во двор и прижег ей сигарету. Она стояла у входа, выпускала дым, а от дыхания Джона исходил пар. Он обнимал ее за талию... Они стояли так вместе и молчали... Потом зашли обратно и выпили еще.

Она разделась, осталась только в лифчике и трусах, и легла в кровать. Джон принес второй обогреватель из кухни в комнату и поставил его с другой стороны. Пока он ходил за ним, она уже заснула. Джон убедился в этом, попытавшись ее растормошить. В итоге он подложил ей под голову подушку. Она пробурчала сквозь сон: «Ты такой милый... ты даже еще более милый, чем мой брат... Спасибо...»

Джон закрыл дверь и сидел у догорающего камина, на который она за весь вечер даже не посмотрела, и слушал свою музыку... Ну что ж. Он трахнет ее с утра.

Уже было далеко за полночь. Джон включил вайбер. Там были сообщения от той шлюхи Аэлиты, много сообщений. Он прочитал последние из них.

Не льсти себе мразь
Ты шлюха с хуем
Еще бесплатная шлюха
Хахаха
Пошел ты нахуй со своими идеями
И со своими нравами
Моральный урод
Дешевый еврогандон

Ничего не добился в жизни
Хули молчишь
Я тебя научу меня УВАЖАТЬ
Ты видел себя в зеркало
Фу
Блядь
Помойся
И удали грязь из под ногтей

[на этом моменте Джон посмотрел на свои ногти. Там не было грязи]

Твое имя сказочный долбоеб
И чепушила
От тебя воняет
Даже мама на расстоянии почувствовала
Ты не достоин и мизинца моего
БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ!

Джон выключил вайбер и пошел убирать со стола и мыть посуду... Вытерев стол и почистив зубы, он пошел в спальню... Карина спала, похрапывала и попердывала во сне. Джон решил тоже не стесняться — и пердеть, когда ему вздумается. Он обнял Карину, уткнувшись членом ей в бок. Карина продолжала спать...

Было жарко. И непривычно было спать не одному. Он выключил обогреватели. Стало лучше. Вот так он и лежал... и ему казалось, что он не спит... В один момент под утро она повернулась к нему, посмотреть, спит ли он. Но глаза Джона были открыты. Ведь он запомнил то, что она посмотрела на него? И она тут же отвернулась. Они были еще более далеки друг от друга, чем вчера, когда сидели в разных комнатах, грелись от разных источников и слушали каждый свою музыку — несмотря на те поцелуи на кухне.

Наконец, Джон встал, почистил зубы и принес к кровати стакан воды, в который добавил дольку лимона. Карина поблагодарила. Проверила свой телефон. И тоже встала. Джон же уже готовил завтрак. Подогревал то, что оставалось от вчерашних брокколи с мидиями... «Я не завтракаю», — сказала она. Но в итоге съела большую тарелку.

— Можно вопрос? — сказал зачем-то Джон, глядя на то, как она хлещет винище с утра.

— Что?

— Черт. Нет, пожалуй, не надо, все это как-то звучит...

— Ну говори. Сказал «а», говори и «б».

— Черт. Ну ладно... Почему ты встретила со мной, будучи такой пьяной? — скороговоркой проговорил Джон.

— Ну ты сам настоял на встрече...

— Забудь об этом.

Пауза.

— Но я же не знал, что ты будешь такой пьяной...

— Все, я поняла, — оборвала она. — Я вызываю такси.

Какой тут адрес?

Какое-то время Джон помолчал... Он не знал, что ответить, кроме мата. Потом ответил: «Вызывай к Т-образному перекрестку. Я тебя провожу...»

Вручил ей янтарный магнетик на холодильник с надписью «Клайпеда» («На память», — сказал он). А также засунул ей в сумку бутылку коньяка, которую вчера по приходу на дачу спрятал от нее на шкафу... «Это намек, да?» «Нет», — улыбнулся Джон. Этого оказалось достаточно — бутылку она взяла.

— Пошли... Таксист уже едет...

— Пошли... Кстати, там грязь... Ты испачкаешь свои сапоги...

Она допила вино, они вышли вместе и пошли. Почти тут же ее сапоги испачкались.

— Почему ты мне не сказал, что я испачкаю сапоги? Как по болоту иду! Это новые сапоги! Да меня в такси не пустят!

— Ну хочешь, я куплю тебе новые сапоги?

— Нет уж, спасибо...

— Да ладно тебе... Я куплю мокрых салфеток, почи-
стим...

— Да их не вычистишь! Это были новые сапоги!... Спасибо тебе! Мог бы сказать! Я бы надела на сапоги мусорные мешки!..

— Я же сказал...

— Ты ПЛОХО сказал... — она начала плакать.

— Ну чего ты, в самом деле... Ну давай я тебя возьму на руки и понесу на руках...

— Ну уж нет...

Джон схватил ее и взял на руки. Она начала брыкаться, вырываться, так что Джон чуть не уронил ее в грязь.

— Если ты меня в грязь уронишь, я не знаю, что я буду делать... Отпусти меня! Отпусти!

Джон пронес ее (брыкающиеся 60 килограмм) метров тридцать-сорок, потом она ЗАКРИЧАЛА. Джон поставил ее в грязь....

Когда они ступили на асфальт, она достала мокрые салфетки и вытерла сапоги. Джону показалось, что грязи на сапогах теперь почти не осталось... Он молчал. А вот и такси... Джон открыл бумажник.

— Не надо! Я сама заплачу!

Меньше пятисот не было. Джон всучил таксисту пятьсот рублей и закрыл дверь. Такси тронулось. Джон ничего не мог с этим поделать. Она уезжала, так и не переспав с ним. «Ну и черт с ней», — подумал он и зашлепал по грязи обратно... Было весьма солнечное декабрьское воскресенье в городе-герое Севастополе.

Прямо над головой Джона висел паук. Джон каждое утро проверял, жив ли он, ведь все два месяца, что он находился

тут, паук ничего не ел. Одному дьяволу известно, когда он ел в последний раз. Ни одна муха не залетала сюда как минимум два месяца. Но паук оставался в живых. Он все ждал. И ждал. Он будет ждать столько, сколько потребуется, почти не расходуя собственную энергию, замкнувшись в своем естестве... Терпеливо дожидаясь своего шанса. У него стоило многому поучиться. Джон подул на паутину, и паук скрылся за шторой.

Джон встал, походил по дому, затем достал из-под кровати полотно с изображением неба, которое он рисовал последние две недели, критически оглядел его, нахмурился, потом сел за кухонный стол и принялся — поверх неба, но карандашом — рисовать огромного паука, оплетающего паутиной голую женщину. Это было довольно увлекательно. Но не торопится ли Джон, может, ему нужно больше выждать?.. Ради этого паука отдавать так кропотливо им писанное небо? Джон отложил карандаш и взял в руки стерку.

Дней через десять ему вдруг написала Карина. «Привет». «Привет». «Как дела?» «Нормально» «Обиделся?» «Нет. Где пропадала?» «Болела». «Месячные», — подумал Джон. Они договорились о встрече в ресторане «Борщок». К тому же готовой картине Крымского неба надо было просохнуть около суток...

С утра Джон пропылесосил ковры, поменял простынь, порубил дрова... А потом весь день ждал встречи. А потом поехал в бар «Борщок» на такси... Ждал ее около получаса. Съел борщ...

Вот она появилась. Подошла. Улыбалась, словно бы извиняясь. Джону это понравилось. Вечер обещал ему секс. Этим можно было бы озаглавить завершение картины.

Джон предложил поужинать, потом, как в прошлый раз, заехать в магазин, взять что нужно и отправиться к нему.

— Да, давай.... Ну что, что будем пить? — сказала она.

— Предлагаю выпить совсем по чуть-чуть...

— Ну... Обманывать себя не надо! Все равно выпьем столько, сколько нужно организму... Так говорил наш декан... — улыбнулась она и открыла меню. — Может, коньяк?

— Ну, может... по чуть-чуть... — повторил Джон.

— Ладно, давай тогда шампанского...

— Давай.

— ...возьмем бутылку «Брюта».

— Бутылку?

— Ну да.

— Ну ладно...

Она сделала заказ.

— Шампанское — любимый напиток Майка Тайсона, — сказал Джон в попытке отвлечься от негативных мыслей.

— Никогда бы не подумала....

— Ну, наверное, потому что выветривается быстро. И бьет по шарам сильно. А ему на тренировки надо было с утра... После смерти тренера он стал часто загуливать.

— Он вообще был очень добрый человек, — сказала она с видом знатока. — Раздавал деньги бедным... Джон поморщился.

— Ну, это не Джордж Майкл, который в ночлежках работал под чужим именем по ночам... Он просто широкой души человек... который тратил направо и налево... не отказывая ни в чем ни себе, ни друзьям... и всем тем, кто ему нравился. Но больше всех, впрочем, получили те, кто ему не нравился. Дон Кинг, например... когда Майк вышел из тюрьмы, у него было на счету 400 млн долларов... и он умудрился все потратить и обанкротиться... благодаря Дону Кингу... Сейчас он в долгах... Тратит только часть зарабатываемых денег сейчас... В театре выступает... Занимается выращиванием травы. Я просто книгу его читал...

— Я бы ему быстро баланс света... — улыбнулась она.

— Не сомневаюсь! Он еще в своей книге писал, что русские девушки... а конкретно проститутки — самые лучшие. Что знают по нескольку языков... у каждой — высшее образование... если бы ему позволили их забрать с собой в Америку, они бы избавили его от всех его проблем... Джон подумал, не было ли тут скрытого сравнения с проституткой, но нет, она, казалось, не заметила.

— Ну, диплом, — заметила она, — как белье Dior... Повышает самооценку...

— На тебе есть сейчас белье Dior? — спросил Джон.

— Нет..

— А сколько оно стоит?

— 15 000 где-то.

— Рублей?

— Да.

— Я куплю тебе его. Продам какую-нибудь свою картину и куплю.

Она пропустила эту фразу мимо ушей. Джон не стал повторять ее.

— Да, а вот мой диплом, например... — продолжила она, — очень ценится... он котируется везде в Европе...

Джон поморщился.

Разговор вдруг превратился в совершенно неинтересный. Так продолжалось около десяти минут. На моменте, когда принесли еду, она рассказывала про события на работе. Про то, как она смотрела на заказчика и думала, как ему отрубает голову гильотина... И как ее успокаивала эта мысль... («Не люблю слово „клиент“, — сказала она, — ведь в ресторанах „гость“, в бизнесе „заказчик“, а „клиент“ у проституток»).

Шло время.

— Давай возьмем вторую бутылку? — сказала она.

Джон подумал и сказал:

— Давай тогда возьмем ее с собой и поедем ко мне? Возьмем с собой и еду... Дома еще есть две порции картош-

ки с овощами и мясом... Еще и в магазин заедем... Мне не хочется тут сидеть, вокруг эти люди... Пойдем ко мне... Побудем вдвоем...

— Ну на минуточку... Его стоимость одинаковая, что здесь, что в магазине... А там, на даче, у меня желание пропадет...

— Почему?

— Ну, обстановка другая... Пить шампанское... С этой картошкой...

— Какой картошкой?

— Ну ты же только что сказал, что там дома две порции картошки у тебя...

Джон помолчал несколько секунд.

— Я больше не могу... — взмолился он. — У меня чувствительная психика, и я чувствую, что не могу тут сидеть... Я хочу домой... Поехали со мной...

— Я хочу посидеть тут... Я впервые за это время выбралась куда-то...

— Ну что ж с тобой делать-то, — сказал Джон с досадой, — ведь я и пить совсем не хочу... А смотреть на то, как ты пьешь, тоже особо не охота...

Пауза.

Джон достал свой старенький мобильный и посмотрел на время.

— Еще не купил себе смартфон? — спросила она.

— Нет.

Пауза.

— Слушай, уже девять с лишним часов... а нам обязательно нужно заехать в магазин... — сказал Джон. — Он закроется... Ведь я тебе еще не сказал... Там вообще яма сейчас... Рядом с дачей... Проводят водопровод... Такси не проедет... Так что придется взять мусорные мешки в магазине... наденем их на обувь... Я даже взял фонарик. Освещать тебе путь... разве это не романтично?

— Ты это серьезно?

— Да...

— Пффф... я думала, мы на такси поедem... Я не хочу испачкать сапоги... Мешки не помогут... Еще перешагивать через эту яму... Ну уж нет. Давай сегодня посидим тут, выпьем шампанского... А завтра я приеду к тебе и от тебя поеду на работу в понедельник...

— Так а чем отличается сегодня от завтра? — спросил Джон.

— Завтра лужи высохнут.

— Нет. Не высохнут....

Пауза.

— Они и так сухие... — продолжил Джон. — Я там все приготовил... Включил обогреватель в спальне... он работает сейчас...

Она пристально смотрела на него... Он пристально смотрел на нее. Прошло секунд тридцать, не меньше. Он сказал: «Что, думаешь о том, как гильотина отрубает мне голову?» Она рассмеялась. «Нет, ты что... Просто я вот подумала тут... Я, конечно, ничего не хочу сказать, но если бы тут был мой брат, а не ты, он бы согласился с моими доводами...» «Какими?» «Насчет идти по грязи» «Ну и иди к своему брату!» «Да, я, кстати, пойду... поеду к нему на новый год в Москву....»
Пауза.

— Это становится похоже на торг... — сказал Джон. — А ты мне становишься неинтересна... И ты говоришь мне — я не поеду, ведь я испачкаю свои сапоги... Какие-то блядь ебанные сапоги.... Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-хах! Это какой-то пиздец, в общем.

Джон подумал — почему это он до этого момента избегал мата? Охуительно же!..

Джон откинулся назад. Воцарилась еще одна пауза. Джон стал высматривать официанта.

— А гостиница? — сказала она.

— Ты взяла с собой паспорт?

— Нет.

— Тебя не пустят.

Пауза.

— Я думаю, кое у кого из нас просто слишком высокая самооценка... — сказала она.

— Это так.

— ...и это не я... — закончила она фразу.

— Да? Тогда скажи мне — почему ты не поедешь сейчас ко мне?

— Ты это серьезно?

— Да.

— Да не буду я по грязи идти!...

— Что и требовалось доказать...

— Что еще ты мне скажешь?

— Ну, только то, что я не взял бы тебя с собой в разведку... Я уж не говорю про простой поход на природу...

— Я бы тебя тем более не взяла, — парировала она.

Джон улыбнулся.

— Счет, пожалуйста, — сказал он проходящему мимо официанту. Расплатился и ушел. Она осталась там одна с закуской и шампанским.

На улице был оживленный предновогодний вечер. А дома ждал паук и готовая картина.

ПОДОЖДИ ДО ЗИМЫ, АРТУРО

Это было сто лет назад, в прошлой моей жизни, а может и вовсе не моей.

Тогда я учился на юридическом факультете, который бросил, проучившись год. Я проснулся от шума пылесоса. Мать пылесосила ковер в холле, и иногда эта штука стучалась о дверь в мою комнату. Работала стиральная машина. Это не предвещало ничего хорошего. Я достал книгу Джека Лондона, лежащую под моей кроватью, и попытался читать. Чтение шло неплохо, но вскоре, я знал это точно, мать зашла бы в комнату и сказала бы:

— Артур, еще не проснулся, а уже читаешь! У нас тут уборка сегодня, почему бы тебе не вымыть унитаз?

Это должно было произойти с минуту на минуту. Книга о Севере. Пылесос выключился, и в комнату зашла мать.

— Артур, еще не проснулся, а уже читаешь! — сказала она. — У нас тут уборка сегодня. Почему бы тебе не вымыть унитаз?

— Что, прямо сейчас? Мне что, нельзя даже умыться и поест? Я что, даже на это не имею права? — начал я бунтовать.

— Иди, приготовь себе бутерброды! Только быстро! Потом возьми чистящее средство, оно в чулане! Ты когда-нибудь мыл унитазы?

— Нет.

— Сегодня придется. Скоро твой брат возвращается с моря! Все должно быть чисто!

— Зачем?

— Как это *зачем*? Ты может и задницу свою не хочешь подтирать?

— Это совсем другое дело.

— Это одно и то же...

Я спрятал книгу под кровать и встал. Поссал, умылся. Зашел на кухню. Отец решал там кроссворды и слушал радио «Свобода». Я приготовил себе чай и уселся напротив него.

— Почему бы тебе не найти работу? — сказал он.

— Мне не нужна работа.

— Ах вот как! — он пристально глядел на меня. — А как же ты собираешься жить?

— Буду бродяжничать и перебиваться случайными заработками, пока все богатства мира сами не падут к моим ногам! — сказал я.

— Чушь! — сказал он. — Ты уже убежал из дома. Потом вернулся, помнишь?

— Вернулся.

— Почему?

— Не выдержал голода. Очень сожалею об этом. Я тю-фяк.

— Я не собираюсь тебя все время кормить. МУЖИК САМ должен зарабатывать себе на жизнь! Сколько можно? Тебе уже 18 лет. Иди искать работу.

Я не нашелся, что ответить. Просто пил себе презрительно чай. Это его малость смягчило.

— Слушай, — сказал он. — Вот объявление в газете. Требуется уборщики. Сходи сегодня. Просто мыть полы и все.

Я хлебнул чаю.

— Пойдешь?

— Пойду.

Вот и молодец, — сказал он.

На кухню зашла мать, подошла к раковине и начала мочить тряпку.

— Еще вымоешь свою комнату, зал и подметешь балконы, — сказала она.

— Ага, а может, мне еще и ванну вымыть? — сказал я.

— **ВАННУ ТОЖЕ МОЖЕШЬ!** — вдруг закричал отец. — **КАК ТЫ РАЗГОВАРИВАЕШЬ С МАТЕРЬЮ?! Я НАУЧУ ТЕБЯ, КАК БЫТЬ МУЖЧИНОЙ!**

— Ну и убираюсь я тогда отсюда к чертовой матери!

Я был в бешенстве. Я вышел из кухни и зашел в свою комнату одеваться. Вскоре ко мне заглянула мать.

— Ты куда? — спросила она, держа в руке тряпку, с которой стекала на пол вода.

— Я убираюсь отсюда к чертовой матери!

— А как же уборка?

— Вот я и **УБЕРУСЬ** отсюда к чертовой матери! **ЛОГИЧНО ЖЕ!**

Я слышал, как на кухне встал отец. Он подошел и встал рядом с матерью в дверях.

— Пусть, пусть идет! Пусть поработает **КАК СЛЕДУЕТ**. А то выросло черти знает что! Самомнения — выше головы, а ничего толком сделать не может. Ни унитаз вымыть, ни телевизор починить! Пусть идет, **ПУСТЬ ПОРАБОТАЕТ!**

Он бросил мне газету с объявлениями на пол. Я оделся, помедлил, взял газету и документы и вышел, протиснувшись между ними.

Я отошел подальше, туда, где они не могли бы меня видеть из окна. Газету я положил рядом, на лавочке. В моей пачке оставалось несколько сигарет. Я закурил одну. Солнце слепило глаза. Это была весна. Самое отвратительное время года, когда нервы на пределе и тебе хочется закрыться где-нибудь в чулане и так и сидеть там, взаперти, прислушиваясь к звукам снаружи...

Мне было лет семь, когда я закрылся в чулане с дочкой подружки матери. Она была на год младше. Я начал целовать ее и гладить ее волосы. «Что ты делаешь?» — спросила она. «Я люблю тебя...» «Ты любишь меня, как Мейсон Бригиту?»

«Что?» «Ну, как в сериале?» «Не знаю», — я продолжил ее целовать. Я даже залез к ней в трусики. Первое мое впечатление о женском половом органе: «Лузганные семечки». Странная ассоциация. Мы вышли из чулана: она — вся в слюнях, я — самый страшный преступник в мире.

— Мама, мама, Артур любит меня, как Мэйсон Бригиту!

— О, это очень хорошо... — сказала ее мать. Чистая детская любовь...

Ну так вот, весной хочется закрыться в чулане, только одному, и так и сидеть там, всю весну. Лето — провести у моря. Осень — в лесу. Зимой — сидеть возле окна и смотреть на метель. Весной нервы ни к черту.

Но нужно было идти устраиваться на работу. Отец был прав. Один месяц — и я смогу жить отдельно. Бродяжничать действительно не лучший вариант. К тому же это так просто, моешь себе полы, раскуриваешь сигаретку, и получаешь за это деньги. Не так уж и плохо. Можно, просыпаясь от шума пылесоса, не сильно беспокоиться. Хотя скандалов все равно не оберешься. Но такой аргумент как работа стоит того. Первый месяц. А потом начнется ЖИЗНЬ. Я смогу сидеть себе в мебелировке все свободное от работы время, попить пиво и слушать радио, читать книги, что угодно, но только не видеть этот чистый унитаз, эти чистые ковры, эту чистую посуду... Мне нужно было срочно совершить побег.... К тому же мне недавно исполнилось 18, и я уже мог снимать свое место, где смог бы писать какую-нибудь чушь, читать книги и иногда приводить проституток. Проститутки мне казались лучшими женщинами в мире. Самыми честными и желанными. Я только о них и думал. Ах, черт, что за жизнь это будет! Никаких людей. Я буду вторым Достоевским. Ага-ага! По крайней мере, буду писать свои записки из подполья.... В общем, просто хочу крышу над головой и больше ничего не хочу. Просто хочу посидеть с крышей над головой и разобраться в этом

безумии вокруг. Может, для того, чтобы разобраться, мне понадобятся годы, а то и десятилетия... Но сначала нужно найти работу...

Я взял газету и поискал то объявление. «Требуются люди на профессиональную уборку». То, что нужно. Я скрутил газету и отправился в их офис.

Офис находился на втором этаже какого-то магазина, где продавались строительные материалы и мебель. Вход — с задней стороны. Я поднялся. В комнате сидело человек пять — в основном, молодые парни. Литовцы. Они с простоватыми лицами щелкали мобильными телефонами и жевали жвачку. За столом, рядом с телефоном, сидела секретарша. Какая-то молоденькая девочка, лет двадцать, не больше.

— Я по поводу рекламы, — сказал я.

— Какой именно рекламы?

— Я по поводу объявления.

— Какого именно объявления?

— Мне нужна работа.

— А-а, работа... Да-да, работа... Ха-ха, верно! — молодые литовцы тоже заулыбались.

— Вы боитесь высоты? — спросила она.

— Что?

— Вы боитесь высоты?

— Не знаю.

— Хор-рошо... — сказала она и что-то записала в анкете. — У вас есть аллергия на химические вещества?

— На какие химические вещества?

— Ну на разные там химические вещества?

— Не знаю.

— Хор-рошо. А как насчет отвращения к физическому труду?

— О нет, будьте уверены! Я всегда любил физический труд! Он облагораживает человека, физический труд — это то, что надо настоящему мужику!

Как видите, я подготовился.

Она, наконец, благосклонно улыбнулась мне.

— Вы нам подходите.

— Когда начинать?

— Хозяин придет где-то через десять минут. Он даст вам рабочую одежду.

— А где нужно будет убирать? В школе? В общежитии?

— Нет, не совсем. Вас отвезут на «Филипп Моррис».

— Хорошо. А мой паспорт вам разве не нужен?

— Нет, это нам ни к чему.

Я спрятал паспорт во внутренний карман и сел рядом с парнями. И стал ждать. Почему это она спросила про аллергию и высоту? Бля, придется, что ли, висеть на веревке и нюхать всякое говно? Я подумал об Иване, своем друге. Лежит себе, наверное, дома, отдыхает. Или за компьютером сидит. Читает что-то. Иногда выходит на кухню за минеральной водой. Или делает себе чай. Выходит на балкончик покурить. Ах, черт возьми!

Хозяин появился где-то через пятнадцать минут. Здоровый лысый мужик с красной бычьей шеей и глазами, как у вареной крысы. На вид украинец.

— Ну что, хлопцы? — сказал он. — БУДЕМ РАБОТАТЬ?

— О да! — сказали они, улыбаясь.

— ПОРАБОТАЕМ КАК СЛЕДУЕТ, ДА?

— О да! — сказали они, улыбаясь еще шире.

— Хорошо, — сказал Хозяин. — Хорошо. Очень хорошо. Значит, вас здесь шесть человек? Отлично.

— Отлично. Пойдем, я выдам вам РОБУ.

Все повскакали с мест и пошли вслед за ним. Хозяин начал выдавать РОБУ. Она состояла из ДЛИННЮЩИХ САПОГ И СИНЕГО КОМБИНЕЗОНА. Комбинезоны все были в цементе. Отступить было поздно. В конце концов, за такую работу

должны заплатить нормально. Отработаю день, хорошенько напьюсь ночью, а потом найду что-нибудь попроще. Не зря же я сюда шел. Нас усадили в грузовик и закрыли дверь. Стало темно. Грузовик тронулся. Нас было шесть человек, и у каждого было по паре длиннющих САПОГ и синей РОБЕ. Интересно, что же конкретно придется делать?

— Здесь все в первый раз? — спросил я.

— Да, — ответил кто-то.

Кажется, несмотря на это, все понимали, ЧТО тут происходит, один я как всегда не попал в струю.

Ну что ж. Скоро все станет ясно.

Грузовик остановился, открылась дверь, мы вышли наружу.

«Филипп Моррис» — это огромный заводской комплекс. Многоэтажные здания. Лужайки. Заборы. И представьте себе, есть такой человек, который всем этим заправляет! Один! Назовем его условно — Филиппок. Да уж, наверняка, сидит себе сейчас этот Филиппок у себя в офисе, курит сигару, пьет виски со льдом, и какая-нибудь секретарша ему отсасывает. Все отсасывают своим боссам. Кому отсасывает босс?

Нам сказали подождать и, пока мы ждали, я оглядывал здания. Я решил, что внутри есть, что «убирать», и мы ждали, шесть человек, натягивающих эти длиннющие сапоги и эти идиотские синие РОБЫ. Вскоре к нам подошел глуповатого вида парень, лысый, как и все тут. Они пришли вдвоем, Хозяин и он.

— Смотри, ЧТО я тебе привез! — сказал хозяин и хлопнул его по плечу.

— Ага. Хор-рошо. Хм...

— Ну ладно, ты тут пока с ними разберись, а я пойду кофейку попью.

— Сделай два, будь добр.

Похоже, они были приятелями. Хозяин ушел. Этот паренек какое-то время стоял, рассматривая нас.

— Ну что, пацаны, — наконец сказал он. — Рад познакомиться. Я — ваш бригадир. Меня слушайте во всем, и у вас не будет никаких проблем. Ладно?

Мы помолчали.

— Просто делайте, что я говорю, ясно?..

Мы молчали и глядели на него.

— Хм, хм, ох, бля, — сказал он. — Ну что, пошли?

Мы пошли вслед за ним. Он отвел нас к другому грузо-вику.

— Берите по лопате, — сказал он.

Мы взяли по лопате.

— Видите вон те две неровные лужайки? На одной из них насыпь. На другой — яма. Они еще обе в бугорках. Видите? Ваша задача — уровнять их. Сделайте так, чтобы они были ровными, понятно? ПРОСТО КОПАЙТЕ, хорошо?

Мы стояли и смотрели на него.

— Ну, чего же вы ждете? Идите, РАБОТАЙТЕ!

Бригадир пошел вслед за нами. Укрылся в тенечке и стал раскуривать сигаретку.

— Бригадир, — сказал я, подойдя к нему с лопатой, — у нас будут перекуры?

Сначала сделайте эти две лужайки. Потом будем думать.

Я присоединился к своим «коллегам». Солнце жалило затылок, моя лопата была самой тяжелой — я ведь взял первую попавшуюся. Я не хотел менять ее на другую. Чего показывать свою слабость? Я МУЖИК. Я продолжал копать и откидывать землю. Я делал это с остервенением. Земля летела на многие метры позади меня. Никто не работал с таким остервенением, как я.

— Эй ты! — заорал он. — Ты что делаешь?

Он уже был вместе с ХОЗЯИНОМ. Они стояли рядом и наблюдали.

— Как ты копаешь? Ты что, совсем рехнулся?

Я не ответил, стал копать осторожней. В этой робе было жарко. Пот лился ручьями.

Шло время. Почти все мои «коллеги» были моими сверстниками и, казалось, попали в свою струю. Они работали почти с любовью, наверное, такая работа заставляла их чувствовать себя на своем месте, привычное дело, двенадцать с лишним часов копания, потом домой, потом опять на работу, а потом опять домой, и так неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом. Вот почему все люди так жаждут поскорей жениться. Жена будет готовить пожрать, и все так просто и понятно — работа, жрать, спать, ебаться. По пятницам — выпить с друзьями, посмотреть футбол. Что может быть проще и понятней? На этом зиждется мир.

Пекло, я копал, время шло. Интересно, что нас заставят делать после этих двух лужаек? Черти что. Каждая секунда мне казалась невыносимой. Ну что ж, не может же это все длиться вечно. Так прошло три с половиной часа.

— Эй, ты опять! Стоять!

Ко мне подошел Хозяин. В руке у него была банка пива. Я подумал, что он хочет меня угостить.

— Как тебя звать?

— Артур.

— Слушай, Артур, ты, наверное, гений.

— Вполне может быть. А в чем дело?

— Да ты копаешь, блядь, как баба!

— Как баба?

— Как баба. Ты, наверное, компьютерный гений. Хакер. Ха-ха. Ни разу, наверное, лопату в руках не держал, а?

Они смеялись вдвоем, Хозяин и его бригадир. «Коллеги» улыбались.

— Кое в чем ты прав, — сказал я. — Я действительно хакер. Это я, черт побери, взломал мемельский сайт.

— Чего?

— Простая SQL-injection, — сказал я где-то слышанную фразу.

— Хм... ну ладно. Я еще сделаю из тебя МУЖИКА. Я сам в свое время ни черта не умел. Но я не чурался никакого

труда, понимаешь? Теперь я бизнесмен, хорошо зарабатываю, но если надо сделать ремонт в квартире, Я САМ его делаю, понял? Я не такая баба, как ты. Я с самого детства работал. Я шесть лет проработал строителем! Ты просто мешок говна по сравнению со мной! Понял? Ебаный хакер! А теперь ПИЗДУЙ РАБОТАТЬ!

Он глотнул пива. По его красной бычьей шее проползла муха. Это было слишком много.

— Нет, с меня хватит! — сказал я и бросил лопату.

— Что это значит?

— Я уйду с этой поганой работы, вот что это значит! — я плюнул на лопату. — Платите мне деньги за три с половиной часа и отвозите меня, блядь, в город!

— Ты что, вообще охуел? Ха-ха! Нет, ну вы такое видели? Вот говно собачье!

Все перестали работать. Рассматривали меня. Диковинная штука. Хакер.

— За какие три часа работы, сосунок? — спросил он.

— За эти ебанные, блядь, три с половиной часа работы! За какие же еще! Я заслужил свою выпивку!

— Ты с кем так разговариваешь, молокосос? Какие деньги? Бабы не пьют! А теперь уебывай отсюда, говносос, пока не получил по мордасам! Быстро!

Я стоял так какое-то время, глядя на него, и думал, что мне делать. Я всегда гордился своей выдержкой в некоторых ситуациях, потому не раскрыл ему череп лопатой, просто развернулся и пошел переодеваться. На моей спине были сосредоточены все взгляды мира. Какого черта я сразу не развернулся к чертям, только-только узнав о том, какая именно это уборка? А эти два начальника... Свины. Да и только. Как же я был зол! Я уже видел их горящими в аду, горящими и просящими у меня милости. Я бы только ссал на них сверху. Нет, не ссал бы. Это охладило бы угли. Да и вообще... неприлично. Ах, ебать-колотить!

Я переоделся, бросил робу на землю и пошел по дороге в город. Вслед мне раздавались насмешки, но, надеюсь, хоть коллеги поняли, что их тут держат за говно. Мне предстояло идти около пяти километров. Я ужасно хотел пить. В горле пересохло. Я шел и проклинал все, что только мог вспомнить.

Домой я сразу не пошел. Послonyaлся какое-то время по улицам. Пошел на поле, находящееся рядом с домом. Полежал там, в тенечке какого-то дерева, поразмышлял. Ничего хорошего на ум не приходило. Я был конченным придурком. Я даже напиться не мог. Все, что мне оставалось делать, — так это лежать в тенечке и думать об этом. Сигареты давно закончились. В конце концов, я пошел домой. Отец лежал на ковре в зале и смотрел телевизор. Мать лежала на диване и дремала. За окном была весна. Я уже совершенно не хотел прятаться в чулане. Я зашел на кухню и выпил три стакана воды. Потом я зашел в свою комнату и повалился на кровать. Книга Лондона все еще была под кроватью, но меня она не интересовала. Все, что я хотел, так это хорошенько поспать. Я чувствовал себя ужасно вымотанным. Вскоре ко мне заглянула мать.

— Ну что, устроился на работу? — спросила она.

— Нет.

— *Как это «нет»?*

Я промолчал. Она вышла, оставив дверь открытой. Я слышал, как она говорит отцу:

— Ты слышал, Артур не устроился на работу.

— *А где же он был?*

— Да откуда я знаю!

Отец поднялся с пола, и они вместе зашли в комнату.

— Ну что, почему же ты не устроился на работу? — спросил он.

— Все места были заняты.

— А где же ты был?

— Гулял.

— Только и знаешь, что шастать по улицам! И это мой сын? — сказал он.

Я промолчал.

— Ну, что же ты скажешь в свое оправдание? — сказал, наконец, он.

— Отец! Я почитаю тебя и мать свою! Но меня очень разморило на солнце! Я просто хочу спать! Потом поговорим!

— Когда же это «потом»? «Потом» ты пойдешь на улицу, к этому своему другу... как его... Ивану.

— Пойду.

— Когда же это мы с тобой поговорим?

— Не знаю. СЕЙЧАС я не хочу разговаривать!

— А я хочу!

— Да мне, блядь, похуй, что ты хочешь! — заорал я. (о чем, конечно, впоследствии пожалел — отца надо было уважать и слушать больше).

Я думал, вот оно, сейчас начнется. Сейчас будет еще один скандал. Но ничего не началось. Он просто вышел. Мать сказала:

— Хочешь есть?

— Нет.

Она тоже вышла. Я захотел что-то проорать ей вслед, что-то совершенно дикое и несуразное, что-то безумное и хмаркое, что бы это ни значило, смешное и до невозможности глупое, но этого не сделал, просто накрыл голову одеялом и, думая о самоубийстве, вскоре заснул.

— Пошли к мосту? — предложил Иван, и я не стал отказываться. Мы шли вдоль этого поля, а до моста было километра два, мы шли по дороге, о чем-то разговаривая. Просто болтали. О том, о сем.

Я допил колу и поджег бутылку, пустую пачку сигарет, коробок спичек.

«Смотри, вот моя душа, вот она горит», — сказал я. Иван посмотрел на это и согласился.

Мы дошли до моста, я послал сверху на рельсы. Потом проехал поезд, и я надеялся, что он хотя бы немного намочится. Я выкурил пару сигарет. Мы принялись мечтать.

— Да, Иван, однажды настанут времена, когда я смогу позволить себе купить настоящий КЕБАБ, самый настоящий кебаб. И я буду пить при этом ПИВО, самое настоящее пиво, МНОГО ПИВА. И у меня будут сигареты, все время, мне всегда будет их хватать, — говорил я. — И у меня будет четыре стены и крыша над головой... А это самое главное... и никто мне не будет мешать... Я убегу от всех, и в своих приключениях я найду новых нужных мне людей! Вот как будет! И я напишу какую-нибудь сумасшедшую книгу... О да! А остальное — как Бог даст...

Я задумался.

— Да, и буду потом раскидывать благосклонные улыбки направо и налево и расхаживать в шарфике... — в шутку добавил я.

— Да... — ответил он. — А если у тебя ни черта не выйдет, то у меня выйдет точно. Я буду знаменитым программистом. Я изобрету искусственный интеллект. Буду жить где-нибудь в Париже... Буду подходить к своей барной стойке в пентхаусе... Наливать себе вискарь, закуривать сигару... Вокруг меня будут извиваться голые шлюхи...

Я подумал, что моя мечта гораздо круче, но не сказал ему об этом.

— А как насчет кебаба? — спросил я.

— Я буду владельцем целой сети кебабниц...

— Хорошо, значит, от голода я не умру?

Иван промолчал. Мы стояли и смотрели вниз, с моста.

— Слушай, — сказал я. — Если ты будешь пролетать мимо Клайпеды на своем вертолете, не забудь мне скинуть блок сигарет, ладно?

— Конечно!..

Мы пошли обратно по домам, а деревенские огоньки горели вдали, но для нас-то там ничего не было.

YAGA DAYS

Рассказ о том, как я был очарован и ослеплен ярким светом фестиваля в лесу.

*The goldfish sing all night with guitars
And the whores go down with the stars,
The whores go down with the stars...
(c) С. В.*

Я помню, каким Солдат вернулся с Яги в прошлом году, когда я не поехал. С исхудавшим лицом, воспаленными глазами и таким необычным выражением глаз — как будто он там набрался каких-то тайных знаний. Он сразу же заехал ко мне после и рассказал, что смог вспомнить. Следующим вечером я зашел к нему, мы посидели вдвоем на кухне с его женой. Они нюхали кокаин. Или то, что было представлено как таковой. И выглядели счастливой женатой парой... Он стоял, обнимая ее сзади, и говорил: «Ты, Влад, живешь, понимаешь ли, живешь и даже не представляешь, какие чудеса происходят прямо у тебя под носом! В следующем году, Влад, ты должен это увидеть! Сам я поеду за две недели до начала фестиваля, вместе с другими добровольцами! Мы будем помогать строить все эти сооружения в лесу! Поехали со мной!» «Еще целый год, месяцев через 11 и поговорим», — ответил тогда я. Как-то так разговор и замялся, и я пошел домой через некоторое время. Я шел по тихим пустынным улицам Клайпеды, а рассказы Солдата, а также кокаин или что-то, выданное за таковой, будоражили мое воображение...

Год шел. Солдат, которого в тот момент, по его словам, увольняли из литовской армии за нежелание добавлять к русской фамилии литовское окончание «-as» (информация не проверена), ушел с работы, переехал вместе с женой и двумя малолетними дочками в Лондон. По его словам, все эти перемены были спровоцированы Ягой. Сначала он работал на знакомого знакомых. Потом чего-то там у них не заладилось, и он открыл свою фирму. Работает строителем. Англия здорово помогает ему льготами и пособиями. Но там полно своих нюансов... Во все это я не углубляюсь, так как, ну, знаете, мы не интересуемся тем, что, как нам кажется, не касается нас непосредственно.

И через год у меня уже была палатка, большой армейский рюкзак, раскладной стул, хороший фонарик и множество других вещей, которые незаменимы при вылазке на природу и которые уже неоднократно были мной за это время испробованы, включая нож...

Несколько раз Солдат менял планы насчет того, как именно он придет — на машине или самолетом. Вопрос упирался в деньги. Мне показалось, в какой-то момент он даже заколебался, ехать ли вообще. В конце концов, у него жена и двое детей, арендованный дом, новая работа и куча других обязательств.... Когда я это услышал, я перехватил инициативу в свои руки.... Как выяснилось, он не знал, что покупать билеты на русских сайтах в несколько раз дешевле, чем на английских. К тому же у меня имелось некоторое количество денег, которые мы могли потратить вместе. Так что все было решено. Его не пришлось долго уговаривать...

По его приезду мы устроили мини-Ягу у меня дома. Попробовали кристаллов Лаймиса (моего соседа), выпили вискаря и покурили. Он пытался показать мне фотографии с прошлой Яги. Я отказался смотреть. Хотел увидеть все собственными глазами. Мы решили ехать «послезавтра», то есть во вторник. Сам фестиваль начинался в четверг ночью и заканчивался в понедельник утром (15—19 августа). Мы

решили ехать несколько пораньше, чтобы успеть привыкнуть к лесу и занять лучшие места. Все складывалось хорошо, только очень медленно... На следующий день к вечеру я пошел на стадион на вечернюю тренировку, а он вместе с отцом своего знакомого выпил литр вискаря.... И на следующее утро, когда мы должны были ехать, все чуть было не сорвалось... я думаю, из-за его похмелья. Утром я сидел на чемоданах (на рюкзаке), потом он приехал, мы отвезли моего кота... и тут он мне заявляет, что ехать рано, ведь там еще ничего не началось и нечего делать... у него куча дел и все такое. Такая ненадежность меня, разумеется, возмутила. А он мне и говорит: «Влад, будешь возмущаться, вообще тебя с собой не возьму!»

Мы слегка повздорили. «Это я тебя с собой не возьму!» — ответил я. В общем, я пошел домой и решил ехать во что бы то ни стало. Я еду не за кайфом, а за приключением, решил я. За путешествием! Слишком долго я засиделся один, дома, с котом, перед компьютером. Я упустил пульс жизни. Мне нужно было срочно что-то с этим делать. Я был готов выехать в Вильнюс, заночевать там, а на следующее утро добираться до нужного места в сторону Друскининкай, никого там не зная и надеясь исключительно на себя, содержимое своего рюкзака и Бога. Так даже романтичней!

Тут мне позвонил Вошкис (32 года), такой слизняк, о котором и говорить-то особо не хочется, ведь все, что он, например, говорит, я, например, сразу делю на десять и все равно сомневаюсь. В общем, этот Вошкис (эта кличка прилепилась к нему в связи с его виртуальным никнеймом Vasquez) позвонил и начал допытываться, что к чему, хули я тут выебываюсь, все все равно одним лагерем жить будем и зачем, мол, ехать сегодня. Вошкис, иди к черту! Тебя только тут не хватало! Я слишком долго ждал и ждать еще один день я не намерен! Через некоторое время написал и Солдат. В итоге он сломался, и мы поехали.... Вдвоем, как и пла-

нировали изначально. Мы выехали из Клайпеды, когда уже совсем стемнело...

Мы все ехали, ехали, и я все думал, думал, куда же это меня несет, к чему такая спешка, почему я так упорствую, уж не зря ли я тороплю судьбу? Уж не попадем ли мы сейчас, например, в аварию? Уж не остановит ли нас, например, полиция? Уж не обнаружит ли она у меня, например, двадцать три грамма травы? Я сразу для себя решил, что в случае чего это будет чисто моя ответственность. Солдата же, похоже, волновало только то, что там «будет нечего делать». Но он все равно вел машину, и мы все равно ехали — в основном, в тишине. Он ворчал, но вел. Мы мчались прямо в густую ночь, в Ягу. И я не мог дождаться встречи с Ней.

Мы ехали по автостраде около трех часов, а потом еще около часа искали нужное место в лесу. Мой компаньон со звонился с Артисом и Моникой (возраст 27—28 лет), «Королем и Королевой нашего лагеря», как он мне пояснил. Это те люди, настоящие энтузиасты, которые приехали за две недели и все это время жили в лесу, на довольствии организаторов, обустривая наш лагерь, в том числе и для меня, незнакомого им 33-летнего дядьки.

Встретились мы с ними у какой-то пустой будки глубоко в лесу. Артис и Моника были тенями во тьме, недостижимыми в своем совершенстве. Их движения были плавными и изящными, а слова — исполнены достоинства. Так мне по крайней мере показалось. Они отнеслись к нам дружелюбно. Мы поднялись в холм и вскоре увидели множество огней — синих, белых, желтых, красных, зеленых, — которыми украшен наш лагерь. Их Артис и Моника ненадолго включили специально для нас. Нам показали наши гамаки. Было довольно холодно, что, однако, совершенно не смуща-

ло комаров и слепней, которые, впрочем, донимали нас только поначалу.

— В первый раз? — спросил меня Артис. Я подтвердил.

— О, так это может для тебя стать life-changing experience... — взглянул он на меня с любопытством.

— Можно попить? — сказал я. — Забыли купить воды.

(Все диалоги с литовцами велись на литовском).

— Вот, держи. Вообще тут источник есть... — покажешь?

— Да завтра уже, мы за сегодня устали...

— Я знаю, где источник, — сказал Солдат.

В общем, мы бросили вещи, скрутили косой и пошли к Источнику. Я освещал путь своим фонариком. Источник находился в пяти минутах ходьбы от подножья холма, на котором расположился наш лагерь и где предстояло стоять сцене chill (одной из семи предусмотренных сцен). Вода оказалась превосходной. Мы напились вдоволь, покурили. Выпили из фляжки. Источник волшебным образом журчал в темноте.

— Сказка начинается здесь, — сказал я.

Идти от источника обратно надо просто по прямой линии, потом надо просто подняться на холм и немного пройти вправо. Но мы искали путь обратно около сорока минут. На самом деле искал Солдат, я же просто шел за ним следом, наслаждаясь атмосферой и попивая вискарь из своей фляжки. В конце концов, мы нашли лагерь (огни уже были выключены в целях экономии батареек), Солдат расположился в одном из двух гамаков, а я скрутил себе очередной косяк и решил отойти метров на пятьдесят, чтоб поссать. Этого хватило, чтобы я снова заблудился... Вот скажите-ка мне, разве это не справедливый и не последовательный подход со стороны Бога если не всей вселенной, то хотя бы леса? Солдат уже сориентировался в ночи, а я просто бездумно шел за ним следом... Теперь пришла моя очередь. Побродив

минут пятнадцать, я нашел лагерь и лег в гамак, накрывшись своим пледом и думая о том, что лес меня *принял*.

На следующий день нам надо было ехать в аэропорт забирать англичан — друзей солдата. Днем все выглядело совершенно иначе — можно было как-то ориентироваться. Погода была пасмурной. Я пытался запомнить дорогу до машины. Но вряд ли у меня это получилось с первого раза. В дороге меня укачало, и я начал проваливаться в сон. «Кстати, Роберт — миллионер, который решил старость провести в путешествиях, на фестивалях, — раздался голос Солдата. — Just meeting new people you know. А ты, Влад, умный, можешь понравиться Роберту, тогда у нас будет все — и кокаин, и хуепин, и все что только захочешь...». Через час-полтора езды мы уже были в Вильнюсском аэропорту. Вскоре они появились. Джеймс (Джим) 32 лет и Роберт (или «Боберт», как его называет Солдат) 63 лет. Оба худощавые, с превосходным британским акцентом и совершенной непосредственностью английской разговорной речи, что напомнило мне о МОЕМ жалком английском — несмотря на годы профессиональной переводческой практики. Как я понял, Роберт взял с собой Джеймса исключительно для своего удобства. Оба жалкие наркоманы, это я понял сразу. Они друг друга стоили. Джеймс выглядел как лондонский бродяга и подрабатывал на рэп-выступлениях; его речь разбирать мне было сложнее, чем Роберта. Роберт объяснял это более низким социальным статусом Джеймса.

Роберт арендовал машину, в связи с чем я предложил нашу тачку оставить (ее мы тоже арендовали). Это сэкономило нам дни простоя, а назад мы как-нибудь вернемся. Побродили по торговому центру. Посидели в баре. Они пили пиво. Я нет. Обычно я не пью пиво. Пообедали. Каждый заплатил за себя (я заплатил за Солдата). Роберт часто выхо-

дил в туалет понюхать своего кокаину (который ему в Лондоне помог пробить Джеймс). Подумать только! Он провез все это через границу, включая огромный брикет травы. В разговоре он упомянул, что единственные две страны, в которые он никогда не поедет, — Россия и Китай. Русские всегда хотят узнать о тебе много информации, — сказал он. Как русскому, этой информации мне, в принципе, хватило, и про Китай я даже не спрашивал. А потом он упомянул, что трахает телок каждую неделю... В основном это женщины 50—60 летнего возраста... И он использует виагру... *Getting old, you know*. И я подумал, что теперь у меня информации о нем даже слишком много.

Да, кстати, он удивился, узнав, что Солдат и я русские. Особенно, что русский — Солдат. Эта информация проскользнула невзначай, мы ее не выпячивали, но я отметил для себя его растерянность...

В общем, мы закупились, вернулись, Джеймс очень хотел кокаину, а Роберт не хотел делиться. Джеймс пожаловался мне на жадность Роберта. А потом мы сидели в машине, и Роберт сделал две дорожки. Одну он вынюхал сам, а другую (ту, что поменьше) с пафосом небывалой щедрости дал Солдату, сидевшему на переднем сиденье. Все это происходило в гробовой тишине. Поняв, что кокаином Роберт хотел поделиться только с Солдатом, Джеймс вышел из машины, сильно хлопнув дверью. Чтобы разрядить обстановку, я попросил у Роберта полигон (лист бумаги), дабы скрутить для всех косяк. В этот момент из машины вышел Солдат...

— Oh, Vlad, you need something to roll a joint on?.

— Yes.

— Ok, — сказал он, — let's see what we have here...

Роберт дал мне лаптоп. Который я использовал как полигон.

— Hey, Vlad, — сказал он, сделав еще две дорожки, — you seem to be a nice guy. But James sometimes pisses me off. He does not understand that my money is my money. My

cocaine is my cocaine. He's just very young. How old are you, Vlad?

— 33.

— Oh, Jesus' age! — он вынюхал первую дорожку.

— ...

— Are you married, Vlad?

— No.

— Why not?

— I don't know... Maybe gods wish that I stay pure for a little longer?

— You have a girlfriend?

— No.

— You like women?

— Yes.

— You like men? — он звучал совершенно естественно, спрашивая это.

— No.

— Vlad, well, you, at least, have women sometimes?

— Yes.

— You know, Vlad, you must think something of your life. You're getting old, — на этом месте он вынюхал вторую дорожку, после чего спрятал кокаин.

Скрутив косяк, я вышел из машины. (Отмечу, что косяк Роберт курил вместе с нами.)

Мы едва успели вернуться в лагерь, как недавно обиженный Джеймс уже обнимался с Робертом, т. к. Роберт разложил перевезенные им через границу наркотики на столе. Сидя на моем стуле, Роберт на кайфе говорил: You are my best friend, James, you know that? Tell me that you know that, you little bastard! И Джеймс, думая, что речь идет о совместном употреблении наркотиков, улыбался, как самый лучший из возможных друзей. Вскоре после этого Роберт куда-

то таинственно исчез, прихватив с собой, конечно, все наркотики. В связи с этим Джеймс пришел в уныние. Он ведь так и не получил кокаину. Это было написано у него на лице. Я угощал его, а также всех остальных из своей фляжки, и в тот вечер мы с Солдатом окончательно поняли, что наших 23 привезенных грамм травы едва ли хватит до пятницы.... Так и оказалось. Забегая вперед, в общей сложности нами с Солдатом было приобретено и скурено (в компании из неисчислимого количества людей) более 53 г, не считая всего остального. В общем, приходилось делиться. Не будет преувеличением сказать, что из нашего лагеря я вьебал больше всех денег на фестивале. Я (мы) безрассудно угощал (-и) наркотиками всех подряд, даже людей не из нашего лагеря, если они каким-то образом оказывались рядом в нужный момент.

Джеймс с Солдатом пошли искать Роберта, я же остался в лагере. Я даже с ним больше не здоровался, если честно, да и вообще старался не смотреть в его сторону. Он перестал мне быть интересен. Думаю, дело было не просто в том, что он не хотел делиться кокаином именно со мной, ведь, признаюсь, этот образ худощавого старика, желающего поймать немного кайфа напоследок и уже давно привыкшего к окружению таких, как Джеймс, и ни во что их не ставящего, неотступно преследует меня, как страшное напоминание о том, как легко можно просрать свою жизнь.

В тот день приехало еще несколько человек, с которыми, правда, мы мало общались и имен которых я сразу не запомнил, так что не буду утруждать этим и вас.

Под вечер мы установили свои палатки. И пошел проливной дождь, который длился несколько часов. Испытание дождем лагерь с легкостью выдержал. А потом к нам (вернее к Артису и Монике, которых в тот момент в лагере не оказалось) наведались незнакомые нам пацаны в компании около семи человек. Все возрастом до двадцати лет,

и все прожили в лесу, по их словам, уже около десяти дней. Из уважения к этому факту я предложил им присесть к нам. Они с удовольствием это сделали и начали разглядывать и пробивать нас. Да, это моя первая Яга. Да, конечно, это наши, блядь, продукты. И кола тоже. Угощайтесь, — предложил я им колу Джеймса. Джеймс с тоской смотрел на свою колу, идущую по рукам. Солдат молчал. Диалог вел я. В один момент я спросил, нет ли у пацанов колеса, что первоначально вызвало у них бурную реакцию возмущения и насмешек. «Все начнется завтра!» «Если сейчас съешь, завтра будет меньше переть!» «Тебе не нравится тишина сейчас, и ты хочешь что-то изменить?»

— Ну вот и хули вы тут, блядь, психологов поврубали? Я просто попросил колесо, даже половинку, че жалко, что ли?

Пацаны есть пацаны — их лидер сказал: «Да, действительно, чего это мы...» И мне принесли колесо, от которого я сразу же съел половину.

— И что, сейчас пойдешь блуждать по лесу? — с сомнением спросил один из них.

— Да зачем мне где-то блуждать, тут посижу, — ответил я со смехом.

Через некоторое время все разошлись, Солдат сказал мне, что пацаны ему не понравились, уж какой-то, мол, слишком яркий, наглый и голодный блеск был в их глазах. Потом он залез в гамак, а я просто сидел в тишине, наслаждаясь эффектом колеса, думая о том, какими тропами ходит каждый из нас, и курил косяки. На следующий день Солдат сказал мне, что его испугало, что я, съев колесо, просто сидел и несколько часов не вымолвил ни слова. И добавил «Ты же наверняка напишешь об этом рассказ. Да?» «Да». «Бля, я как будто СЛЫШАЛ твои мысли! Слушай, а Боберт в нем будет?» «Конечно! Он будет в нем занимать *особое место!*» И мы обменялись понимающими улыбками... (Уточню: не знаю, насколько улыбки были понимающими — Солдат прочитал первую книгу «Больших братьев», но ничего

не понял, кроме того, что у тех парней была какая-то неуловимая власть, и это ему понравилось).

Еще из того вечера мне запомнилось, что Артис и Моника были очень голодны, но осмеливались брать из привезенного нами продовольствия только когда мы отворачивались, невзирая на наши поощрения. Такая щепетильность Короля и Королевы лагеря были, на наш взгляд, несколько неуместными, с другой же стороны... Нам ли это решать, учитывая все их заслуги перед нами?

Жалко, что нельзя было жечь костры — на Яге они разрешены только в специально отведенных местах, и в этом, наверное, есть свой определенный смысл. А огней вокруг хватало — самых разных... По ночам только было холодно, температура опускалась до 11 градусов. Впрочем, это давало вполне ощутить весь «праздник жизни» — днем ты ходишь без майки до самого вечера (температура поднималась до 28), а ночью мерзнешь под теплым пледом в куртке, кофе и двух майках.

Это была единственная ночь, когда я ночевал в палатке, — гамак был кем-то занят... (на гамаке все же спится лучше... на следующий раз надо будет купить себе палатку-гамак или что-то подобное).

Роберт нашелся только утром, — всю ночь он провел у костра внизу, в компании незнакомых людей, со своими наркотиками, которыми он ни с кем не делился. Я слышал, как он говорил Джеймсу: «There was a Russian guy, who shook my hand in that „greetings-from-Russia“ manner, you know.» «Mhm» «And all these people, their grammar is so poor that there was very little communication between us».

Через некоторое время мы решили съездить в ближайший сельский магазин, находящийся в 5–7 км от машины. Машину вел Роберт, нарушая правила на каждом повороте.

Он даже раз семь совершенно без надобности посигналил детям, играющим в жилой зоне. Отстояв большую очередь и выйдя из магазина, мы побросали вещи в машину и зашли в бар, где пообедали, после чего на подходе к тачке Роберт ущипнул меня сзади за бока, предварительно сказав *You're on the edge of being fat, Vlad! You know that?* Я словно бы только этого и ждал. Резко развернулся и схватил Роберта за ЕГО бока, сделав это в несколько раз жестче, чем он, и чуть невзначай не переломав ему ребра по ходу дела. Пока я думал, давать ли ему еще и пендель, он скрылся со словами *«Why didn't you tell me, Alex, that Vlad is dangerous?»* — *«What?»* — *«He is fucking dangerous, Alex! He is a fucking beast! Jesus Christ!»*

А потом, когда мы сидели в лагере, к нам подошел хмурый белокурый Викинг, безмолвно выдал всем по сосуду для окурков и исчез...

Повсюду уже стояли палатки, тысячи палаток. Тысячи! Собирались люди. Под вечер приехали ребята, с которыми мы с Солдатом и провели большую часть фестиваля. Например, Эдгарас (27 лет) (литовец, в тот момент работал в Финляндии), который сразу же завоевал мою симпатию своим раскатистым хохотом, от которого (я не шучу!) сотрясались даже сосны! Он, в отличие от меня и англичан, уже приезжал не в первый раз (во второй) и сразу же отгонял от себя злых духов таким способом. Уверяю вас, если бы вы слышали его смех, у вас бы не осталось в этом никаких сомнений! Ауримас (29 лет) (лицо которого идеально подошло бы для рекламы наркотиков) и его брат Витянис (19 лет) (литовцы, Германия). Вместе Ауримас и Витянис напомнили мне братьев из фильма «От заката до рассвета», где Ауримас был Джорджем Клуни, а Витянис — Тарантино. Я сначала не знал, что они братья, и, как и Ауримас, помыкал Витянисом как самым младшим. Но через день или два Ауримас мне объяснил, что помыкать Витянисом может только он — как его брат. Вот тогда-

то мне пришла в голову эта ассоциация, и я сразу же проникся к Витянису некоторого рода уважением. Приехал и Вошкис. Он постоянно перед этим написывал Солдату, мол, не одолжит ли он ему денег на билет (у Вошкиса были проблемы, т.к. все, что он умел, — это выращивать траву, а его поделщик отказался отдавать ему оборудование, так что Вошкис нанял вышибал, чтобы получить его обратно. Он его получил, но денег заплатить у него не оказалось...). Солдат не отвечал. «Мне нечего ему сказать». Вошкис писал и мне, спрашивая, где Солдат, и даже Артису. Я тоже не отвечал — по тем же соображениям. И вот он, должно быть, одолжив денег у кого-то еще, приехал, грустный. Мне стало его жаль, и я угостил его оставшейся половинкой колеса, чему он, казалось, поначалу несколько обрадовался. Но потом он снова сделал недовольное лицо. «Не прет. Хуевое колесо». Надо сказать, что весь фестиваль он употреблял наркотики, которые ему удавалось выпросить, и жаловался, что его не прет. «Вошкис! Не жди чуда, доверься своим инстинктам!» — увещевал его я. Но мои слова пролетали мимо его ушей. Приехало еще несколько человек, 19—24 лет, обычные молодые люди, они не вызывали у меня неприятных ощущений. Вообще из нашего лагеря я был самым старшим, не считая Роберта. Получается, в нашем лагере было двое англичан, которые ни хуя не отдупляли, двое русских, которые отдупляли вообще все, а все остальные (около двадцати человек) были литовцами, которые отдупляли происходящее с разной степенью понимания. Присутствующие, помимо англичан, мне в целом понравились. Но я даже не запомнил ни одного имени, включая имя Эдгараса, хозяина заразительного смеха, просто сидел на гамаке и скручивал косяки. Кстати, только Эдгарасу и понравилась моя техника. Все другие предпочитали косяки Витяниса или Вошкиса (к качеству которых, впрочем, не придерешься). Мы курили их, пили. В прекрасном окружении леса. А в шесть часов должно было состояться от-

крытие фестиваля. Это должно было произойти внизу, там, где расположена главная сцена. Об этом нам торжественно сообщили Артис и Моника, после чего не менее торжественно удалились в лес. Так что, нюхнув чистейшего МД-МА (заплатив 1 евро, мы проверили это в одном из предусмотренных на фестивале psy help пунктов) и прихватив все необходимое, мы пошли смотреть (группой в составе меня, Солдата, Ауримаса, его брата, Эдгараса, Джеймса и еще такого Бенаса, очень веселого парня, очень любящего кайф; я был удивлен, когда узнал, что ему только 22).

Main Stage представляла из себя поляну, окруженную деревянным забором, внутри которой была деревянная сцена и другие сооружения (как, например, соединенные на манер «типи» стволы деревьев). В шесть часов запустили музыку, и странные полуголые измалеванные исполнители начали совершать какие-то странные невообразимые вещи. Они катались по земле, лезли, залезали друг на друга, метались по сцене, издавали животные звуки, дико хохотали, потом плакали.... Иногда со стороны зрителей доносился беззлбный смех — свидетельствующий о понимании того, что речь идет не об одержимости дьяволом, а о том, как заебала работа и монотонная жизнь в городе. «Какая любопытная публика тут собралась», — невольно подумал я. Здесь были и маленькие дети, включая грудных младенцев на руках своих матерей... Людей, по моим подсчетам, на территории фестиваля уже было около трех-четырёх тысяч... Все только начиналось. Я решил пойти прогуляться. Я скользил меж деревьев, иногда поглядывая на небо. И... был все еще замкнут на себе... несколько раз я еще возвращался к главной сцене, взял пару пива, курил траву. Пассивно разглядывал окружающих. Нашел Ауримаса, попросил у него половинку колеса, и тот дал ее мне. Наверное, потом я просидел некоторое время в лагере, отдыхая. Поскольку наш лагерь был самым красивым на фестивале, к нам часто заходили гости, чтобы обменяться любезностями и засвидетельствовать свое по-

чтение. Многие думали, что у нас что-то продается, и приходили в восхищение, узнав, что это просто лагерь. Меня перло действительно гораздо меньше, чем если бы я не съел ту половинку накануне. Пацаны были правы. Но я это, конечно, хорошо знал и так. Просто вчера, после длинного дня в компании Джеймса и Роберта, и уже привыкнув к лесу, я, наверное, устал и не очень-то и верил в то, что ждать действительно стоит.

Стемнело, я продолжал ходить по лесу, который очень преобразился. Повсюду огни, лазеры, и еще эти звуки... То есть музыка.... Очень странная. Она звучала, не переставая... Погружая всех присутствующих в самих себя... Ничего опасного не происходит — лишних людей тут нет... Повсюду незаметные реасе patrol, которым только и нужно, чтобы у тебя была повязка-пропуск на руке. Повязка-пропуск делает тебя своим, отношение к вам сразу же меняется на тихо доброжелательное. Вот туалеты, а вот тут еще и души установили... Я иду дальше. Никаких конфликтов, никаких драк. У края дорожки собралась компания. Подойдя поближе, я увидел, что у какого-то парня в черной куртке передоз, и двое добровольцев с надписью psy на футболках ему оказывают медицинскую помощь. «Что он употребил? Что он употребил?» Иду дальше... Солдат куда-то подевался, наверное, пошел к своей шаманше, которую он запомнил еще с прошлого года. Я не решался познакомиться с ней лично, по крайней мере, пока что. Многие люди только-только приехали, еще не привыкли к лесу... На сегодня ничего особенного не планировалось, это чувствовалось, а я в тот вечер, после длительного дня, не хотел ни с кем общаться. И просто ходил, ходил, до глубокой ночи. Помню, как в один момент, когда я отошел от всех огней, выключил фонарик и присел.... Просто присел на землю отдохнуть... кто-то облизал мою ладонь! Я аж вскрикнул от неожиданности! Это был пес... славный пес во тьме... Через секунду он убежал... Под

утро я пошел спать, в свой гамак, на который уже больше никто почему-то не претендовал.

Наступила пятница, грибной день. Я проснулся совершенно отдохнувшим. Сходил в туалет, поссал, посрал. Попил воды. Покурил. Пошел вниз, к ларькам, взял двойную порцию яичницы, не без основания полагая, что это единственное, помимо грибов и т.д., что я съем в этот день. Еле зачихнул в себя все эти отвратительные яйца, бобы и овощи. Было жарко, солнечно, так что я быстро вспотел. Снял майку. Вообще следует отметить, что музыка (звуки), которая играла круглосуточно, судя по всему, подбиралась организаторами в соответствии с временем суток и наркотиками, которые по неписанному правилу люди старались употреблять в конкретный день фестиваля (четверг, воскресенье — мдма, пятница — грибы, суббота — лсд). Иногда я слышал русскую речь, но прикидывался литовцем. Это срабатывало только с русскими, так как незнакомые литовцы неизменно обращались ко мне по-английски. Запомнился и один бородатый русский чувак, который хотел у меня что-то спросить, но не осмелился. Он точно и представить себе не мог, что я русский.

Многие расположились на полянке или на берегу озера и загорали. Кто-то танцевал. Кто-то лежал на больших растянутых гамаках (общественных). Мимо пролетела бабочка... По пути назад мне повстречалось несколько человек из нашего лагеря, но не запомнились разговоры с ними.

Вообще в пятницу приехали те, кто не приехал в четверг. Приехал и Лаймис, мой сосед, со своей девушкой. У нас к этому времени полностью вышла вся трава и колеса, а также деньги, так что он подоспел весьма кстати. Все я брал у него в долг, который вернул сразу же по возвращению в Клайпеду.

За приятным колесным общением в кругу друзей и прошел тот день. Конкретно про дневное время еще помню, что когда мы ходили за вещами Эдгараса, мы видели ментов на входе на нашу территорию. Как только мы их увидели, Ауримас развернулся и пошел обратно в лагерь со всеми наркотиками. Так что мы особо у машины Эдгараса и не задерживались... По пути назад я, зная, что Джеймс — рэпер, попросил его «че-нить забрать». Мы шли по лесу, он рэповал довольно неплохо, я не очень улавливал смысл, но мне нравился его flow, и я чувствовал себя вправе давать ему оценки. В тот день я окончательно снял ботинки (и надевал их только ночью). Ходил босиком и без майки. На руке моей была повязка-пропуск. Я был под мдма. Ментов на прежнем месте (вход на территорию фестиваля) уже не было. Потом прошелся слух, что, когда мы проходили мимо них, они спорили с охранниками, хотели пройти внутрь, но те их туда так и не пустили со словами «это частная вечеринка!»... Скорее всего, это был просто слух. Увидев нас, охранники сказали: «Этот пусть проходит!» — указав на меня. Остальных проверили на наличие стекла и отсутствие повязки. По пути нам встречались люди, и наша рэпующая компания не могла не произвести на них впечатление. В этот момент я даже почти простил Джеймсу то, что он жалкий наркоман. И подкинул ему идею написать песню с названием Yaga Days, где он бы зарифмовал про каждого из нас. Он пообещал... Ну что ж. Посмотрим, сколько правды будет в его словах, если эти слова вообще будут. Я, конечно, был бы только рад.

А вечером, когда стемнело, и все снова незаметно, но кардинально поменялось в обстановке и атмосфере, наступило время Грибов. Мы собрались у стола в лагере. Этот момент запечатлен на фотографии. Двадцать два человека, которые через 5—15 секунд после вспышки съедят грибы.... Кто целую, кто полторы, кто две порции. Я съел две. Солдат одну. Со второго этажа нашего лагеря, откуда и была сделана эта фотография, раздался оглушительный смех. Я сидел

внизу, мне стало обидно, что я не знаю его причину. Выждав, когда он стихнет, я сказал: «Вот скажите, кому ПЕРВОМУ пришла идея сейчас туда взобраться?» С десяток-другой глаз пристально смотрит на меня во тьме... Кто-то отвечает: «Ауримас!» «Ауримас! — закричал я. — Ты, блядь... ебанный! ГЕНИЙ!!!» Раздался оглушительный смех, долго смеялись теперь все 22 человека...

Когда я хорош — я хорош. Вот теперь я был готов идти к шаманше... Впрочем, это случилось само собой — туда пошел Солдат с Ауримасом, Витянисом и Эдгарасом, а я пошел с ними вместе. В палатке Шаманши уже было немало людей. Мы все еле поместились. Покурили. В основном, говорила она, какой-то парень с усами (шаман и, как потом выяснилось, ее парень, с которым она уже очень давно) светил всем в глаза фонариком. А все остальные покорно внимали. «Сегодня — ночь, когда каждому нужно высвободить своего демона...» «А завтра?» — бесцеремонно спросил кто-то. «...Завтра — ночь, когда вы должны увидеть своих ангелов! А последняя ночь — это ночь белой магии, любви и чудес!» Как мне показалось, особенно внимал ей Солдат. И я сам, конечно же, тоже. У Солдата вообще, скажу я вам, уже в четверг появился взгляд совершенно сумасшедшего человека. Он меня и пугал, и умилял одновременно. И вот этот вот совершенно безумный взгляд он медленно переводил то на меня, то на нее, то еще куда-то, а тот парень с усами и аккуратно постриженной бородкой светил ему в лицо фонариком, а Шаманша рисовала на его лице своими красками, сопровождая это всякой магической болтовней. Дошла очередь и до меня — я был последним. Когда я, наконец, сел для раскраски, я неожиданно для себя вдруг заулыбался так, как будто бы у меня сейчас будет самый лучший секс в моей жизни. Это мое настроение не могло не передаться ей, и я чувствовал жар ее рук, а ее улыбка приятно отзывалась у меня внутри. Я посмотрел в ее глаза, и с удивлением обнаружил, что один из них карий, а другой — зеленый. Я смотрел в зеленый глаз

своей Шаманши, и этот зеленый глаз — все, что я в тот момент видел. Потом я от страха закрыл глаза... Это продолжалось целую вечность. Потом я открыл глаза, и она, хотевшая нанести еще один штрих, вдруг передумала и отложила кисть, после чего поцеловала меня в губы коротким, но сочным поцелуем, взяла меня за руку, и мы вышли в ночь. Я вышел вместе с ней и ее парнем (о чем я тогда еще не знал), ее парень был слева от нее, я справа. Мы прошли пару шагов вместе, она отпустила мою руку, затем она бросила на меня удивленный взгляд, и скрылась в ночи со своим черным спутником...

...найти нашу Компанию сильнейших грибников на фестивале в тот момент мне помог... как вы думаете? Конечно же, раскатистый смех Эдгараса! Этот маяк никогда не обманет вас в ночи... Я примкнул к нашей группе, и мы пошли вниз, на главную сцену, и наш поход туда длился не менее часа или даже двух, хотя идти до туда — минут пять. Все дело, конечно, в грибах... и в той сумасшедшей атмосфере, созданной организаторами фестиваля, идеально подходящей под этот вид наркотиков. Звуки ассоциировались с потерянностью в огромном космическом мире, исполненном чудес. То тут, то там из тьмы раздавался смех и удивленные восклицания (часть — людей вокруг, часть — из динамиков). Со мной на всякий случай был мой нож. Мимо прошла группа инопланетян, один из них приблизился ко мне особенно близко и заглянул мне в глаза, издавая шипящие звуки. Где-то глубоко (да не, на самом деле на поверхности, конечно) я, конечно, осознавал, что это просто люди, одетые в такие специальные костюмы, но у меня все равно, по-моему, встали волосы дыбом. Вообще в тот вечер было очень много смеха, особенно заразительно, помимо Эдгараса, смеялся Бенас. Если Эдгарас своим смехом отгонял от нас злых духов, то Бенас, наоборот, их привлекал. Он смеялся, как человек, УЖЕ ими захваченный, но еще не сдавшийся окончательно, что

не могло их не раззадоривать! В итоге мы каким-то невероятным образом очутились внизу, у главной сцены. Но здесь вряд ли что-то кому-то стало понятней. Мы стояли у ларьков, метрах в ста от сцены, в вихре других людей, напротив нас происходило какое-то сумасшедшее действие, а то, что утром было канавой вдоль дороги, вечером превратилось в реку красной вулканической лавы. Я боялся туда ступать ногой, хотя некоторые смельчаки прямо там, в лаве, и танцевали, как умели. В общем, как только мы пришли, мы потеряли цель. Мы были такой мощной силой вместе! И тут я увидел, как некоторые из нас начали теряться в тенях вокруг. Да что там говорить! Наша группа рушилась прямо на моих глазах! Я решил взять инициативу в свои руки. Рядом подвернулся Вошкис. Я дал ему траву и все остальное, попросив скрутить косяк для всех нас. Мы прямо там, стоя в лаве, и пытались это сделать. Вошкис не мог сосредоточиться. Сам я даже не пытался. Вошкис смеялся своим слизняковым смехом. Я летал где-то черт пойми где, в темноте, но задача скрутить косяк освещала мне путь! Я настаивал, я снова настаивал. И снова. Ничего не получалось. Минут через десять выяснилось, что проблема в том, что бумажки склеились. «И ничего с ними не поделаешь.... Бумажки испорчены.... Ничего не получится», — подытожил Вошкис и рассмеялся своим мерзким смехом. Это был переломный момент. Мое терпение лопнуло. Решение озарило меня, как вспышка молнии! *Я ОТТОЛКНУЛ ОТ СЕБЯ ВОШКИСА И НАЩУПАЛ В КАРМАНЕ И ДОСТАЛ СВОЙ НОЖ!... ЭТО БЫЛ ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР! Я СТОЯЛ В АДСКОЙ ЛАВЕ И ДРУГИХ ВАРИАНТОВ У МЕНЯ ПОПРОСТУ НЕ БЫЛО!*

С его помощью мне удалось счистить слипшуюся часть, благо бумажек хватало, и через минуту я протянул Вошкису бумажку, чем привел в восторг всю нашу группу. «Влад достал свой нож! — закричал Эдгарас. — Влад достал свой нож, и мы спасены! Ха-ха-ха-ха! Влад достал свой нож

и мы спасены!» Да, черт побери, на время (на время курения косяка) наша группа действительно была спасена!.. Очень быстро мы его скурили, и я подумал, что на этом мои инициативы обычно и заканчиваются. И решил бросить всю группу на произвол судьбы, а заодно пойти поссать в одиночестве. К туалету, который находился метрах в 150, я продвигался очень медленно и осторожно — не дай бог снова свалиться в лаву, ведь тогда я совсем не смогу пошевелиться (!). Когда я, наконец, достиг туалета и струя грибной мочи брызнула из моего грибного члена, меня в очередной раз накрыло очередной грибной волной. Я простоял там, в туалете, минут пять, обливаясь грибным потом. После чего я отправился обратно к парням. Не скрою, мне было приятно, когда, увидев меня, они завопили: «Да вот же он! Ебать! Мы думали, ты пропал, хотели тебя искать! Где ты был?» «Я? — услышал я издали свой голос. — Я ходил поссать...» Раздался оглушительный хохот. Я снова был в нужном месте! Мы пошли дальше... Больше из той грибной ночи я ничего не помню.

Я снова хорошо выспался — всего за несколько часов. И на этот раз у меня уже совершенно не болела спина (все время до этого момента у меня немного ломило в пояснице). Это было отлично. С самого же утра я снова решил не надевать ботинки. И босиком пошел в туалет (про который следует отметить, что там всегда было чисто и вообще не воняло). На этот раз поссать у меня не вышло... Я позавтракал (на этот раз одной порцией, другой я угостил встреченного Вошкиса). Когда мы уже собирались уходить, Вошкис взял себе еще одну порцию (на свои деньги, которые у него еще, оказывается, были), так что я его оставил там одного. Погулял. Покурил. Взял пиво. Потом еще одно. Потом съел колесо, вместе с только что проснувшимся Солда-

том (для него это вообще был завтрак). Запил пивом. Я уж точно и не помню, что было дальше. Но помню, что мы неразлучно ходили нашей вчерашней Грибной группой. Из нее, правда, полностью выпал Эдгарас. Его смеха почти не было слышно, он долго спал, а потом ходил своей дорогой, которая почти не пересекалась с нашей. В один момент, когда мы в очередной раз ненадолго пересеклись, я увидел такую ужасающую пустоту в его глазах, что мне самому стало страшно; я попытался ободрить его как мог!

Мы гуляли по лесу и натыкались на множество скрытых объектов, как, например, домик с лимонами и апельсинами, разбросанными по полу, и телевизором, по которому показывали какие-то жуткие и бессмысленные кадры. Был еще лабиринт в лесу. А также инсталляция картин неба. Это то, что мы успели найти из объектов, не обозначенных на карте, которых (наверняка) было больше. В тот день мы долго лежали у озера, снова ели колеса, Ауримас принес и раздал каждому по очень сладкому спейскейку (с травой), которые он купил в ларьке неподалеку в количестве десяти штук, по 5 евро каждый. Узнав об этом, я помчался покупать еще, чем окончательно завоевал его расположение. За прилавком стоял загорелый кучерявый пацан лет шести.

— А спейскейки еще остались? — спросил я по-литовски.

— Нет, спейскейки быстро разошлись! — хитро улыбнулся он. — Но, может, мама вам поможет... я сейчас...

— Давай.

И вот мама вышла... гордая и симпатичная женщина в бусах, каких-то индийских тряпках и с дредами. Она извинилась и предложила просто травы. (К слову, она продала мне 6 граммов за 50 евро, а Лаймис обычно за эту сумму продает мне 5).

Думаю, было около пяти часов вечера, когда мы решили сходить до машины Эдгараса, я уже и не помню зачем. Идти предстояло километров 6—7. Перед началом этого путешествия мы приняли лед в виде сахарных кусочков, я — двой-

ную порцию. И зачем-то мы еще решили понюхать по жирной дорожке «ракеты» (raketa = ra (tai) + keta (min), где ratai — это колеса, а ketamin — это кетамин, снотворное для лошадей). Это название придумал Ауримас. В общем, я думаю, эта «ракета» несколько подпортила мне трип от лсд. Те же, кто употребил по одной порции, жаловались на полное отсутствие эффекта от лсд, списывая свои ощущения на «ракету». Я остаюсь при своем мнении. Потому что эффект от лсд я ощутил очень хорошо. Но также я ощущал и многое другое, и если бы не моя непоколебимая вера в то, что наша группа делает правое дело, клянусь, этой адской смеси оказалось бы достаточно, чтобы я словил ну очень плохой трип. А так я даже шел впереди группы первым фронтом, не считая Бенаса, который (я прекрасно видел это!) испытывал эффект лсд тоже. (Бенас шел впереди меня, я шел вторым, потом я обогнал его и какое-то время шел первым).

Это была грунтовая дорога длиною в вечность. Я не хотел, чтобы она заканчивалась. Вот проходя мимо свисающей ветви, я зубами вгрызаюсь в нее и срываю всю листву. Иду дальше, жуя листики. Приятно было снова почувствовать себя живым зверем... Иногда я оборачивался и довольно долго шел задом вперед, размахивая при этом зачем-то руками...

Дорога, как ни странно, однажды закончилась. Кое-как мы поднялись в лагерь и там наша наркотическая вакханалия продолжилась...

Уже почти полностью стемнело, и лес снова оживал. Помню, в один миг все куда-то вдруг подевались, остался только я и Вошкис. Я бы не упустил нужный момент, если бы не Вошкис, который в очередной раз предложил скрутить косяк из нашей с Солдатом травы. И вот косяк скручен, а все ушли, и куда — неизвестно. Черт. Да куда же они все подевались?

Вошкис говорит: *«Пойдем, Влад, на главную сцену, я покажу тебе, как надо триповать!»*

Возможно, он имел ввиду совершенно дружеские намерения, но это предложение показалось мне невероятно кощунственным и чудовищно оскорбительным. В ярости я послал его на хуй и в спешном порядке отошел от него метров на двадцать, запрещая ему приближаться ко мне ближе. Я видел, как он одиноко ушел в сторону главной сцены...

Я вернулся в лагерь. И обнаружил, что в одной из палаток горел свет. Я подошел поближе. Изнутри раздавался голос Шаманши. Вот где они! — подумал я с радостью. Все сложилось в целую картину. В общем, я тихо залез в палатку. Так и есть. Все сидят тут, внимают шаманше, а шаман снова светит всем в глаза фонариком (посветил он им и мне — меня узнали). Я снова попал на момент раскрашивания лица Солдата, который снова переводил свой безумный взгляд с нее на меня и т. д. «Напоминаю всем! Сегодня вы должны увидеть своих Ангелов!» И вот я снова последний, она снова раскрашивает мое лицо, и удивляется, увидев у меня на щеке шрам, который у меня с рождения. «БОЖЕ! КАК Я МОГЛА ЕГО НЕ ЗАМЕТИТЬ ВЧЕРА?!» А я в свою очередь смотрю в ее глаза и оба ее глаза — карие. Куда подевался тот зеленый глаз?.. Это что, была *просто линза*? Но я не осмеливаюсь спросить...

«Слушай, ну чего ты такой напряженный, как будто копишь, копишь свою энергию для броска. Расслабься...» — она погладила меня рукой по щеке, и эта непосредственная женская ласка, эта неподдельная доброта, это ее движение отозвались во мне трепетом и благодарностью... Я закрыл глаза...

(На следующий день выяснилось, что они все слышали, как я послал нахуй кого-то и ушел, «круша все на своем пути, как Халк». Всем было интересно, кого же я послал и что же меня спровоцировало на это. Я объяснил, что сам могу показать Вошкису, как надо трипповать, если бы он ко мне прислушивался... Все рассмеялись, говорили, что я очень смешно его послал «Вошкис, иди нахуй, ... пойди... поди

прочь от меня долой, ИДИ НАХУЙ БЛЯДЬ!» — спародировал меня Ауримас. Солдат потом рассказал, что видел, как Вошкис «трипповал». Видел его валяющимся в отрубе у главной сцены... Но это потом, а пока моя Шаманша раскрашивает мое лицо, а шаман светит мне в глаза своим фонариком, недобро выглядывая из-за угла ...)

Все. Я готов. Воинственная маска древнего война на моем лице. Пора идти из палатки прочь. В ночь. Шаман с Шаманшей выходят предпоследними, последним выхожу я. Я вижу, как они изящно скользят сквозь толпу, у chill stage она останавливается напоследок, оборачивается в мою сторону и говорит: «Приятного вечера!», — она взмахнула рукой, и *из-под ее пальцев посыпались звезды*, это была настоящая магия, и когда звезды перестали сыпаться, я обнаружил, что шаман с Шаманшей бесследно исчезли, как наваждение. Клянусь, так все и было! Это было настоящее волшебство! И я снова остался совсем один. И вот он я, стою, такой одинокий и потерянный, среди толпы незнакомых мне людей, совсем один, и наркотики говорят во мне (господи, чего во мне только не было в тот момент!) И я стою и совершенно не знаю, куда мне идти и что мне делать... И вот, наконец, из всех звуков, которые мчались на меня в тот момент со всех сторон, я вычленил один слабый сигнал. И пошел в его сторону — чисто на звук. По мере приближения ритм становился все четче и четче. Его источником оказались люди, собравшиеся у костра. Пойти мне все равно было больше некуда, так что я остановился прямо рядом с ними и стоял, глядя в костер, как и все они, и погружаясь в их ритм все глубже и глубже. Кто-то стучал на барабанах, кто-то на бубне, кто-то использовал какое-то подобие трещоток. Кто-то пританцовывал... Это длилось и длилось, и захватывало меня все больше и больше. Внезапно вступил парень со своей балалайкой. Это было совершенно импровизированное действие. Постепенно я перестал слышать какие-либо другие звуки и незаметно для себя начал пританцовывать.

Мелодия плыла, делала невообразимые виражи, обходила острые углы, снова появлялась, как кит из океанской толщи. И это не прекращалось ни на миг... ни на миг... Это была настоящая человеческая симфония в самом центре вселенной, сама пульсация жизни. И я был ее частью... Я стоял и даже в некоторой степени чувствовал себя дирижером. Ну вот откуда этот парень на балалайке знает, что звучит у меня в душе, откуда он взял эту мелодию? Да потому что я показал ему это движением своего тела! Из моих глаз покатались слезы благодарности и умиления... И в этот самый момент в нашу песню вступила белокурая девушка со своим ангельским голосом... Она просто пела всякие гласные под мелодию, и к ней начали присоединяться другие голоса. В этот момент я окончательно разрыдался. Возможно, она потому и вступила, что увидела, что я расплакался, а, возможно, мы разделили какую-то общую космическую эмоцию, этого я не знаю. Никто мне ничего не сказал, я постоял еще некоторое время и пошел в лагерь. Там еще никого не было. Я расположился в своем гамаке и наблюдал за огнями вокруг, думая о том, что... ну, вы понимаете... *Все. Это все. Я достиг дна. Глубже не бывает. Теперь у меня под ногами твердая почва. Можно отталкиваться и всплывать...*

Где-то с двух ночи до пяти-шести утра весь лес прорезал усиленный динамиками голос какого-то адского существа, которое все хотело проблеваться, но никак не могло. Было очень тяжело слушать все это. Но деваться было некуда. Каждый, полагаю, держался за своих ангелов, как мог. Но стоило показаться солнцу, как блюющее существо куда-то пропало, и заиграла музыка, символизирующая пробуждение природы и сил добра. Я, наконец, провалился в сон, правда, ненадолго, ведь вскоре меня разбудил Бенас с просьбой угостить его купленными на завтра кристалла-

ми. Сонный, я дал ему всю пачку и перевернулся на другой бок. Утром выяснилось, что он все это вынюхал вместе с компанией других зависал, включая Джеймса, не оставив ни мне, ни Солдату (ни Ауримасу, ни его брату Витянису, ни кому бы то ни было еще) ничего, вообще ничего. Свинья. Да и только. Потом Бенас извинился, и я простил его. Ему ведь только 22.

На следующий день, в воскресенье, я проснулся каким-то слишком чувствительным... Даже завтракать не стал — просто попил воды и тут же проблевался. Через полчаса я решил съесть колесо и запил все это дело пивом. Так же поступил и Солдат. Потом мы решили пойти позагорать к озеру. Нас было человек пятнадцать, включая Шаманшу, ее парня и остальных. Мы лежали на полотенцах... она сказала:

— Ну кто расскажет, какие у кого самые яркие впечатления к данному моменту?

Ауримас пожелал высказаться. Вкратце рассказал про грибной поход на главную сцену и кетаминовое (лсдшное) путешествие к машине. Больше никто высказаться не захотел и тогда я, как мог, рассказал про свою вечернюю медитацию у костра. В ответ на это она сказала, что, наконец, поняла, кого я ей напоминаю, — человека откуда-то из Новой Зеландии. Откуда я знаю литовский язык?.. А вообще я очень вовремя появлялся и пропадал на протяжении всего фестиваля и, по ее мнению, я ничего не пропустил. Потом Шаманша говорила про то, как она не понимает, почему у нас такое полицейское государство и почему сказка, мол, заканчивается на выходе с Яги... Я прокомментировал это как-то так: «Но ведь есть же определенный смысл в том, чтобы была такая четкая линия на выходе с Яги, ведь они не хотят, например, чтобы по городу на машинах катались наркоманы, всех подвергая опасности». «Я не совсем поня-

ла, что ты сейчас сказал» «Серьезно?» «И я не понял». «И я». «И я». «Солдат, и ты, что ли?» «Ага». «Ладно, — махнул я рукой, — забейте, проехали»... А потом, когда мы с Ауримасом, Солдатом и Джеймсом решили сходить за водой из источника и встали, случилась следующая вещь: Солдат, стоявший рядом со мной, вдруг отшатнулся и сказал: «Ну вот чего ты постоянно рядом со мной стоишь, Влад, а? И дышишь на меня!»

Я думал, что *это он* постоянно стоял рядом со мной и дышал. Видимо, не я один был очень чувствителен в тот день... Я промолчал. Мы пошли за водой. Какое-то время мы стояли в очереди к воде вчетвером. Я попросил у Джеймса глоток воды. «I am very thirsty». «So am I» — ответил Джеймс — и допил последние несколько глотков только через несколько минут. Именно тогда Солдат и Ауримас посчитали, что в очереди хватит и нас двоих с Джеймсом, и пошли за пивом. Минут через десять подошла наша очередь, и мы наполнили свои бутылки. Когда мы отошли от остальных и никто кроме Солдата меня не слышал, я высказал ему все, что я думаю по поводу его претензий ко мне относительно того, как я стою и дышу, заодно я послал его нахуй пару раз, чем поначалу очень его удивил. Но в итоге он нашелся насмешками ввсчет того, не слишком мало ли я покурил сегодня. Потом, впрочем, все как-то довольно быстро сгладилось между нами, что было приятным облегчением.

В тот вечер мы снова ели колеса и нюхали откуда-то еще взявшийся амфетамин, смешивая его с кетаминном. Я успокаивал себя мыслью о том, что это последний день. Во время одного из походов в туалет мне повстречался один из тех пацанов (их лидер), которые дали мне колесо в самом начале. Он сказал: «О, вот ты где! А я тебя как раз искал весь день! Я нашел!» «Что нашел?» «Как что? Кокаин! Ты же сам просил!» «Не помню такого. Сколько стоит?» «90». «Не, слишком дорого» — и я направился дальше...

Да, к вечеру я уже совсем выдохся. Чертовы наркотики. Никогда не употребляйте их. Даже Роберт заметил Джеймсу: «Don't you think that Vlad is being very gloomy?» На что Джеймс (спасибо хоть на этом) ответил «Probably he had a hard night». Впрочем, на одну шутку за столом меня хватило. Я сказал о тех, кто приехал только в воскресенье (а таких, кто приехал в последнюю ночь чисто поколбаситься, было немало!): «*Они приехали для кайфа, для презренного кайфа, а мы, дамы и господа, мы приехали для величественного путешествия!...*» — я выждал театральную паузу и добавил (интонацией попроще): «*Мы же не такие, как они, верно?*» — и вместе с остальными громко заржал.

Но в целом веселья и хохота стало гораздо меньше. Молодняк это почувствовал и осмелел. Они так мило общались друг с другом, мне аж стало несколько завидно. Я лежал в своем гамаке и думал об этом. А потом, как всегда, очень изящно, к нам вышли Король и Королева, которые хотели напомнить нам, для чего все это.

Я решил высказаться за всех и сказал что-то типа следующего: «Артис и Моника! Себя я, вот, например, считаю эдаким человеком в определенной степени высоких... эмм... желаний, но ваши устремления — это, конечно, нечто... и то, как вы подготовили для всех лагерь, и какие вы вообще есть, — это гораздо, гораздо круче. Снимаю перед вами свою невидимую шляпу. И позвольте вас от всего сердца поблагодарить за все это!»

Этими словами я, по всей видимости, растопил сердце Моника, так как она явно стала мне чаще после этого улыбаться. Солдат с усмешкой переспросил мое отчество. «Александрович? То есть Владислав Александрович? Тебя ТАК называли, когда ты в школе работал?» А Артис («Король») даже поучаствовал с нами в разговоре о гомосексуалистах. Я уже и не помню, возможно, этот разговор и начался с его фразы: «Я, кстати, пойду на парад, который скоро будет!» «Ты... пойдешь на парад пидаров?» — спросил Аури-

мас. «Ну да, я пойду на парад пидаров. А что?». «А почему?» «Ну, понимаешь, я вообще за свободу, за то, чтобы люди делали все, что хотели». Наши аргументы вызвали у него отвращение, и он величественно встал, тем самым положив конец нашему спору. В этот момент я почувствовал себя ретроградом — до высот Артиса нам всем еще было далеко...

Мы все встали, чтобы пойти на psy-сцену, где в эту последнюю ночь на понедельник предполагалось главное действие. Напоследок Король сказал: «*Да вы хоть понимаете, что сегодня — лучшая ночь?..*» Мы пошли разжигать костер у psy-сцены. Эту ответственную задачу поручили мне. Дрова были очень влажные, ни у кого не было с собой бумаги, вся валяющаяся вокруг высушенная трава тоже была мокрой. Так что пришлось повозиться. К процессу разжигания костра активно подключился Витянис, младший брат Аури-маса. В итоге у нас получилось разжечь небольшой очаг и в течение следующего получаса мы сушили в нем дрова. Потом все это вспыхнуло и пошло как по маслу. Стало немного веселей. Затем к нам подключились и многие незнакомые люди. Но я снова был слишком замкнут на себе, меня это все вскоре утомило, и я ушел, а через час вернулся, так как в пятый раз за день потерял футляр с травой. Я нашел его рядом с костром. Там сидел тот самый бородатый русский чувак, который хотел ко мне обратиться в самом начале, но, видимо, счел свой английский недостаточно хорошим для этого. И вот я спрашиваю у него по-русски, не видел ли он тут черный футляр для очков, и он протягивает мне сигареты со словами (что бы вы подумали?): «Cigarette? You wanna cigarette?» Он даже не понял, что я обратился к нему по-русски, или не услышал.

Или другой вариант — он тоже, как и я, уже прикидывался для русских иностранцем... Видно было, что он хорошо кайфовал в тот момент... Футляр оказался прямо рядом с ним. Трава была на месте. Черт, я действительно успел полюбить наш лагерь и большинство его членов за это время,

хотя все мы достойны любви одинаково, я это понимаю. Тот вечер мы сидели в тишине и мне уже больше ничего не хотелось. Организм требовал длительной реабилитации. Я попивал водичку и курил косяки, которые из нашей с Солдатом травы для всех крутил Вошкис. В один момент я сделал ему замечание, чего, мол, Вошкис, ты делаешь по пять затяжек, косяк надо передавать быстрее, многим даже по разу не достается, на что Вошкис огрызнулся, сказав, что мои две затяжки больше его пяти. Я не стал с ним спорить, как не стал напоминать ему и о том, что вообще-то это моя трава. Но тут вмешался Ауримас, сказав, что кому-кому, а Владу тут никто претензий предъявлять не может... «Тем более Вошкис», — добавил я. Ауримас вообще меня неоднократно выручал в подобных ситуациях. Вот и еще один пример: вскоре к нам зашла незнакомая девушка, спрашивая, как пройти туда-то и туда-то. Мы все были под наркотой, и я еле выговорил, что, мол, «как-то ведь вы сюда добрались? Значит, и туда доберетесь!» Это прозвучало несколько грубовато; я не хотел этого, но не знал, что добавить, чтобы исправиться. Ситуацию, опять же, спас Ауримас: «Почему бы вам опять не воспользоваться своими супер-способностями?» — сказал он.

Уже поздно ночью Бенас и Эдвардас привели к нам в лагерь трех русских баб из Висагинаса. Бенас был в восторге от своего русского, который, по его словам, позволил привести их сюда. «Я находил такие слова, какие никогда раньше бы не нашел! Ха-ха-ха-ха!» Все три девчонки были под колесами. Я сразу для себя решил, что в таком состоянии у меня ничего не получится. Так что я никак не реагировал на обнимания одной из них (даже несмотря на то, что она была из них самая симпатичная). Так что явная возможность была упущена, это надо признать. В итоге она пошла спать в палатку к Бенасу, который наутро рассказал всем о том, как он ее полночи трахал, пока она не сказала: «Все, хватит...» (Потом, после Яги, подозрительный и недоверчи-

вый Солдат, переговорив с ней (которая утверждала обратное), надавил на Бенаса и тот слово за слово признался в том, что он ее не трахал, повеселив тем самым всю нашу компанию, включая и меня, чего уж там скрывать. Никакие дальнейшие оправдания Бенаса никто не стал слушать.)

Утром понедельника, складывая вещи, мы познакомились еще с тремя девчонками — на этот раз литовками, которым нужно было как-то добраться до своих городов. Мы быстро нашли им места — всем трем. Они загадывали нам загадки, и я разгадал две из трех. Третью не разгадал никто. Было приятно, что я доминировал в игре. Напоследок я и Ауримас искупались в озере. Конечно, жаль было покидать это волшебное место. Но атмосфера сборов уже витала по всей территории. Музыка уже не играла, сцены активно сворачивали...

С одной из тех девчонок мы с Солдатом, Ауримасом и его братом Витянисом возвращались обратно... Да, в общем, мы попрощались со всеми и поехали, а поехали мы в сторону моря, и дул свежий попутный ветер... Большую часть пути Ауримас мчался со скоростью за 160 км/ч, Солдат не вымолвил ни слова, а взятая нами девочка щебетала, щебетала, щебетала... *«Знаете, в последнюю ночь я так наелась колес, что мне показалось, что я — ангел, рассеивающий вокруг себя добро! Я махала руками и танцевала, кружась, в своем белом платье, и это было так здорово, так здорово!»*

Вскоре я немного заболел, прокашляв все оставшиеся дни лета. Сбросил 7 килограммов, что, впрочем, неудивительно. Солдат уехал в Вильнюс сразу же после возвращения в Клайпеду, а потом — в Лондон. Через пару дней он написал, что сказал жене, что больше ее не любит, и отправил ее вместе с детьми обратно в Литву. «Меня достали ее отсутствие социальных навыков, ее трудное детство и ее посто-

янное сидение за телефоном за какой-то игрушкой!» — писал он мне. И добавил: «Я ей завидую, если честно. Нехуй в этой Англии делать». Теперь Солдат, по его словам, готовится к следующему фестивалю, который пройдет где-то в Германии в середине сентября. Или октября... В общем, дай Бог ему здоровья. Может, мы увидимся с ним на новый год. Но на следующей Яге, если даст Бог, — так наверняка.

Все постепенно стихает, все возвращаются к обычной жизни. Вошкиса на днях жестоко отпиздили... бедный Вошкис... куда его завела его трусость и лживость... Джеймс на своей страничке в фейсбуке написал, что особо благодарит он, в частности, Бенаса, я так понял, за прекрасную ночь под мдма, который я отдал Бенасу тогда ночью. Меня он даже не упомянул, и я этому был рад. Хорошо, когда люди, которые тебе не нравятся, не держат тебя за своего. Ему все было мало. Он хотел еще и еще. Даже когда, кроме белков, в его глазах ничего уже не было видно, он все равно, слегка оправившись, говорил, что его не прет. От Роберта ничего не слышно, и, по-моему, на следующий год он уже не придет — на то, на что хватает его воображения, не хватает его здоровья... Да... все разъехались кто куда — шаман (я уважительно пожал ему руку напоследок) и Шаманша уехали в Кяльме, Ауримас и Витянис — в Гамбург, Эдгарас — куда-то в Финляндию... Вошкис, Бенас и Лаймис живут от меня неподалеку. Но регулярно встречаюсь я только с Лаймисом... Который, впрочем, после Яги уступил и стал продавать мне 11 за 100, а не 10, как раньше... (что продолжалось, пока я не перевзвесил и не обнаружил, что там те же 10).

Все постепенно сглаживается, время берет свое, чат нашей группы тоже уже сбавляет обороты, и вот я, коротая отпущенное мне время, решил записать все это себе на память... Дело было не в наркотиках (никогда не употребляйте их). Хотя и в них, конечно, тоже. Дело было в том, как щедра к нам жизнь, и в том, что иные люди за одну-две ночи из подростков превращались в совсем взрослых, а другие —

наоборот, из взрослых превращались в детей. И тот, кто искал, находил, и тому, кто стучался, всегда открывали дверь.

YAGA NIGHTS

*Рассказ о том, как я увидел фестиваль в лесу
в истинном свете.*

*Some are born to sweet delight
Some are born to endless night.
(c) W.B.*

В следующем году состоится радостное для Артиса и Моника («Короля» и «Королевы») событие. Они поедут на Ягу в десятый, юбилейный раз. То место в лесу, которое они традиционно застраивают и обставляют под лагерь, а потом украшают, в следующем году они превратят в публичную инсталляцию, а сами поселятся где-нибудь поблизости. Общей кухни больше не будет, как в этом году. Надо сказать, что и в прошлом году общей кухни не было. То есть это была чисто моя инициатива. Но она не прижилась. Может, я даже в чем-то поспособствовал такому их решению...

За год периодического общения я собрал кое-какую информацию об этой необыкновенной паре. Необыкновенной — с одной стороны, но во многом очень типичной — с другой. Артис и Моника выросли в разных городах. Она в Паневежисе, он в Клайпеде. Как-то виделись в общей компании, запомнились друг другу. Он ее целенаправленно искал. Она рассматривала его фотографии. Потом они снова встретились... и он поступил в ее школу. С тех пор неразлучны. В 18 лет поженились, и не просто, а по *индийским традициям*. Она показывала мне фотографии...

Сейчас им по 28. Оба щуплые, она немного выше его. Живут с его мамой и бабушкой. Их быт мне узнать не довелось, поскольку Моника сразу же четко мне заявила, что к ним нельзя. Перебиваются на пособиях, иногда получают какие-то небольшие заработки. Раньше ходили к кришнаитам. Там и подсели на вегетарианство. Вообще у них долгий путь поисков, который завершился на Яге. И этот путь, начавшийся в момент, когда они поняли, что слишком часто ссорятся под алкоголем, привел их к кислоте, грибам, траве, вегетарианству, кришнаизму... Они четко разграничивают — трава, кислота и грибы — это хорошо, а мдма, алкоголь, кокаин, кетамин и все такое прочее — это плохо.

Есть в них что-то такое детское, наивное, доброе, милое... Ауримас называет их «детьми цветов». Я про себя называл их «Питером Пенем и его феей». Сходство действительно есть — из известных мне друзей Артиса все были какие-то безвольные перезрелые мальчики, не желающие принимать ответственность за свою жизнь. Но Артис среди них был единственным настолько идеалистически настроенным. Избалованный с детства, он ни дня нигде не работал, никогда не занимался спортом. А она — его фея, во всем поддерживающая его... Во всем ли?

Все это меня поначалу умиляло, потом начало раздражать и, может, даже где-то возмущать и удручать... Но я, конечно, старался гнать от себя любые дурные чувства.

Возможно, свою лепту внесла в его развитие его мать, познакомиться с которой мне не довелось. Но мне известно, что его отец оставил их еще в его раннем детстве и проживает в другой стране. Возможно, поэтому у него была какая-то патологическая потребность вписываться в разные сомнительные секты (включая Ягу) и наполняться их духовно вредными идеями, выдаваемыми за нечто благородное... Да-да! Я там был дважды и все понял!

Я думал (мне же позволено думать) — десять лет брака без детей, что это за брак такой? По моей теории, если жен-

щина относится к мужчине, как к сыну, то она не очень-то захочет от него детей в долгосрочной перспективе. Однажды я не выдержал и спросил у них об этом напрямую. Сначала у него. Потом у нее. По отдельности. Он ответил что-то вроде: «Когда-нибудь, да...» Мне этого ответа показалось мало, и я настаивал: «Почему сейчас не хочешь?» «Я хотел бы хотеть...» — был ответ. Она ответила, что детей они планируют в ближайшие два года, но взгляд у нее при этом был какой-то растерянный.

Однажды, увидев, как небрежно он бросил свою собаку на асфальт, я полушутя сказал: «Ого! Ты и ребенка своего так будешь бросать?» Он захихикал, она сказала: «Теперь еще минимум десять лет рожать не буду!». Она прозвучала неубедительно, так как, судя по всему, его такой вариант вполне устроил бы, а вот ее — вряд ли.

Несмотря на то, что телефон у них один на двоих, и его постоянным хранителем является Артис (со стороны Моника это добровольное «заточение»), я всегда точно знал, с кем переписывался... Однажды в переписке Моника рассказала про советский мультфильм, который запал ей в душу с самого детства... В нем рассказывалась история про самку пингвина, которая приняла камень за яйцо и не хотела с ним расставаться. В итоге этот камень потянул ее на дно, куда она героически и ушла... Моника долго плакала тогда в детстве...

Я, конечно, ничего не хочу сказать, но меня потрясла эта история, ведь я не мог не усмотреть в этом символ всей ее жизни. Но понимает ли она это сама? Ведь она во многом разделяет всю эту хиппи-философию... Понимает ли она, что она мне тогда рассказала?.. Или это просто мои фантазии?..

Но все течет, все меняется... В этом году они начали ходить на скалолазание. А в следующем году, как я и говорил, собираются вместо лагеря сделать инсталляцию.... Гляди и до ребенка доберутся!.. Я бы хотел в это верить... Может,

мне даже доведется в этом сыграть не последнюю роль? В наставлении их на путь истинный! Потом назовут своего сына Владасом... Шучу-шучу. Уж что-что, а это вряд ли прозойдет.

Не знаю, что на меня нашло, может, мои собственные проблемы в моей личной жизни так проявляются, по крайней мере эта моя горячность несколько подозрительна. Но в чем-то они мне были симпатичны, и весь год я, как какой-нибудь толстовец, пытался втолковать им, что надо им забыть о Яге. Обо всех этих вредных идеях. Забыть обо всем этом и заняться делом. Я понимаю, что они чертовски напуваны и совершенно не приспособлены к серьезной работе, но надо, надо ж начинать когда-нибудь! Дальше будет только хуже.

Они говорили, что уже начали. Что учатся программированию. Самостоятельно. Что учатся и когда-нибудь научатся...

«А по поводу Яги, так все только начинается, дружище... Ты же знаешь, Влад, как переводится Яга? — говорил Артис оживленно. — *Это самопожертвование! Самопожертвование...*»

Иногда я подкидывал им работу... Моника редактировала мои переводы на литовский. Не очень хорошо, но она старалась и со временем у нее стало получаться лучше. Артур мою просьбу поставить proofread литовского мне в word так и не смог исполнить. Потратил полчаса, но так и не смог. Так что я потом сам разобрался... Деньги за работу Моника я давал в руки ему, а не ей. На этом настояла Моника.

Когда я купил бонг, они, будучи в гостях, курили через другую трубочку, запасную, так как основная трубочка была осквернена табаком. Можно сказать, они отжали одну из моих двух трубочек, ведь я не чувствовал себя вправе курить через то, через что курили они, так как им бы это не понравилось. Увидев, что я не пользуюсь гриндером, Ар-

тис предложил принести свой. Я согласился. Мне показалось трогательным, что он хочет мне выразить таким образом свою благодарность за гостеприимство. Уж в курении травки-то он точно профессионал... Три раза он забывал (вновь сталкиваясь у меня дома с необходимостью мельчить вручную, он сам сокрушенно вспоминал о своем обещании), и только когда я сам купил гриндер (больше для него, чем для себя), он принес свой лишний, один из них. Который забрал обратно.

Они заходили ко мне периодически и иногда приводили с собой Вошкиса или еще одного долбоеба — Лауриса, который не упоминался в предыдущей части моих исследовательских записок. Я угощал всех покурить, а для Моники даже специально покупал бананы, зная, что это ее любимый фрукт... И наблюдал за тем, как она их ест...

По-вашему, это странно с моей стороны — впускать к себе в дом *настолько* сомнительных личностей и еще и *обслуживать* их? Полностью согласен с вами. Но что с меня взять... люблю я *покопаться* в душах других людей (и в своей тоже) ... Мой научный интерес заключался в том, чтобы докопаться до сути... До сути Моники. Еще несколько лет назад братья Раманаускэй просто порубили бы Артиса топором на маленькие кусочки, да и ее, пожалуй, впридачу тоже. А сейчас — нет, с убийствами я завязал, я стараюсь быть добрым и терпеливым! К тому же наши встречи случались не чаще раза в две-три недели. В первое время я мог это выдерживать...

Ведь главное тут — идеи. Идеи. Которыми наполнен Артис. К женщинам у меня другие критерии, с ней я вообще не спорил. (Впрочем, не спорю я не со всеми женщинами.) А с ним я спорил каждый раз. И я думаю, все, чего я достиг за год, это сомнительной репутации. А ведь преследовал-то я самые благородные цели! Я просто хотел помочь... открыть глаза... но это совершенно пустое занятие. Может

быть, еще более пустое, чем то, чем занимаются они, каким бы благородным это на первый взгляд ни казалось.

Весь спектр модных современных идей и заблуждений — все это было в Артисе. Начиная с равенства полов, движения BLM, прав геев, демократии, трансгендеров, и заканчивая политикой СССР, России да вообще почти всех других стран за пределами его культурных рамок. Грета Турнберг, глобальное потепление, права животных, да буквально все. Я терпеть не могу политику и говорить о ней, но мы часами, бывало, спорили с ним о феминизме... христианстве... Путине... черт, я бы не то, что не спорил, я бы вообще с ним не встречался, если бы не она. Но примечательно, что и она меня не интересовала сама по себе. Ну, может, я ее и трахнул бы, но первичным моим научным интересом все-таки были они как пара... А точнее этот психологический феномен... В конце концов, сложно представить себе их по отдельности.

Я был довольно эксцентричен в своих аргументах. Играл на контрасте. Провоцировал, называя его поклонником идолов с маской добра. Я уверен, что идеи неотделимы от нас самих. И от нашей жизни. И я думаю, что именно они мешают ему.... Хотя сам он так не считает, конечно... Но разве можно представить себе Питера Пена с другими убеждениями? Нет, Питер Пен всегда будет именно Питером Пеном. Питер Пен покупает бумажные пакеты вместо пластиковых, выступает против использования нелегальных компьютерных программ — и бледнеет, когда я рассказываю про то, как фонтан сквирта одной бабы недавно чуть не попал мне прямо в глаз.

Помню, как-то он сказал что-то вроде: «Мечтаю о костюме на Ягу! С большим таким воротником!» Костюм! Этот человек мечтает не о детях, а о костюме! Может, это его единственное настоящее желание — надеть костюм, чтобы не было видно его наготы? (Он не раз говорил, что считает себя продвинутым в сфере компьютерной безопасности

и что все его переписки зашифрованы и защищены сложными паролями и все такое прочее. То есть здесь, возможно, проявляется тот же страх, быть разоблаченным).

Мне-то, конечно, все время хотелось доказать Королю, что он голый, или сбрить его дреды, как д'Артаньян побрил осведомителя Кардинала. И когда я подбирался очень близко к сути, он это просто игнорировал. И прятался за юбку Моники, в которой мои выпады, как мне казалось, поначалу даже вызывали некий интерес. Это был запрещенный прием. Когда он был у юбки Моники, я ничего не мог поделать!

Нет, ну конечно из них двоих она выше его. Ответственнее, что ли. Это чувствуется сразу же. Я помню ее жесткое *«АРТИС СЕЙЧАС РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ»*, когда я, зевнув, перебил его словами *«Посмотрите, КАКОЕ ЗАЕБИТЬ МАСЛО я купил вчера! ЭКОЛОГИЧНОЕ!»*. Да, она была способна его защитить...

Помню, как при очередной посиделовке у меня дома я столкнулся с Моникой в коридоре... Я извинился за то, что грязно (было почти чисто). И она смотря мне в глаза сказала: *«Если бы я тут жила, тут все было бы по-другому...»*

Это было в день, когда он бросил с рук свою собаку... В день, когда он настоял, чтобы мы заехали, взяли его инфантильного друга Лауриса и накурили его (за мой счет) ... В день, когда я просто не знал, как их выгнать из дома, и в гневе ушел в другую комнату работать. Около получаса они сидели на кухне и почти не разговаривали. Я слышал, голосов почти не было. То есть они просто сидели все время и молчали. Преисполнялись чем-то. Заработав около 20—25 евро за полчаса (то есть буквально отработав план, скуренный нами за вечер), я зашел на кухню и спросил, о чем каждый из них думает в данную секунду. Я не получил совершенно никаких вразумительных ответов. Про то, о чем думаю я, никто не спросил. А колкий ответ вертелся у меня на языке! Ох как вертелся!

После этой фразы Моники я решил прекратить такое близкое общение с ними. Мне показалось, я в своих «науч-

ных» исследованиях зашел слишком далеко... Что ситуация выходит из-под контроля... Это было просто. Мы ехали с моря домой, я был за рулем. Всем хотелось курить. «Давай сейчас к тебе заедем, Влад», — сказал Артис. «Нет», — сказал я. Пауза. «Почему?». «Ну так все. Земля совершила еще один оборот вокруг солнца! Дни становятся длиннее... Теперь надо встречаться ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО в... gamtos... черт... как же это пол-литовски? В gamtos чем?

— Prieglobstyje... — тихо сказала Моника.

— Точно! Gamtos prieglobstyje... В Храме Природы! Спасибо, Моника!

Повисла напряженная пауза и с тех пор это напряжение в наших отношениях никуда не делось...

При прощании Артис был как в воду опущенный, а Моника смущалась моего прямого взгляда, но при этом, почему-то, как мне показалось, счастливо улыбалась... С тех пор мы начали встречаться намного реже. Но связь поддерживали. Все-таки я тоже весь год ждал Ягу...

Давайте вспомним и о других участниках прошлогодней Яги. Например, о Солдате. Перечитываю прошлогоднюю тему и поражаюсь своей наивности... Солдат не вернул денег ни мне, ни Эдгарасу, у которого тоже одолжил нормальную сумму. А потом еще выяснилось, что еще тысячу евро он должен с позапрошлогодней Яги некоему Вилюсу. Я не знаю, кто такой Вилюс, но судя по всему, Солдат и поехал-то на ту вторую для себя Ягу, только потому что не поехал этот Вилюс. Ложью было все, что он мне рассказывал, буквально все. Начиная с бесплатного кокса, который он привез и который я попробовал, слушая его первые истории про Ягу. И заканчивая тем, что он хотел развестись с женой, что выгонял ее в Литву (ничего подобного не имело места). Не всегда его мотивы были ясны, но Солдат оказался пато-

логическим лжецом. Очень убедительным. Настоящий чертов психопат! Я это понял поздно, но раньше других. И не поехал к нему в октябре в гости в Лондон. Поехали Бенас, Ауримас и Витянис, завлеченные его словами «Буду угощать по-королевски!» А ведь я предупреждал их! Предупреждал!

Ауримас мне потом позвонил и рассказал, что им пришлось покупать даже еду для его детей, и первое что он у них попросил, встретив их в аэропорту, — купить ему пару пачек сигарет. (Потом выяснилось, что сестра жены ему дала деньги на сигареты, но он их себе прикарманил). А фотография наркотиков, которую он прислал, завлекая пацанов, так это вообще не его наркотики были... Подобных деталей Аурис перечислил с десяток. Чертовский скользкий этот Солдат. Удивительно просто, насколько я до сих пор был наивен. Я стараюсь наивным не быть, но все равно им остаюсь — раз за разом.

После той их встречи Солдат совершенно пропал из виду, и о нем ничего не слышно, как и о Джеймсе и Роберте.

Когда ввели карантин, в первое время я чувствовал себя, как партизан во время Великой Отечественной Войны, выходя в магазин за хлебом и надев маску. Об этом я сообщил ребятам из прошлогодней группы «Веселых грибников», немного позабыв про наши культурные различия. И тут же получил ответ от Эдгараса, что партизаны в Литве появились только после Второй Мировой войны. Я уточнил, что имею ввиду советских партизан, а не лесных братьев. И получил просто поразительный в своей глупости ответ, что таковых не было. Я не то, чтобы за СССР там и все такое, но отрицать их существование это просто глупо. Но мне не поверили, сказав, что я жертва кремлевской пропаганды. Это было так, но и они, значит, тоже были жертвами. Только

другой пропаганды. Тут уж ничего не поделаешь. Потом Аурус нашел в интернете информацию о советских партизанах в Литве на английском. И заставил Эдгараса извиниться.

Этот случай очень типичен для него на самом деле. Он еще на первой моей Яге решил мне зачем-то сообщить, что он литовский патриот. «Влад, ты очень интересный человек, мне очень нравится с тобой общаться. И я просто хочу, чтоб ты знал. Я люблю Литву, я литовский патриот». Я не знал, как на это отреагировать, ведь я же никогда не восхвалял никакую Россию, мне вообще по большому счету насрать; я как русский человек, почти всю жизнь проживший в Литве, вообще думаю, что патриотизм — это для дураков, но я любезно ответил что-то вроде: «Кто знает, может, через тебя я тоже стану литовским патриотом?..» В фейсбуке он постоянно выкладывает свои политические инсайты. Любит изобличать людскую глупость! 5G одна из его любимых тем, как и антивакциноаторство, и Россия... Но вообще Эдгарас мне нравится. Он пашет на судоремонтном заводе форманом, весит под 120 кг, это такой здоровенный и добродушный кабан... И есть в нем что-то к себе располагающее. Хоть и Достоевского он никогда в жизни не прочитает. И я несколько не злюсь на его «европейское» самодовольство и подколки насчет того, что я «ватник». Я по-братски ждал с ним очередной встречи, то есть второй для себя Яги... За этот год мы с ним виделись дважды: совсем коротко — в Гамбурге, и часов 5—6 — в Клайпеде.

Про Бенаса надо рассказывать отдельно. После прошлой Яги он решил, что ему надо подкачаться. И он это сделал. За год набрал килограмм 15. По будням глотал стероиды и ходил в спортзал, по выходным — кокс, или грибы, или лсд, или колеса и ходил черт знает куда. Он называл это поддержанием баланса по жизни. Мы часто подкалывали его по этому поводу. А также за его любовь делать селфи. И его отращенную рыжую бороду, что все это на самом деле

неспроста... И частые походы в парикмахерскую... Но, если честно, мы все просто завидуем его молодости, здоровью и наглости. Пока что все это еще хлещет у него через край.

Осенью он попался полиции с метаном. Но они-то не знали, что это метан, а на слово они Бенасу, конечно, не поверили. Потом в крови его обнаружили 12 разных видов наркотических веществ. Он соврал, что был в Амстердаме и там, мол, это не запрещено... Да и метан тут не считается наркотиком. Я читал протокол... Я перевел множество подобных документов в своей переводческой практике, но этот пока что был самым смешным.

С ним у нас сформировалось некоторое взаимное уважение, построенное на обоюдном признании базовых принципов жизни. Рос он без отца, а недавно вообще остался сиротой... Бенас работает в порту и тратит немалое количество денег на обслуживание своей дорогой тачки. И это еще одна тема для его подколов.

К Ауримасу и Витянису я съездил в Гамбург еще до карантина, в феврале (ходили на концерт *Infected Mushroom*), где я коротко и пересекся с Эдгарасом, который в то время работал в Германии, а к нам приехал за травой. Ауримас и Витянис живут там уже около четырех лет — вдвоем с двумя котами...

Время неумолимо идет вперед, чем бы мы ни занимались. Прошел еще один год.

В этот, второй раз, я решил ехать еще на два дня раньше, чем в прошлом. Предварительно купил стол, надувной матрас в палатку. Прихватил печку. Множество продуктов. Предупредил клиентов, что у меня отпуск. Перед моим выездом Артис попросил, чтоб я взял батарейки и тент 2 на 3 (Артис

и Моника к тому моменту уже давно находились в лесу Яги). Все это, а также все вещи с прошлого года я поместил в багажник своей красной Пежо 2003 года. И, заправив полный бак, отправился в путь...

У меня было отличное настроение. Я проезжал леса и поля, луга и реки, и солнце заливало все это своим зрелым светом, и в машине на всю катушку работал кондиционер. Проезжая, я видел, как пасутся коровы... Дважды видел, как комбайны молотят зерно, и это было какое-то завораживающее зрелище... Впрочем, мне было не до этого, ведь я был за рулем... Начало августа... Всегда любил это время... Время собирать урожай...

В какой-то момент мне захотелось смачно пернуть... В результате по неосторожности я оказался весь в дерьме. Включил аварийку, остановил машину, нашел мокрые салфетки, привел себя в порядок... «Кому-то достается все, а кто-то сидит весь в дерьме, стоит ему только пернуть», — резюмировал я и продолжил свой путь... С трусами мне пришлось расстаться... Их я оставил у обочины... Еще и без трусов остался... Но этот маленький казус все равно мне показался хорошим знаком — как и комбайны.

Яга всегда проводится в одном и том же месте — туристическом кемпинге Ežeraičio miškas. Когда я подъехал (а это было в воскресенье после обеда, то есть за четыре дня до начала фестиваля), внизу работало несколько добровольцев. Стояло несколько припаркованных автомобилей. Никто на меня не обращал внимания. Я поднялся наверх, по тропинке. Прошелся, и вскоре меня окликнул Артис, сказавший, что увидел меня издали, как человека, у которого слишком чистая одежда.

Он помог мне донести вещи... Наш лагерь по традиции находился в том же самом месте. Но этот раз он имел

большую территорию — несмотря на то, что участников предполагалось в этом году вдвое меньше. Уже висела большая часть тентов, уже были поставлены изгороди и укреплен второй этаж на деревьях рядом с перекрашенным столом (рисунок на столе в этом году был другим). Они находились здесь уже неделю, а уехали из дома уже более трех недель тому назад (по очереди посетив фестивали Rainbow Gathering, Pirates и теперь, вот, Yaga). «Яга — это кульминация нашего ежегодного путешествия!» — говорил Артис.

Надо сказать, что с каждым годом их путешествие в лес становится дольше на несколько дней; каждый год ставится новый рекорд пребывания в лесу. Их уже в шутку давно называют тут «Местная лесная пара». Судя по последнему году, через месяц после Яги у Моники наступает депрессия, которая начинает проходить ближе к лету... Всю зиму они живут планами и мечтами о следующей Яге... (Думаю, они бы согласились с последним утверждением. И даже беззаботно засмеялись бы на этом месте).

Свою палатку я наспех поставил в левом верхнем углу лагеря (метрах в 8—9 м от их палаток (складской и жилой)). Разложил стол, продукты, надул матрас. Открыл бутылку виски. Закурил. Затопил печку и пожарил куриную грудку. Лучи заходящего солнца в тихом спокойном лесу... Подозрительно спокойном, я бы даже сказал... «Где пение птиц? — осенило меня. Это действительно было странно. Наверное, среди них об этом месте ходит дурная слава... Ведь здесь слишком часто появляются опасные человеческие твари... Я попросил Монику, чтобы она обратила мое внимание, если услышит птиц, и я буду рядом. Она, улыбаясь, пообещала.

Смеркалось. Я сидел на бревне у костра, курил, пил вискарь (вискарь с собой в лес я взял предостаточно), когда появился... ВИТАС. Этот персонаж заслуживает отдель-

ного упоминания. Он мне запомнился еще с прошлого года — как такой в целом неприятный человек, но в моих записях до этого момента он отсутствовал. Блондин с голубыми глазами, но что-то в нем было надломленное и злое. Весь год он в общий чат скидывал всяких драконов, баб с мечами и т. д. и говорил никому непонятными метафорами. Весь год с ним происходили всякие словесные стычки. Но он был неубиваем. Да и все привыкли к нему давно. Кто не знает Витаса, добровольца? Точно установить так и не удалось, но вроде как он работает сварщиком в Норвегии. И часто ест грибы, лсд. И пребывает в некоем энтузиазме по этому поводу. Иногда мне казалось, что он психопат, — ни разу он не продемонстрировал эмпатию. Или она всегда была какая-то искусственная. Эти сердечки в общем чате Яги и все такое прочее. Но со временем и я к нему привык. Артис и Моника поначалу говорили, что они его боятся, что он им неприятен, но потом съездили к нему на дачу, потусовались там или, как они говорят, «попытались словить хороший вайб...» И он им стал как родной.

— Что, Влад, — сказал он, — ты тоже добровольцем?

— Нет, я гость добровольцев...

— А-а.

Пауза.

— А ты чего Бенасу предложил только один маленький гриб? Он злой на тебя! — сказал я, надеясь по приезду Бенаса стать свидетелем их разборок. (Намекая на недавний случай, когда Бенас проделал сколько-то десятков километров, в надежде, что у Витаса есть грибы, и по договоренности с ним, а Витас дал ему один маленький грибок со словами «Тебе хватит...» «Я СТОЯЛ КРАСНЫЙ, КАК РАК, — кричал Бенас, — ЕСЛИ БЫ ОН НЕ БЫЛ ХИППИ, Я БЫ ЕГО ТАМ ПОЛОЖИЛ НА МЕСТЕ ПРЯМЫМ В ЧЕЛЮСТЬ». На вопрос, почему, собственно, у хиппи есть иммунитет от пиздюлей, Бенас не нашелся, что ответить.)

Витас выдал свою версию произошедшего, но она меня на самом деле не интересовала, и я слушал без внимания.

— Хотел бы, Влад, чтобы Яга продолжалась вечно? — спросил он.

— Ну, это просто фестиваль, — сказал я. — Так-то по жизни у меня и другие цели есть.

— А есть цель, связанная именно с Ягой?

— Есть-есть, — отмахнулся я.

Витас рассмеялся.

— А ты один приехал? — спросил я.

— Нет, я с восходом солнца! — сказал он.

— То есть один? — хмуро сказал я. — Или подожди... — меня осенило. — Саулетекис — это имя? Это не просто восход солнца, это еще и имя?

— Ну да... — ответил он и что-то еще добавил.

Черт. Может, я реально бываю к нему несправедлив. Ведь может же. Когда хочет. Вести нормальный диалог. Безо всяких этих «13 манифестаций люцифера», «4 глаза Соломона» и так далее и тому подобное. Но Витаса хватило ненадолго. Уже около источника, куда мы вчетвером решили пойти наполнить канистру, он вновь перешел на только ему одному понятные метафоры. Это было примерно так (конечно, я не могу в точности воспроизвести эти метафоры, они были слишком индивидуальными и уникальными):

— Двенадцать обезьян Лотоса уже начали свой путь...

— Что? Витас! Блядь! Что ты сказал?

— Только то, что рассветы уже никогда не станут закатами.

— Нет, ты сказал про двенадцать обезьян лотоса. Что ты имел в виду?

— Их уже четырнадцать.

Я снова повелся на эту удочку и был в положении дурака. Но я уже завелся. Я сказал.

— Витас, речь надо стараться вести так, чтобы тебя поняли...

— Ты все правильно говоришь, — сказал он, — но когда ты говоришь это, ты склоняешь голову набок и это образует золотое сечение с лучами заката... это единственный дефект твоих слов!

— Иди-ка ты нахуй, Витас!

Витас не обиделся, зато Артис и Моника запротестовали.

— Влад, на Яге должен быть *только позитивный вайб!* Здесь никто не ругается матом и никого не посылает!

— Блядь, да пиздец нахуй, я без мата ни хуя не умею. Ни говорить, ни писать, ни думать, — сказал я, и это сошло за шутку.

И мы пошли обратно, я с полной канистрой, Витас и они, несколько успокоенные тем, что «конфликт» вроде исчерпался. Чтобы успокоить их окончательно, по возвращению в лагерь, я предложил Витасу грейпфрут. Он принял. Я сел на бревно. Выпил. Покурил, посмотрел на костер. Витас съел грейпфрут... К нам присоединился еще один парень. Мне было невыносимо грустно от того, что в раю не кроют матом. Я сидел, пил пиво, пил вискарь и курил. Моника пару раз спросила меня, все ли в порядке... Я ответил, что да. «Наверное, это город из тебя так выходит», — прокомментировала она мой перепад настроения.

— А что там, Влад, случилось между тобой и Лаурисом? — спросил Артис. (Лаурис — это его лучший друг со школьной скамьи, тоже проживающий с мамой, которого он иногда приводил ко мне домой).

— Да ничего.

— Вошкис рассказывал, что ты с ним очень жестко обошелся...

— Да не, просто отказал ему в «помощи» позавчера...

Пауза.

— Он счел, что раз он мне «помог» разок с покурить, то и я обязан. А ведь он себе помог, а не мне. У него не было денег, я поделился с ним... Он мне вообще не нравится... Блядь, сiju в лесу, а ты мне предъявляешь претензии, осно-

ываясь на словах Вошкиса, который вообще тут в хуй не впился! Ты мне предъяви что-нибудь РЕАЛЬНОЕ!

Артис рассмеялся.

— Да нет, я не предъявляю претензии... А почему он тебе не нравится?

— Идеи! — говорил я. — Его идеи! Детский сад! Он, например, считает, что появишься в его жизни баба, все изменится! Он мне сам об этом сказал! Но это не так! Баба только усугубит его проблемы!

Все рассмеялись. Но не смеха я добивался! Я ведь как бы говорил Артису о нем же самом, но в третьем лице.

— Мальчика надо вообще с детства в огонь бросать, — продолжал я. — как спартанцы. Дать ему руки ноги себе переломать... А не так...

Пауза.

— Я понимаю, не все мальчики выживут... — настаивал я. — Но если кто-то не выживает, знаешь что? — обратился я к Артису.

— Что?

— Да и похуй...

— Ну нет. Так нельзя! — воскликнул он, улыбаясь, как Иисусик. — Надо помогать....

Я открыл бутылочку пива и пошел поссать. Я уже был порядочно пьян. Вернулся. Присел на бревно, рядом с Моникой. Солнце почти зашло. Костер горел хорошо.

— Хорошо же вот так, жить в лесу, а, Влад? — спросила Моника, прекратив играть на трещотке.

— Хорошо... Но ты же понимаешь, что это не может продолжаться вечно... — сказал я.

— Почему? Так или почти так можно жить всю жизнь... Мы с Артисом уже живем так три недели... Ходим за водой... Готовим пищу...

— Ну вам, может, и можно так. А мне нет....

Витас рассмеялся.

— Почему тебе нет? — спросила она.

— Ну потому что мне надо работать.

Пауза. К нам присоединился еще кто-то. Вокруг Моники одновременно столпилось человек пять.

— Столько мужчин вокруг тебя, Моника! — сказал тут Витас. — Ты только посмотри вокруг! есть кому тебя защитить!

— Мне не надо много мужчин, мне хватает одного единственного, моего мужа, — ответила она. Артис улыбнулся.

Кто-то включил какую-то фоновую музыку. Застучал барабан. Моника снова затрещала трещоткой... Через несколько минут Витас пустился в пляс. Начал выделять всякие свои фирменные движения в опасной близости от костра... При чем все начали расходиться, не один он. Я глотнул еще виски из бутылки... Это было настоящее представление! Чистая импровизация... Внезапно ощутив волну восторга, я закричал:

— Что это тут такое, блядь, началось?! Заебись!

Все засмеялись... Конечно, вскоре после моих слов импровизация прекратилась. Любые попытки повторить были бы искусственными...

Все постепенно разошлись... Так и прошел первый вечер в лесу... Я еще спустился к роднику перед сном... По пути встретил Артиса с Моникой и обратно мы возвращались уже вместе... Когда мы вернулись, костер уже почти погас. Я лег на свой матрас и укрылся пледом... По моим пяткам ползали муравьи, на руки садились комары, но их интерес ко мне был естествен, и в принципе это было терпимо. Я лежал на мягком матрасе и смотрел в звездное небо и не заметил, как вскоре погрузился в сон.

Утром на следующий день Артис положил две доски в основание привезенного мной стола, и мы аккуратно сло-

жили туда продукты. Сбоку я положил свои консервы, и Артис сделал мне по этому поводу замечание. «Влад, убери, если тебе несложно, консервы к себе в палатку, чтобы они не портили общий вид». Я убрал. Интересно, что бы он сказал, если бы я попросил о том же в отношении их какой-нибудь сои или там, морковок, хрен его знает, чем там питаются вегетарианцы (не всматривался)?

Возможно, почувствовав, что в связи с такой просьбой я испытал легкое моральное унижение, он решил поправить мою небрежно установленную палатку. Хотя, наверное, установленная впопыхах, она тоже портила общий вид — как и консервы. Я говорил, мол, не надо, я сам потом поправлю ее, когда придет время, но Артис не отступал. В конце концов, я не сильно сопротивлялся.

— Как, кстати, спалось? — спросил он. — Ты слышал свист ночью?

— Слышал... Но он мне не показался опасным. Я подумал, это какой-то долбоеб свистит.

— Так и было... — усмехнулся он. — Он еще духов вызывал... До нас доносились обрывки его фраз: «Приди, приди...» «Я не хочу жить». И так далее...

Я не придавал этому значения, сходил до речки, искупнулся, вернулся, уселся на стул. Приготовил себе яичницу с картошкой. Поел. Заварил чай. Скрутил себе папироску.

И тут я со спины услышал:

— *Не угостите ли табачком?*

Артис:

— Это не ко мне, я не курю.

— Я угощу, — сказал я, не оборачиваясь.

Ко мне подошел парень лет двадцати двух. Золотистые волосы. Голубые глаза. Неприятный такой парень. Я угостил его табаком. (Я заранее решил, что на Яге я буду покуривать табак).

— Не против, если я здесь и скручу? — сказал он.

— Пожалуйста, — сказал я.

— Влад, — послышался голос Артиса, — мы пойдем с Моникой на обед... (Все добровольцы получали бесплатные обеды).

— Хорошо, — сказал я.

Гость медленно скрутил себе косячок. Он все делал медленно и подчеркнуто аккуратно. Это приковывало взгляд и вызывало отвращение.

— Мне удалось, — сказал он, облизывая косяк, — вчера мне удалось... призвать ЕГО...

Пауза.

— А, так это ты свистел ночью?! — догадался я.

— Прошу меня простить, если потревожил ваш покой, — он самодовольно ухмыльнулся. — Но свист помогает привлечь духов...

— Это был ты... я это на самом деле сразу понял...

Пауза.

— Я могу уйти, если я вам мешаю...

— Нет, расскажи-ка мне про этого духа, — сказал я. — Как ты его вызываешь и зачем.

— Тогда я тут и покурю, если можно. И если интересно, я могу рассказать... Это долгая история...

— Можно, — я протянул ему зажигалку.

Он прижег. Он был слишком медленным, поэтому я все время не мог не поторапливать его вопросами.

— Ну так что за дух?

— Дух? Дух костра... Костра... Я сидел у костра... И через пламя постигал дух тьмы и огня в костре...

— В костре, значит. А свистел зачем?

— Свист помогает спровоцировать дух костра на общение.

Пауза.

— И давно ты общаешься с духами?

Он подумал и очень тихо ответил:

— С тех пор, как вышел из навязываемых мне миром представлений...

— То есть лет с четырнадцати?

— Да... — он посмотрел на меня. — Где-то так...

Пауза.

— По-моему, духов надо вызывать не так, — сказал я. — Так ты просто пытаешься вызвать интерес к себе. А духов надо вызывать совсем не так...

— Ну ты так считаешь, потому что ты ничего о них не знаешь... — сказал он.

— Я-то как раз знаю. А почему ТЫ считаешь, что знаешь о них что-то?..

Такой прямой вопрос поставил его в тупик. Наступила длинная пауза. Самодовольная ухмылка на его лице сменялась выражением растерянности, затем наоборот. Я попытался ему помочь.

— Может, у тебя были какие-то откровения свыше?

После длинной паузы он коротко ответил что-то совершенно невразумительное и нечленораздельное с ноткой деланого презрения.

— А ты один приехал или с друзьями? — спросил я.

— А что, и так не ясно? — спросил он, широко улыбаясь.

Больше я вопросов не задавал. Вскоре он ушел на свои добровольческие работы. Или на бесплатный обед.

Я дождался Артиса и Монику, рассказал им о госте и нашем странном диалоге.

— Ты записывай, Влад, — сказала Моника, — записывай.

— Что записывай?

— Все записывай... Ну вот я, например... Веду дневник. Начиная с 2012 года. Вкратце описываю каждый день на Яге...

— А можно почитать?

— Ну там личное... — встрял Артис.

Моника согласилась с ним, но все равно пошла порылась в палатке и вернулась со своей записной книжкой.

— Ну вот, исключив конфиденциальные данные, какая запись вчера была сделана, например? — спросил я.

Посоветовавшись с Артисом и получив его одобрение, она зачитала. Это был набор фраз и слов для вызывания ассоциаций со вчерашним днем. Ее запись оканчивалась фразой «эмоция Влада».

— Поясни за эмоцию Влада... — сказал я.

— Ну вчера, когда мы сидели у костра и началась импровизация... — сказала Моника. — У тебя была такая искренняя эмоция...

Моя эмоция была одним из важных событий за ее день. Как мило. Я не нашелся, что ответить. Просто улыбнулся в ответ.

— Чтобы ничего не забыть, — говорила Моника, — я и веду такие записи. И ты веди...

— Не, это все для любителей, — усмехнулся я. — Я профессионал....

Вскоре Моника ушла украшать ближайший к лагерю бар, Артис тоже куда-то подевался, а я пошел осматривать окрестности... Когда я вернулся, я уже точно знал, где находится, и как туда добраться ночью без фонарика. Вся локация стала мне окончательно ясна. Я написал в наш чат «Триптим» несколько мотивирующих фраз для Эдгараса, Бенаса, Ауримаса и Витяниса, компании которых мне тут сильно не хватало, и снова отключил телефон... Птиц все не было слышно.

В тот день я ходил купаться на речку, готовил гречку с тушенкой, пил свой вискарь, валялся на гамаке... Бездельничал. Безделье — это целое искусство! Вечером мы снова сидели у костра. Артис снова играл на своем барабане, Моника снова играла на трещотке. Рядом с нами снова были какие-то люди, не вызывавшие во мне интереса. Это все было очень однообразно. Выпив достаточно, я пошел спать на свой матрас под открытым небом. Ничего особенного больше не произошло.

На следующий день Артис и Моника включили кришнаитскую музыку с самого утра. Я чистил зубы под «Хари Кришна, Хари Хари». Может, это в итоге и привело к нашей небольшой стычке с Моникой, я не знаю. С самого утра зарядил мелкий дождь. Начиналось все более-менее безобидно. Не зная, чем себя занять, я просто хотел рассказать Артису про своего издателя, которого задержали на три месяца по подозрению в шпионаже в пользу России. Да-да. ШПИОНАЖЕ. Я выдал предположение, что его задержание связано с акцией «Бессмертный полк» на 9 мая, одним из организаторов которой он вроде как являлся. Я, конечно, старался говорить без нравственных оценок, лично меня поразил сам факт того, что органы-то могли предъявить ему что-нибудь *реальное*, точно могли, уж я-то знаю. Но предъявили шпионаж. Раздули в прессе. По ходу это угнетение *инакомыслящих!* — сказал я. — Если раньше всем было насрать на твое мнение, то теперь нет. Заключают нахуй.

Но разговор пошел совсем не туда, куда я хотел. Я снова недооценил культурные различия между нами. Артис подвергал сомнению и цеплялся к каждому моему слову. Он автоматически, сразу же занял позицию литовских властей. Не разбираясь в теме, он начал оправдывать запрет на проведение мероприятий в честь победы во Второй мировой, хотя власти в Литве еще до этого не дошли, сам президент возлагал венки у Панеряйского мемориала на 9 мая в этом году. Но Артис был не в теме. Я-то как раз и хотел сказать о том, что речь тут о свободе слова в стране моего гражданства, а не о политике в принципе, ведь я сходу мог бы вспомнить еще несколько подобных случаев — и только из числа людей, с которыми я когда-то был знаком. Или они все шпионы? Но он уперся, как баран. Мы вообще из-за всего этого начали упускать нить беседы.

Когда я спросил, почему он так придирается к моей истории, он сказал, что дело тут не во мне, ему просто не нра-

вится политика России в целом. Здесь у него, мол, четкая позиция...

Ну, у меня-то никакой четкой позиции не было. Вертелась только в голове мысль: «Почему ты выделяешь политику России из политик других держав? Что такого *особенного* делает эта твоя Россия?» Почему политики выступают с жесткой критикой России, я понимаю. Сам бы, может, этим не брезговал, будь я политиком. Но почему это делает он? Да потому что маленький он и живет в своем мыльном пузырике.

На середине моего очередного монолога Моника пошла украшать лагерь. В этот момент и Артис утратил интерес к беседе со мной, что меня не могло не возмутить. На самом важном месте, когда я уже доказал все предпосылки, подвел его к сути, когда, если следовать нити разговора, мне объективно очень сложно было что-то возразить, он опять хочет спрятаться за юбкой Моника, а потом скажет, что это он *из чувства собственного достоинства* просто не хочет продолжать спорить... с ватником! Или не скажет. Подумает. Но на этот раз у него ничего не выйдет! Ну уж нет, так просто он не уйдет! Я настойчиво пошел вслед за ним, несмотря на очевидную угрозу со стороны Моника. Он явно занервничал.

— Влад, нам с Моникой нужно еще многое по лагерю сделать... Понимаешь? Нам нужно РАБОТАТЬ, — с мольбой в голосе произнес он. Но меня таким фактически слабым и несостоятельным аргументом не прошибешь!

— Еще и нахуй меня посылаешь! — воскликнул я. — Охуенно!

Артис не знал, что ответить. Стоял, растерянный. И тут ВМЕШАЛАСЬ МОНИКА. В ярости она похожа на самку леопарда, защищающую своих детей. Сверкая глазами и задыхаясь от ярости, она сказала:

— ВЛАД, АРТИСУ НАДО РАБОТАТЬ. ХВАТИТ ПРИСТАВАТЬ К НЕМУ СО СВОЕЙ ВАТНИЧЕСКОЙ ЕРУНДОЙ!

Это был нокаут.

— «ВАТНИЧЕСКОЙ ЕРУНДОЙ»! ЗАЕБИСЬ, БЛЯ! — воскликнул я и, понуриив голову, заковылял к своему раскладному стулу.

— Влад, ну не обращай внимания! — опомнилась Моника.

Я не ответил. Наступила тяжелая, тяжелая пауза. ХАРИ КРИШНА, ХАРИ ХАРИ. ХАРИ КРИШНА, КРИШНА ХАРИ! — раздавалась по лагерю незамысловатая мелодия.

— Влад... птицы поют, слышишь? — сказала Моника.

Я что-то промычал в ответ... Но она была права! Сквозь это ХАРИ КРИШНА можно было различить птичье пение, ну надо же! Оно действительно было. Только Моника преувеличила — на самом деле это было одинокое пение одной маленькой ебанутой птички! Которая заблудилась, а сюда залетела по совершенной случайности! И беззаботно пела она только потому, что наивна! Я сидел и *чувствовал* себя той безумной, безумной птичкой...

Через некоторое время ко мне подошла Моника. Присела рядом на корточки. Поэтому, когда она говорила, ее глаза находились ниже моих глаз, несмотря на то, что я сидел на стуле.

— Влад, я хотела сказать... Прости меня... Меня охватила дурная эмоция, и я сказала слова, которые не должна была говорить...

Как же это было благородно с ее стороны! Как мудро! Как красиво! Моника однозначно была силой, с которой надо считаться. Будучи долбоебом, я что-то там пролепетал про суть нашего с Артисом спора, но она, едва дослушав, сказала, что это я сам потом, если захочу, обсужу с Артисом... Нда... Мне совершенно нечего было возразить...

Через десять минут они закончили свою «работу» и решили пойти искупаться. Пригласили меня пойти вместе с ними... Я плелся за ними следом и сжимал в кармане свой нож. Меня это успокаивало.

Там, куда мы пришли, было два спуска в воду. Мы воспользовались разными... Я вышел из воды раньше, чем они. Стоял и наблюдал за их худыми незагорелыми телами... Особенно за Моникой. Потом мы пошли обратно, и я снова шел за ними следом, сжимая в кармане свой нож. «Я сжимаю свой нож, я сжимаю свой нож, я сжимаю свой нож!» — лихорадочно думал я.

Когда мы вернулись, Хари Кришну они больше не включали, что было, разумеется, некоторым облегчением.

К вечеру этот мелкий дождик, который блядски моросил весь день, превратился в ливень. Свой матрас я прислонил к палатке, а одеяло и плед забросил внутрь. К нам заглянули двое добровольцев. Вернее доброволец был только один, другой же (мужчина под пятьдесят по имени Кеша) работал по контракту; по словам Артиса и Моники, организаторы Яги нанимали его как строителя уже двадцать лет. Неофициально он был начальником всех добровольцев. Это он расхаживал между палатками в семь утра с заведенной бензопилой... (К этому времени сам я, как правило, уже бодрствовал).

Заботливую хозяйку Монику не устраивало, что я сижу где-то отдельно, и она позвала меня расположиться у стола, чтобы принять участие в общей беседе... Я подсел, но за все время беседы не вымолвил ни слова. Для меня их речь была просто фоном. Просто фоном. Как и дождь...

Кеша пил пиво, а дождь все не переставал. В разговоре он признался, что нюхнул дорожку тут пару дней назад. Видно было, что для него это крайне редкое развлечение, а рассказывал он это просто, чтобы казаться в теме. Это единственное из его историй, на чем мне ненадолго удалось сфокусировать свое внимание. Посидев и проболтав с Артисом и Моникой около часа, они ушли. Дождь все шел и шел, мы сидели за столом уже втроем, и о чем-то вяло разговаривали... Одна Моника была почему-то необыкновенно оживлена. Уже стемнело. Примерно раз в минуту с самого боль-

шого тента мощной массой падала на землю вода. Я решил, что эту ночь я буду спать в гамаке, а завтра попробую спустить воздух из матраса, засунуть матрас в палатку и заново его надуть. В конце концов, так и задумывалось изначально... Периодически Артис вставал и с помощью палки сливал воду с тентов. Но это было совершенно бесполезно. Дождь шел очень сильно, все старания Артиса пропадали даром. Я сидел неподвижно.

— Я рада, что ты здесь с нами, Влад... — сказала Моника, подойдя ко мне.

Эх, Моника... Мне нужно было ей ответить то же самое, но слова застряли у меня в горле. Просто в тот момент я был не очень-то этому и рад. Бывает же такое?.. С большим удовольствием я бы провел ту ночь в одиночестве, чем сидя с ними двумя... Но не буду же я так говорить этому милому созданию... Это было бы по меньшей мере неприлично... Я хотел как-то выкрутиться, что-то ответить. У меня было на это около десяти секунд. Я так ничего и не придумал. В моем сердце была пустота. Будучи тугодумом, я промышчал что-то нечленораздельное... Она так и не дождалась. Вздохнула...

Дождь все не переставал. Посидев с ними еще некоторое время, я пожелал им спокойной ночи, почистил зубы и расположился в гамаке. Слышал, как они чистили зубы, о чем-то переговариваясь... Потом ушли в палатку... Кап-кап-кап-кап-кап-кап-кап-кап...

Когда я проснулся, дождя уже не было. Взошло солнце. Скоро начнет припекать. Я выпил воды, поссал, посрал, почистил зубы. Позавтракал овсянкой быстрого приготовления, попил чай. Артис и Моника еще спали. Пришло время *заняться делом*. (Надо сказать, что если бы не Артис, то в этот день я бы и поправил свою палатку.)

В общем, сначала я вынул из палатки все вещи и протер дно одной из своих маек, которую решил использовать как тряпку. Затем я выпустил воздух из матраса, засунул его в палатку и заново надул. Все работало! Матрас идеально помещался в палатку! На нем я буду лежать, укрытый от дождя, если он еще будет, и назойливых взглядов отдыхающих, которые начнут прибывать завтра. Затем я почистил печку и собрал дров — из тех, что были более сухими. Артис и Моника проснулись и начали заниматься своими делами, в том числе развешиванием украшений в лагере. Я решил сходить за водой. Взял обе канистры по 20 литров и прихватил полторалитровую пластиковую бутылку (ее приходилось использовать, поскольку подставленную под источник канистру удавалось наполнить только наполовину). Идти до источника — минут восемь-десять. Обратный путь занял чуть больше времени. Особенно мне мешала эта чертова полторалитровая бутылка, которую я тоже решил наполнить. Но я все донес без проблем, иногда давая короткий отдых предплечьям. Потом ходил на речку искупаться. Когда я вернулся, Артис пилил бревно. Он старался, но силенок у него явно было маловато. Я по-джентльменски забрал у него пилу и за раз, без остановок, перепилил все бревно. Все это, а особенно матрас, поместившийся в палатку, мне здорово подняли настроение.

Поев, я начал о чем-то беззаботно разглагольствовать. Уж и не помню, о чем. Но в своем монологе я скорее всего употребил слово «взрослость». (Возможно, я, закончив, какую-либо историю, самодовольно сказал: «Вот, что значит взрослость!») Это я так считаю, потому что Моника перебила меня словами:

— Да ведь ты сам-то не взрослый!..

На этот раз этот прямой джеб от бабы меня совершенно не смутил.

— Ну, это зависит от критериев, по которым рассматривать, — сказал я, улыбаясь. — Вот что тебя, Моника, заста-

вило сейчас сказать эту... (глупость — чуть не сказал я) ... фразу?

— Ну я просто хотела сказать, что ты слишком много работаешь, что ты замкнул свой мир на одних только своих переводах... Мир не заканчивается на одной работе... Надо наслаждаться жизнью... Бывать везде почаще...

Милое создание! Я ответил так:

— Но вообще, Моника, *если ТЫ позволяешь себе выдавать свои психологические наблюдения в такой манере, то и Я ТО-ЖЕ не буду стесняться...*

(как будто я бы «стеснялся», если бы она себе этого никогда не позволяла).

Пауза.

— Но не сейчас, не сейчас... потом... — я усмехнулся.

Почему-то усмехнулся и Артис. Победенная, Моника сказала:

— Я просто хотела высказать свое мнение...

— Да, конечно, я понимаю... все нормально!

В общем, снова оказавшись без работы, я сидел на бревне или стуле,пил вискарь и наблюдал за всеми. Через некоторое время Артис показал мне кучу веток, досок и пней, сказав, что это все мусор, а сегодня, мол, последний день, когда можно жечь костры, где вздумается. И попросил меня этим заняться. Я был ему очень за это благодарен. Он подобрал самую подходящую для меня работу. Жечь костры — это одно удовольствие... Главное тут — побольше дров!

Костер горел хорошо, очень хорошо. Убивать время за этим занятием — милое дело.

А вечером приехал Аугустинас. Тот самый парень, который в прошлом году «посматривал на меня из-за угла с недобрыми намерениями», когда я посматривал на Гинтаре (Шаманшу) с добрыми... На самом деле мне тогда *показалось*, ведь это был хиппи, с трудом умеющий испытывать даже чувство ревности. Потому что он хороший человек?

Нет, потому что он хиппи. Тоже тощий, костлявый, никогда не занимавшийся спортом, как и Артис. Тоже с длинными волосами. Он поставил свою палатку рядом с нашим лагерьем. Это была та же самая палатка, в которой год назад проводились «магические» обряды. В этом году предчувствие мне говорило, что палатка будет пустовать (так и случилось), так как Гинтаре не будет (об этом она написала в общий чат еще утром). То, что он расстался с Гинтаре, было первым, что он мне рассказал. О причине я не спрашивал, она мне была ясна уже сходу.

— Мы с ней как бы образуем единое целое, — сказал он, — то расстаемся, то снова сходимся...

— Так тебе больно, что вы расстались?

— Нет, вовсе нет...

— Ну тогда это не единое целое, а просто фантазия, — сказал я. — Представь себе, что чувствуешь, когда от тебя, например, отрывают руку! Слушай, а на чем ты будешь спать?.. — решил я не углубляться и перевести тему. Все равно чужая душа потемки.

— В палатке, на земле, у меня есть одеяло!

Этот спартанский подход мне в нем понравился. Я угостил его виски, мы закурили. Поболтали о всякой чепухе. Надо сказать, что он из Кельме, городишки населением в 10 000 человек. Как и Гинтаре, шаманша. Как и Эдгарас (член Tripteam! который приедет только в пятницу, так как у него начались отношения с девушкой, которая в этот день работает). Как и те двое парней, с которыми ко мне подошел Аугустинас. Аугустинас зарабатывает себе на хлеб тем, что делает татуировки. Делает он еще и музыку — на какой-то компьютерной программе, — но денег с этого не зарабатывает. Сам он невысокого мнения об этой музыке, но другим хиппи нравится. Мы сидели за общим столом вечером, и я немного порасспрашивал о его творчестве. Оценив, что я сижу в общей компании и просто поддерживаю общий разговор (чего не было, когда тут сидел Кеша с доброволь-

цем вчера вечером), Моника, проходя мимо, положила мне руку на плечо. Это означало, что она рада. Что она рада, что все хорошо.

Ну наконец-то четверг! Первый день фестиваля. К вечеру приедут Бенас, Ауримас с Витянисом. Лаймис со своей девушкой. Да с самого утра людей явно стало больше, но это, конечно, ни в какое сравнение не шло с прошлым годом. Тысяча проданных билетов (или почти тысяча), плюс больше сотни добровольцев, плюс участники. Плюс обслуживающие. Но все равно людей было раза в три-четыре меньше, чем год назад. Я поделился этим наблюдением с Артисом. Даже здесь он почему-то не захотел соглашаться со мной, аргументировав, что, мол, завтра еще многие приедут... (завтра приехали немногие).

Нужно было перегнать машину в паркинг, находящийся километрах в четырех от лагеря. Внизу, возле главной сцены, я увидел бесцельно бродящего Аугустинаса. Остановился, предложил ему проехаться и прогуляться вместе со мной. Он был не против. В пункте выдачи паркинг-талон я забыл телефон, но нашел его там на обратном пути минут через сорок. Надо сказать, что больше за время всего фестиваля я ничего не терял. В отличие от прошлого года, когда умудрился за день пять раз потерять футляр с очками и травой и пять раз его найти (в разных местах за пределами лагеря).

Обратно мы шли пешком. В один момент я шел спереди, без майки, и Аугустинас сказал: «Знаешь, кого ты мне напоминаешь, Влад?». «Кого?» «Кастанеду!» (Судя по всему, Кастанеда популярен среди литовских хиппи. Даже Артис, прочитавший в жизни только несколько книг, читал Кастанеду.) Это был сомнительный комплимент, поэтому я сказал то, что говорил уже Артису: «Знаешь, почему мне не нра-

вится этот... писатель?» «Почему?» «А очень просто! У него была группа учеников!... Он учил их духовному пути... Под конец, правда, он им сообщил, чтоб они шли нахуй, но только под конец! Что он там о себе думал? Учитель, бля! То, к чему он пришел под конец жизни, я понял в самом начале!». Ни Артис тогда, ни Аугустинас сейчас ничего на это не смогли возразить.

Мы продолжили нашу беседу.

— Вот как ты думаешь, Аугис, — сказал я. — Чего ждет от тебя Бог?

— Ого, какой вопрос! Ну я не знаю... Думаю, он хочет, чтобы я как можно больше был открыт, расширял свое видение, может...

— И в кого ты превратишься в итоге? Что ты должен увидеть?

— Ну я не знаю на самом деле, — сказал он. — Вообще, если честно, я потерян...

Я промолчал. Мы все были потеряны, если уж на то пошло. Но у меня нет времени больше на это, на потерянность. Я знал, что когда мы вернемся в лагерь, вряд ли я заговорю с Аугустинасом в эти оставшиеся дни Яги первый, если мне ничего от него не будет нужно, хотя ничего против него лично я не имею.

После обеда приехали Ауримас с Витянисом. Они приехали на машине из Гамбурга, ехали около шестнадцати часов. Выглядели немного усталыми, оно и понятно. Первое, что я спросил у Ауримаса после дружеских приветствий и объятий:

— Колеса привез?!

— Нет, — сказал он. — Мы с Витянисом вообще, Влад, не употребляем больше ничего такого. Только грибы и лсд!

— Это что, шутка какая-то? — спросил я.

— Нет, серьезно... Мы завязали с нового года.

— Да ладно тебе. Один раз в году... Я с прошлой Яги ничего не употреблял... Почти. Один раз в году можно...

— Ну Бенас еще приедет, — сказал Аурис. — Он точно составит тебе компанию... Мы не будем.

— Так ты вообще ничего не привез? — спросил я.

— Только немного травки и кету, — улыбнулся Ауримас. — Будешь кету?

— Блядь. Нет.

Я скрутил косячок. Вот попадалово.

— Артис! Моника! — сказал Ауримас. — Мы мало того, что больше не употребляем никаких колес, кокса и так далее, мы вообще *изменились*, мы даже стали сортировать дома мусор!.. — Ауримас застыл в ожидании похвалы.

Артис и Моника похвалили. Очень довольно улыбались. Я продолжал вопросительно смотреть на Ауримаса.

— Блин, какой Влад злой! — сказал Ауримас, не оглядываясь на меня. — Вы только посмотрите на него! Он обиделся на меня из-за того, что я завязал с колесами!

Артис с Моникой посмотрели на меня.

— Да не, не... — сказал я. — Все в порядке. Мы с Бенасом вдвоем потусуемся...

Ауримас установил палатку, по ходу дела яростно упрекая брата Витяниса в его безалаберности и неумении понять, что от него требуется. Затем они повесили свои «гамаки» — или то, что, как они думали, является гамаками. На самом деле они купили спальные мешки в гамаки. Они бы и десяти килограммов не выдержали, если их вешать отдельно от гамаков. В общем, места креплений веревочек оборвались.

— 70 евро каждый! — грустно сказал Ауримас. — Витянис! Я сплю в гамаке, а ты в палатке!

Витянис что-то начал возражать, и я не помню, как там среди них все распределилось (полагаю, что в пользу Ауримаса), так как пришел бывший парень шаманши Аугустинас, у которого, я знал, есть пара колес.

- Давай по половинке? — сказал ему я.
- Ты хочешь колесо?
- Да. По половинке.
- Давай...

Видно было, что он рад моей просьбе. На всякий случай я предложил ему денег, но он отказался. Мы съели по половинке колеса. Сразу после этого я его покинул — пошел осматривать территорию начавшегося, наконец, фестиваля.

Да, Яга, наконец, началась. Уже стемнело. По лесу раздавалась атмосферная музыка. Лазерное шоу. Но на этот раз меня это как-то совершенно не впечатляло. В конце концов, было все то же самое, что и в прошлом году, только слабее. Оно и понятно — из-за введенных правительством в связи с коронавирусом ограничений, людей меньше, а, значит, и денег меньше. Да и чего я вообще хотел? Волшебство и любовь?.. *Уж не бесплатно ли?* Отстояв небольшую очередь у туалетов, я поссал и вернулся обратно.

Когда я вернулся, вместе с компанией из нашего лагеря за столом сидела какая-то баба лет тридцати и какой-то непонятный вычурно одетый парень. Вместе они чем-то напоминали лису Алису и кота Базилио. По ее глупой и развязной речи мне показалось, что она в говно. (Но потом выяснилось, что она всегда такая). Я сел на единственное свободное место — рядом с ней. Мы пили текилу — по литовской традиции, когда компания пьет по кругу из одной стопки.

В общем, эта баба прямо там за столом начала оказывать мне незамысловатые знаки внимания. «Красивый!» — сказала она и рассмеялась. Потом спросила, как меня зовут, сколько мне лет, женат ли я, есть ли дети. После каждого вопроса выразительно смотрела мне в глаза. Говорила очень развязно и еще более развязно смеялась. Ожидала, что я утащу ее в палатку... Ее спутник улыбался и молчал. Еще

один хиппи. Человек семь слушали наш разговор. Она даже спросила, какой у меня рост... Не знаю, зачем ей понадобилась эта информация... У нее явно было маловато интеллекта. И в тот конкретный момент это меня не возбуждало; в общем, я побрезговал ею. Как-то ретировался, выждав нужный момент, пошел попить воды на нашу полевую кухню. Потом скрутил косяк — лично себе.

(Забегая немного вперед, скажу, что несмотря на то, что травы в этом году я купил в два раза меньше, чем в прошлом, и находился в лесу на два дня дольше, травы хватило на все время. А курили мы постоянно. Трава была не только у меня — Бенас, Лаймис и другие постоянно крутили косяки из своих запасов... А все потому что Вошкис не приехал, решили мы. На Вошкиса в прошлом году уходила вся трава! Но на этот раз желающих одолжить ему денег не нашлось...)

В общем, я снова пошел ненадолго прогуляться, а когда я вернулся, Бенас уже был на месте. Наспех устанавливал свою палатку. «ГДЕ ВИТАС?! — сказал он. — Курва нахуй, ГРИБОК. Предложил мне ОДИН МАЛЕНЬКИЙ ГРИБОК!» Я был чертовски рад его видеть. Мы обнялись. «Че, Бенас, есть колеса?» — спросил я. «Бля, есть короче мдма, кристаллы. Могу поделиться сейчас. Купил вот за 50 евро, дорого. Завтра купим колеса, отдашь колесами. Будешь?» Меня не надо было уговаривать... Мы тут же ебанули кристаллов. «Бенас, пей больше воды!» «Ха, мудрость, Влад! Заебись, заебись ты все говоришь!».

Увидев за столом эту бабу, Бенас пришел в восторг. Оказывается, он видел ее на фестивале *klaipeida sound* в этом году. Она там колбасилась, как сумасшедшая, и вела себя точно так же, как и здесь. Ауримас внимательно выслушал рассказ Бенаса. Потом Ауримас сел за стол, вернее, скажем так, подсел к героине рассказа Бенаса... Через пару минут он и она ушли к нему в палатку...

Увидев, что Бенас и Лаймис отошли в сторонку, я немедленно направился к ним.

— Че вы тут мутите?

Они употребляли кристаллы. Я получил вторую порцию. Запив водой, мы с Бенасом вернулись за стол.

— АУРИС! — закричал Бенас. — Ты че там в палатке делаешь?

Пауза.

— Сплю! — был ответ.

— Спишь? А я думал, что ебешься!

Мы посмеялись. А через минут пять Бенас махнул рукой, и мы втроем (Бенас, я и Лаймис) доели, что оставалось от кристаллов. Стало кайфово. Но вскоре Лаймис пошел блевать. А вслед за ним и я. Из нас троих Бенас единственный не блевал. Сукин сын! Хохоча, он сфоткал меня блюющего, вид сзади. Лаймис хотел употребить кокс, чтобы его отпустили колеса, но, забравшись к нему в палатку, я отговорил его от этого. Он согласился с тем, что я прав. И вышел из палатки.

Девушка Лаймиса предложила прогуляться до речки. Мы подхватили эту идею, и лагерь опустел. Оставался только я, чего-то забывший и в полутьме искавший. Возможно, свой фонарик. Или скорее воду. И усталые с дороги Ауримас и Витянис, которые к этому моменту уже реально спали.

...Повернув голову, я увидел два знакомых силуэта, про которых совершенно забыл, — знакомые силуэты Артиса и Моники. Они тихо сидели друг рядом с другом во тьме... И молчали. И чуть не напугали меня. Мне показалось, их молчание было несколько осуждающим. Хотя... Может, это мне так только показалось? Последние пару часов я совершенно упустил их из виду. Оно и понятно — сложно себе представить их активно общающимися в такой громкой компании. Я подошел к ним вплотную.

— Хорошо, что вы здесь... — сказал я. — Я, конечно, сейчас под мдма и все такое, но все же я скажу это. Я... хорошо к вам отношусь... Простите меня, если я иногда... если я что-то иногда не так делал, делаю сейчас или сделаю в будущем... а я ведь точно еще сделаю... но вы меня простите... Ладно?

Моника улыбнулась и сказала:

— Ладно...

Артис покровительственно потрепал меня по плечу.

Черт, а ведь вряд ли я сказал бы эти слова им трезвый.... Ведь точно не сказал бы? По крайней мере не так искренно. Это все мдма... *Я чувствовал любовь.* Любовь, вызванную приемом дозы наркотика... Это, конечно, ненастоящая любовь... Но в данный момент ненастоящая любовь это лучше, чем вообще ничего. Если ждать прихода настоящей, можно так весь фестиваль прождать и не дожждаться!

Мне была пора идти, я уже отставал от Бенаса, Лаймиса и его девушки. Мы же собрались идти на речку! Они вряд ли будут, а вот я точно искупаюсь! Я устремился вслед за ними, оставив Артиса и Моникау одних, но в окружении множества огней и украшений, которые они сами же и повесили. Это, конечно, снова был самый красивый лагерь на фестивале...

Бенаса и остальных я нашел у psy-сцены. Это дальше, чем место для купания. Я отозвал Бенаса в сторонку.

— Ну что, Бенас, пошли купаться!

— Я не буду, холодно.

— Я буду. Ты просто составишь мне компанию.

Бенас согласился. Мы пришли к речке. Я разделся догола. Полез в воду, разгоняя водомерок. Снова вспышка фотоаппарата. Смеющийся Бенас сфоткал мой голый зад...

Стоит ли говорить о том, какое удовольствие я испытал, окунувшись в темные и на первый взгляд холодные воды!.. Для меня, привыкшего к купанию в море, купание в реке в окружении леса, тем более ночью, — это особые ощущения.

Я вылез из воды, натянул шорты, надел рубашку, и мы отправились дальше... Посетив все возможные места фестиваля и выпив по пиву, мы вернулись в лагерь. Не знаю, как Бенасу, а мне очень хотелось пить.

К этому времени Лаймис со своей девушкой уже был в своей палатке. Как и Артис с Моникой. Бенас решил, что пришло время для кокса, который я взял у Лаймиса. Я не возражал и достал порошок. С помощью кредитной карточки Бенаса мы сделали по дорожке... Вызываемое MDMA ощущение любви почти сразу же исчезло. Это было ожидаемо — кокс имеет такое свойство, хорошо *прочухивает* почти от чего угодно. Мы сидели и молчали.

— Лаймис! — периодически звал Бенас и из палатки раздавалось:

— М-м-м..

— Спишь?..

Пауза.

— Лаймис!

— Что...

— Выходи давай!

Было уже раннее утро, забрезжил рассвет. «И как это так быстро ночь прошла, а, Бенас?» — спросил я. Бенас согласился, что очень быстро и незаметно. Мы понюхали еще коксу и пошли вниз, к большому костру. Я решил взять с собой плед. Еще мы приготовили косяк.

Внизу, у костра, сидела парочка, они увлеченно обсуждали что-то на английском. Я прислушался, но это была просто болтовня. Они сидели напротив меня. А рядом, слева, за Бенасом, сидели еще двое. Тоже пара. Они молчали. С ними мы и разделили косяк. Те другие, которые сидели напротив, были слишком далеко, чтобы тянуться к ним с косяком, да они и сами не демонстрировали к нему интереса, они были увлечены своей болтовней. Когда я прижег, эти наши соседи слева переглянулись: «Ну, что я тебе говорил?» Бенас передал им косяк. И они курили с мыслью: «Яга — это место,

где все свои, как семья, где еще тебе предложат косяк на улице?». Мы ни о чем не говорили. Просто докурили косяк, они ушли, мы остались смотреть в костер. Через некоторое время к костру подошел тот парень, имени которого я не запомнил. (Тот, который свистел, вызывая духов, в мою первую ночь здесь, назовем его «Свистун»). Он медленно и внушительно подошел к костру и, стоя на одной ноге, опасно приблизил к костру другую ногу... В ботинке. Затем другую ногу. Это повторялось раз пять. Он как бы подчеркивал, что у него с костром особые отношения... Я уже вкратце рассказывал Бенасу о нем и вот мне выпал случай показать его ему лично. Я наклонился к Бенасу и сказал ему об этом. Эту информацию Бенас понял только с третьего раза. Мы приготовились наблюдать за тем, что сейчас произойдет.

К костру подошли еще двое — погреться после купания в озере. Свистун присел рядом с иностранной парой напротив. Вскоре он предсказуемо сказал им следующее:

— I invoke the spirit of fire...

Сначала они подумали, что он артист. По мере их диалога к ним начало приходить осознание. Они пытались уловить какую-то логику в его рассуждениях, но у них ничего не выходило. Разговор продлился гораздо дольше, чем со мной. В какой-то момент один из пришедших погреться парней достал смартфон и сфотографировал «Свистуна». Тот отреагировал на это следующим образом:

— Now that you made my picture, you will die, unless you delete it.

Посмеявшись, парни ушли. По их разговору между собой я понял, что они — одни из выступавших артистов. К нам с Бенасом Свистун не обращался.

— Ну что, пошли? — сказал я Бенасу минут через пятнадцать. Мы ушли, оставив там Свистуна и смущенную иностранную парочку. Эти парень с девушкой, даже осознав, кто перед ними, не могли ничего поделать. Ведь Свистун умел держать паузу...

Укутанный в плед, я подошел к барной стойке и заказал воду. Мимо проходил какой-то парень. У него была модная прическа, в ушах — серьги, на лице — широкая улыбка. Он ласково потрепал меня по плечу:

— Дайте ему, что он хочет, — сказал он. — За мой счет.

— Да я уже заплатил. Но спасибо! — сказал я.

— А, ну тогда все хорошо... Удачи! — он еще раз потрепал меня по плечу и удалился.

— Что он сказал? — спросил Бенас.

— Да хрен знает. Хотел заплатить за меня... Как думаешь, он пидар?

Бенас пожал плечами...

За ночь матрас Бенаса сдуло. И качать его заново Бенас не собирался. Я расположился в своей палатке, на мягком, а Бенас спал на земле. «Если сам о себе не позаботишься, никто о тебе не позаботится, — думал я. — А если и позаботится, то скорее всего он хочет трахнуть тебя в жопу». С этими мыслями я и уснул.

Поскольку использовать мою печку для готовки уже нельзя было в связи с запретом организаторов, да и, собственно лень было готовить, проснувшись и поспав, я пошел в «ближайший бар». Меню было ограничено вегетарианской пищей. (Справедливости ради отмечу, что бар для мясоедов открылся на Яге в субботу). Все стоило очень дорого. К тому же продавец недодал 20 евро (!) сдачи, на что я ему сразу указал, и он дал недостающую двадцатку. Дурака нашел! Сев на подушку у столика под тентом, я впихнул в себя эти овощи...

Вернулся в лагерь. Ауримас и Витянис как раз уходили купаться. Ауримас предложил мне присоединиться. Я согласился, только на пару минут задержался по дороге, так как ходил посрать. После этого я нигде не останавливаясь, при-

шел на речку, но их там не нашел. «Может, они имели ввиду купание на озере?» — подумал я и пошел на озеро. И там я их не нашел. Обойдя всю территорию, я обнаружил их в лагере. Они только-только вернулись.

Отмечу, что подобное за оставшиеся несколько дней случалось множество раз. Если в прошлом году я с легкостью находил своих в нужные моменты и, как сказала Гинтаре, «очень вовремя везде появлялся и пропадал, и ничего не пропустил», то в этом году, стоило мне хоть на мгновение упустить их из виду, как я находил их, только когда совершенно о них забывал, несмотря на все свои усилия.

А через некоторое время появился Эдгарас... Наконец-то! Он приехал со своей невестой. Выглядел счастливым, взволнованным и немного потерянным.

— А где ты установил свою палатку? — спросил аурис.

— Да там, рядом с healing workshop.

— Там, где мороженое с коноплей продают?

— Нет, дальше... Недалеко от спуска.

— Ну так ты DUCHAS тогда! — сказал Бенас.

Пауза. Я, конечно, не думал, что эдгарас — duchas, но я так же не хотел, чтобы Бенас в своих прекрасных духовных порывах остался один в тот момент, поэтому я сказал:

— Да! Я тоже так считаю!

В этот момент я почувствовал на себе взгляд Артиса и Моники. Эдгарас ответил так:

— Ну это ваше личное мнение, которое вы говорите со своей позиции, а у меня другое мнение, которое я говорю со своей позиции...

Из этого ответа непонятно было, обиделся он или нет, но мы на всякий случай перевели тему. Черт, как же я был рад его видеть. Я знал, что времени для общения у нас с ним почти не будет. Он приехал со своей невестой, оно и понятно, он боится ее потерять и сделает ради нее все, что угодно. Горы свернет. При взгляде на его 120 кг фигуру в этом не оставалось никаких сомнений. Она это понимает и ведет

себя уверенно, тонко дергая за нужные ниточки. Они вполне могут сформировать крепкий брак, если она не окажется дурой. Но я бы дал им от силы год... Побыв от силы пять минут, они ушли... Но мы еще встретимся с ним, здесь, на фестивале, поговорим. Такой шанс нам еще точно выпадет.

Через какое-то время к нам пришел какой-то плутоватый парень с трясущимися руками. Что-то было в нем выходящее. Сначала мы подумали, это его так колбасит, но потом выяснилось, что это болезнь. Впрочем, он все равно с удовольствием выпил предложенные пятьдесят граммов текилы. Жалко его почему-то почти не было — наверное, из-за его плутоватости. Не спрашивая, он взял со стола и надел калейдоскопные очки, которые по приколу привез из Гамбурга Ауримас, посмотрел через них на меня и выдал:

— У тебя настоящие эмоции... В тебе есть какая-то серьезность...

— Во мне?

— Да, в тебе...

Возникла неловкая пауза, но он сам же ее и нарушил:

— Слушайте, а вы не собирались забивать косяк? Я бы с удовольствием покурил...

В ответ на это Бенас затушил по меньшей мере треть косяка в пепельнице. И дружелюбно сказал:

— Да не, мы только что покурили...

Черт, Бенас! Я чуть не расцеловал его за это!..

Приближался вечер. Грибы и лед для всех по традиции помог достать Артис (для всех, кроме Эдгараса с его невестой, которые решили привезти «свои»). Сначала мы думали начать триповать днем, согласившись с аргументацией Ауримаса, что «дневной грибной трип — это *гораздо более солнечный* трип, чем ночной». Но потом поддались влиянию Артиса, что вечером будет лазерное шоу, музыка, главное

действие, все вечером, все специально для нас. Лучше, мол, есть в 9 часов вечера. Так мы все и поступили. Только Лаймис со своей девушкой решили есть лсд, а грибы оставить на субботу, но это их личное дело.

Отмечу, что Витас за своими грибами пришел, как только Бенас ушел поспать, что, конечно, не было совпадением. И ушел до того, как Бенас вернулся. Так что очной ставки между ними так и не случилось. В этом году Витас почти не появлялся в нашем лагере.

Я решил съесть три порции, то есть около семи граммов. Столько же решил съесть и Ауримас. Брату Витянису он дал вдвое меньше. Остальные употребили по 1.5 — 2.5 порции. Шоколад немного заглушил неприятный вкус. Вскоре мы всей компанией решили двинуться прогуляться. Быстро темнело, ночь и грибы вступали в свои законные права, постепенно захватив лес, окружающих и меня... Я плелся вслед за другими и как-то не успевал обрабатывать сваливавшуюся и летящую на меня со всех сторон информацию (в виде музыки, света, поведения людей вокруг). В общем, под грибами меня хватило ненадолго. Я потерял координацию и ориентацию в пространстве. Как если бы сильно накурился впервые в жизни. Мне срочно нужно было в палатку. Ноги не слушались. Я и не помню, как я оказался в палатке. Но вроде бы я никому не принес особых неприятностей. Я лежал на своем мягком матрасе в полной неподвижности, и Бенас периодически кричал:

— Влад!

— М-м-м....

Пауза.

— Влад!

— Что?

— Хули ты там в палатке делаешь? Иди сюда давай!

Собравшись с силами я крикнул:

— Я НЕ МОГУ ВСТАТЬ

Раздался смех. Удивительно, что легковес Ауримас, весящий килограммов на 35 меньше меня и съевший столько же, сколько и я, весь вечер провел в активном общении. Из палатки я слышал его веселый голос, смех. Мне хотелось ссать, но я терпел. Лежал в неудобной позе, слышал все, что происходит вокруг, но мне стоила огромного труда даже сама мысль о том, чтобы занять более удобную позу, не то, что сходить поссать. Через некоторое время желание поссать стало невыносимым. Я не хотел обоссаться, мне нужно было предпринять какие-то минимальные (максимальные) усилия. Кое-как выполз из палатки, дошел до ближайшего дерева... Подумал, подумал. Я не мог понять, насколько далеко от меня находятся другие люди. Подумав, я переместился к другому ближайшему дереву. Когда я начал перемещаться к этому другому дереву, я услышал Ауримаса, озвучивавшего мои действия: «Нет, так не пойдет... Поссу-ка я лучше там...» Раздался оглушительный смех. Я поссал... Потом вернулся в палатку. Хорошо, что срать пока не хотелось. Просто не представляю, как бы я в тот момент решал эту проблему...

(Срать, кстати, мне захотелось часа через три, но я уже был способен себя обслужить. У туалета, несмотря на поздний час, была очередь, но я был способен ее выстоять. В туалете жутко воняло, но я был способен... В общем, остальные мои способности в тот вечер были... Притуплены, скажем так. Я сидел за общим столом, как овощ, курил вместе со всеми косяки, и ничего из той ночи больше не помню. Помню только, что Бенас очень много смеялся и ругался матом.)

— Ну что, палаточный! — сказала Моника, улыбаясь.

Как на это что-то ответишь? Я просто заулыбался в ответ. Это было ее утреннее приветствие такое. Мне было

приятно такое обращение. Она вместе с Артисом шла куда-то.

— О да, ты вчера был героем вечера! — сказала девушка Лаймиса (Аугусте) и рассмеялась. Это мне тоже понравилось.

— Можем поздравить тебя с новым рождением? — спросила какая-то заглянувшая в наш лагерь малолетка с круглым лицом, услышав, что я вчера, мол, объелся грибов и почти все время провел в палатке. Она была с парнем, и они рассмеялись каким-то искусственным смехом... Это мне вообще не понравилось...

Сделав свои утренние дела и поев, я употребил две порции лсд (в виде сахарных кусочков). Решил не ждать вечера (забегая наперед, скажу, что есть лсд на следующий день после грибов — не очень хорошая идея, поскольку эффект будет слишком слабым). Потом я сел за стол и начал крутить косяк. А чем еще заняться... в этом блядском раю? Было жарко. Бенас валялся на втором этаже. По-моему, Аугустинас еще в тот момент был в лагере, еще кто-то.

— Прикиньте, какое прекрасное место Яга! — сказал вернувшийся с сидром Ауримас. — Мне недодали 30 евро сдачи в баре, и я это заметил только через десять минут. Вернулся. И мне без вопросов отдали... Как бы доверяя мне... Где еще такое могло бы произойти?!

«Сначала сортировка пластика дома, потом отказ от употребления MDMA на Яге... — подумал я. — А теперь еще и это?» Я не мог не вмешаться, ведь брат Ауримас был в беде! Он стоял на краю пропасти!

— Ауримас! Послушай меня! Со мной произошла точно такая же история, даже дважды. Сначала мне недодали 2 евро. Но я это заметил сразу. А сегодня мне недодали 20 евро. И я тоже это сразу заметил. Я нисколько не сомневаюсь в том, что они каждому ебаному наркоману здесь дают меньше сдачи и отдают наворованное только тем, кто это замечает...

(Отмечу, что мы вдвоем были не единственными, кто заметил недодачу. После фестиваля в группе yaqa gathering в фейсбуке появилась запись одного из участников, в которой он давал организаторам советы на будущее — одним из пунктов был совет продавцам приобрести калькулятор).

Но Ауримас не согласился со мной, посчитав, что продавцы тоже тусят и поэтому такие рассеянные.

— Блядь, ну ты и оптимист! — сказал я.

Бенас, я чувствовал это, придерживался моей версии. Потом я спросил о том же самом у Артиса и Моники, которые проходили мимо меня. Моника промолчала. Артис настаивал на том, что рассеянность продавцов можно понять, так как это же Яга, они тоже триповали всю ночь. В общем, он в точности повторил слова Ауримаса. Это было очень предсказуемо.

Получается, мы с Бенасом были чуть ли не единственными реалистами в нашем лагере... Молодец, Бенас! Что тут еще скажешь! Бенаса голыми руками не возьмешь!

Мы сидели за общим столом. Я сидел и думал о том, какой же Бенас молодец. И вот я, перебив кого-то, говорю, как бы *вынырнув* из своих размышлений:

— Пройдет лет двадцать, и Бенас отрастит большой живот, борода станет гуще и длиннее! Но он будет сидеть вот так же, широко расставив ноги и откинувшись назад, смеяться и так же жестикулировать, вскидывая вверх обе руки и хлопая себя ладонями по бедрам!

Я показал, как именно он это будет делать. Всем понравилось, включая самого Бенаса.

— Точно... А ведь так и будет... — сказал Ауримас.

— Да, заебись, если так все и будет! Значит, жизнь удалась!.. — сказал Бенас и всплеснул руками, хлопнув ими себя по бедрам.

А потом, спустя час, Бенас спросил у Артиса, все там же, за столом.

— Вот скажи мне, Артис, что такое Яга?

Я аж прихуел. Бенас задал ему этот вопрос, как будто бы это я его попросил. Но Бенас действовал совершенно самостоятельно.

Артис предсказуемо оживился.

— Яга — это место, где собираются разные художники, музыканты, всякие интересные творческие люди... они общаются... и все как бы образуют собой одну большую семью... со временем формируешь связи и пускаешь корни тут... как в семье... многие приходят сюда со своими детьми... с самого рождения... представляешь, какими людьми они вырастут?

Этот ответ удовлетворил бенаса, но не меня. Я не мог не вмешаться.

— Да какими они людьми вырастут... не, ну здорово, конечно, что дети где-то бывают, — сказал я, — но вообще их надо в спортивные секции отдавать, чтобы учились здоровой конкуренции. Были дисциплинированными. На шахматы отдавать, на ораторское искусство, вот куда их надо отдавать! Да и нет тут никаких «интересных творческих людей»! А из всей «семьи», по моим наблюдениям, только двое так искренне и идеологически настроены... Это Артис и Моника. Остальные — жулики, плуты, пидарасы или какие-то непонятные долбоебы, — сказал я.

Поморщившись от подобной категоричности, Артис сказал:

— Влад, ну ты всего не видел, со всеми не знаком, всего не знаешь...

— Это так. Но чем дальше, тем больше мне кажется, что это просто пустые слова. Не в смысле твоей искренности, ты, конечно, не обижайся, если что. Ничего личного... Пойми, есть личные интересы, и все руководствуется этими личными интересами, во всем мире, а вся эта идеология — это прикрытие. Просто игра, шулерство, для отвода глаз. Какая еще семья, это просто наркоманский фестиваль, я вообще не понимаю, о чем ты...

Артист ничего не ответил. В целом моя речь произвела на него неприятное впечатление. Бенас тоже промолчал. Но осуждения от него я не чувствовал. Я думаю, сказанное мной во многом соответствовало и его картине мира.

После этого диалога я некоторое время еще посидел за столом, а потом решил забраться на второй этаж, к Аурису. Он без вопросов подвинулся. Я улегся там и наблюдал за сидящими за столом. Приходили и уходили люди... Как знакомые, так и нет... К нам вообще в лагерь довольно часто приходили незнакомые люди, хвалили лагерь, осматривались в нем, как туристы в музее. Часто заходили компании в поисках колес. Но по ходу в этом году мало кто на Яге их получил, ведь их не смогли найти даже мы с Бенасом.

Я так просидел или пролежал на досках второго этажа несколько часов. Я ничего конкретно не думал, просто наблюдал под лед за жизнью вокруг. За людьми снизу. Их жестами, мотивами. Не очень следил за самой беседой. В один момент я услышал снизу короткий, но оглушительный смех какого-то сразу же заинтересовавшего меня человека. Наклонившись, я увидел, что это Эдгарас. Эдгарас пришел! А я и не заметил. Рядом с ним сидел наш вчерашний гость с трясущимися руками. Смеясь своим искусственным смехом, он похлопал Эдгараса по плечу. Того аж передернуло от отвращения, и я слышал, как он сказал ему: Nusiramink, gerai? Nusiramink. Sedėk ramiai čia. (Успокойся, ладно? Успокойся. Сиди спокойно).

Наконец, Эдгарас увидел меня и обрадовался.

— Залезай ко мне! — сказал я.

Он залез.

— Следишь тут за всеми...

— Ага...

— Влад, я хотел тебе сказать, я так рад, что в моей жизни сейчас появились отношения...

— Отлично. Давай об этом поговорим... Это та, про которую ты рассказывал, что она курит больше тебя?

— Нет, с той я расстался. Это та, про которую я рассказывал, что мы с ней давно встречались два года, потом расстались, я все время хотел с ней снова сойтись, и вот мы вместе... Мы серьезно поговорили с ней недавно. О том, какие планы на будущее... И вроде все хорошо.

— Рад за тебя, дружище.

— Да... Я уже думал, все, останусь я одиноким холостяком по жизни. Но нет же! Как все быстро перевернулось!

— Она уже беременна?

— Еще пока нет... — улыбнулся он.

— Ну так еще есть время передумать! — сказал я.

Мы посмеялись.

— Не хочешь поехать на gaia gathering, там не хуже Яги фестиваль?

— У тебя теперь семейная жизнь, — сказал я. — Какие еще фестивали?

— Ну не все так плохо, — улыбнулся он.

— Дорогое удовольствие, эти фестивали, — вздохнул я. — У меня опять тысяча евро ушла. На эти деньги можно съездить куда угодно! Да и что в них такого, в этих фестивалях? Чего ты там не видел? Давай с супругой своей будущей лучше строй отношения, с ней ездите в отпуска разные, рожайте детей, как нормальные люди... *Зачем тебе мы и вся эта наркомания...*

Он снова посмотрел на меня несколько потерянным взглядом. Но с общей мыслью согласился. Он мне доверял. Вскоре пришла его невеста, и он спустился вниз. Я тоже последовал за ним, решил сходить в бар взять сидра. Когда я спускался, парень с трясущимися руками хотел передать мне косяк:

— Влад! Косяк! *Праздник продолжается!* — рассмеялся он.

Откуда он узнал мое имя? Я его имени не знал. Это был единственный раз за все мое пребывание здесь, когда я отказался от косяка. (Скрутил себе сам минут через пять.)

У общих гамаков рядом с chill-сценой я увидел ВИТАСА.

— Как дела, Влад? — спросил он.

— Это просто фестиваль для хиппи, Витас. Это просто фестиваль для хиппи... — ответил я.

К нам подбежали двое детей. По-моему, одного из них, с кучерявыми волосами, я видел здесь в прошлом году.

— Витас, Витас! Пошли, ты обещал достать нам дрова!

— Делай все, что говорят тебе дети, — погрозил я Витасу пальцем.

Они ушли. Я постоял, глядя им вслед. Надеюсь, Витас не рассказывает им про «14 глаз Соломона»... А если и делает это, то только в шутку... Почему-то в этот момент я почувствовал к Витасу симпатию, чего я раньше к нему никогда не испытывал.

По возвращению в лагерь произошел еще один эпизод... Эпизод под названием «Заблудившаяся девочка в лесу». Это была совсем маленькая девочка лет четырех. В сумерках, она, замороженная огнями нашего лагеря, подошла к нему и стояла, смотрела. Для детей этот фестиваль, конечно, не менее круто, чем Новый год (а, может, и круче) ... И вот, стремительно закатывалось за горизонт солнце, а чарующие, усиленные колонками, звуки проникали в самую подкорку мозга. А она одна, в вихре всяких нехристей и чудес, а родители пропали, пропали! Наклонившись и поговорив с ней, Аурис взял ее за руку и повел к сцене. Сцена находилась метрах в ста от лагеря. Я пошел с ними.

Родители нашлись почти сразу. Я видел, как папа улыбался, что-то говоря Ауримасу. Видел я и как засияло лицо девочки, бросившейся к ним в объятия...

— Совсем одна... она была совсем одна... — сказал Аурис на обратном пути, покачивая головой.

— Но ее выручил Дядя Наркоман! — сказал я.

— Точно! — сказал Аурис, в тот день употребивший четыре порции лсд.

В той ситуации эта девочка вела себя очень мужественно... На ее месте я бы точно обосрался... Это все чертово лсд. Как-то незаметно прошла и суббота.

Время неумолимо шло вперед... В воскресенье днем уехал Эдгарас. Он коротко зашел попрощаться. Прошел слух, что и Лаймис с Бенасом к вечеру покинут нас. Я собирался уезжать в понедельник, как и Артис с Моникой, а также Аурис с Витянисом. Во-первых, чтобы полностью прочухаться, во-вторых, вероятность столкновения с полицией была меньше в понедельник, поскольку выезжающих с фестиваля они ждут именно в воскресенье, а, в-третьих, я так запланировал заранее. Я прилагал усилия, чтобы уговорить Бенаса остаться до завтра. Иногда мне казалось, я близок к успеху. Но это было не так.

— ДА Я УЖЕ БОЛЬШЕ НЕ МОГУ! — воскликнул он. — Спать на этой земле, питаться хуйней задорого, курить в таких количествах. Плюс есть у меня кое-какие незавершенные дела.

— Я тебя понимаю, — сказал я. — У меня тоже есть кое-какие незавершенные дела. Но до завтра я останусь. Оставься и ты. Будем нюхать кокс!

(Я тогда еще не знал, что эта баба, с которой у меня были «незавершенные дела» в Клайпеде, в тот момент проходила курс лечения в психиатрической больнице с диагнозом «начальная стадия шизофрении» и что она вообще должна была участвовать в этой Яге добровольцем, но либо отказалась, либо не смогла; об этом она мне рассказала во время нашей второй встречи... Она также сказала: «ТАК ТЫ ДАЖЕ НЕ ВЕГЕТАРИАНЕЦ? И ДАЖЕ НЕ МЕДИТИРУЕШЬ?» Узнав, что я ем мясо и не медитирую, она заметно потеряла ко мне интерес, и третья встреча не состоялась).

— И вообще, Бенас, надуй матрас. Если бы мне пришлось спать на земле, я бы уже давно уехал...

Бенас опять ухмыльнулся.

— Так во сколько ты выезжаешь?

— Да хрен знате, когда Лаймис поедет. Ближе к вечеру.

Чтобы не грустить в этот день, я взял грамм кокаина. (Сначала мы скинулись с Бенасом на половину. В последний момент перед их отъездом я взял у Лаймиса еще половину.). К нам с Бенасом подошел Артис. Он обратился ко мне с несколько, как мне показалось, заискивающим тоном.

— Влад, вот тут за несколько дней скопились бокалы (каждый стоил по одному евро). Можно мы их сдадим в качестве чаевых за лагерь?

— Да, конечно, что за вопрос, — сказал я.

Когда он ушел, я сказал Бенасу:

— Если бы мне нужно было бабло, я бы просто взял все это, пошел бы и сдал. Ни у кого не спрашивая...

— Я бы тоже.

— Ну! Это же РАБОТА, собрать бокалы, пойти, сдать их.

Бенас со смехом согласился со мной. Надо сказать, что смеялся Бенас очень много. Мне запомнилось, что в тот день он раз пять рассказал историю о том, как накануне ночью пошел вниз, к костру. И скурил там косяк. Ни с кем не поделившись. «Все на меня смотрели злыми глазами. А я просто сидел и курил, ха-ха-ха. Мне было похуй. Я никому ничего не предложил. Ха-ха-ха».

Днем еще произошла любопытная сцена. К нам опять пришел этот наш незваный гость с трясущимися руками. В своих трясущихся руках он нес двухлитровую бутылку с водой. Воды в ней оставалось на пару глотков. На этот раз он уже не спрашивал, можно ли есть. Радостно поздоровался со всеми и сел. До его прихода все оживленно общались, но с его приходом у всех стали серьезными лица. Он сел и принялся взглядом шарить по столу. А потом не только

взглядом, но и руками. Увидев мой табак, он взял его в руки, посмотрел, нет ли в нем травки. Не найдя в нем травки, он положил табак на место.

— Бенас, хочешь попить? — предложил он свои два глотка на дне бутылки.

Бенас посмотрел на него, потом на бутылку, потом сказал:

— Нет.

Гость поставил бутылку на землю. Шло время. Он сидел и никуда не собирался уходить. Я чувствовал, что теперь пришло мое время вести беседу.

— Слушай, а ты вообще кто такой, — спросил я, — ты доброволец или кто?

— Доброволец.

— Откуда ты тут нарисовался?

— Я из Каунаса... — заулыбался он.

Пауза.

— В общем, иди-ка ты нахуй отсюда, вот что, — сказал я.

Я видел, как заулыбался Бенас с Лаймисом. По лицу Ауриса тоже пробежала улыбка.

— А можно спросить, почему вы так враждебно настроены, что заставляете вас так говорить... Ведь это — Яга... праздник жизни... Может, у вас был плохой трип? Ну тогда, значит, вы что-то не так делаете...

— Слушай, я тебя не для того нахуй посылаю, чтобы ты задавал мне вопросы. А для того, чтобы ты туда шел.

— А... понятно, — сказал он, — это тоже ответ!..

Наступила еще одна пауза. Никто ничего не говорил. Я, конечно, не хотел ни повышать голос, ни применять физическую силу, ведь это означало бы проигрыш. Но все-таки я тут был как бы вторым лицом после Артиса и Моники, так как прожил тут дольше всех. К тому же я был самым старшим по возрасту (Ауримасу только недавно исполнилось тридцать). Я посмотрел на Витяниса, который смотрел в пол. Потом на Ауримаса. Потом на Лаймиса. Потом я по-

смотрел на Бенаса. Бенас был ближе всех к нашему гостю. В момент, когда я перевел взгляд с Бенаса на гостя (так как он снова обратился ко мне), Бенас рассмеялся и сказал: «Ну, теперь все, держись, дружище...» — и похлопал гостя по плечу. А гость, улыбаясь, сказал следующее:

— У тебя только что было очень забавное лицо, Влад! Такое серьезное...

Я сказал ему так:

— Послушай, мне насрать на твои пидарские оценки, и на тебя мне тоже насрать, ты мне не нравишься, ты мне неприятен, и вообще иди ты нахуй. Понял?

Все опять заулыбались. Бенас даже крикнул. Наступила еще одна пауза.

— Мне долго ждать?..

— Да сейчас, еще немного посижу и пойду.

— Сколько ты тут еще блядь собираешься сидеть?

— Хорошо-хорошо, я ухожу-ухожу. — он забрал свою пластиковую бутылку и ушел-ушел. Остались только свои.

— Ну блядь, — сказал я в полнейшей тишине. — Если он себе позволяет выходить за рамки, то и я себе это слегка позволю... А так он бы тут еще час просидел. Какого хуя?

Молчание.

— *Хороший вайб*, — продолжил я в свое оправдание, — это когда ты приходишь за стол к незнакомцам со словами: «Парни, хотите колес? Угощаю!». Если нет денег, копишь для этого. А не когда приходишь с двухлитровой бутылкой с двумя глотками воды и съешь это Бенасу... «Хочешь, Бенас, попить?» — передразнил я. Бенас согласился. Никто меня не осуждал. По крайней мере, никто ничего не сказал. В тот день я еще пересекся с тем парнем на подъеме/спуске (я поднимался, он спускался), он мерзко мне улыбнулся.

Бенас, Лаймис и его девушка Аугусте и многие другие уехали.

— Остались только самые верные... — сказала Моника.

Кокаина мне хватило на час-полтора. Я бесцельно слонялся по территории Яги (лесом мне это больше не казалось) и откровенно скучал. Даже Аугустинас (Кастанеда) уехал.

А спать я пошел раньше всех, еще не было полуночи. Ауримас и Витянис нюхали свой кетамин, привели в лагерь каких-то людей. Они сидели, пили что-то крепкое. Сидели, в принципе, негромко. Но мне уже вообще не хотелось общаться за общим столом. Я хотел просто спокойствия. Попереписывавшись с бабой, с которой у меня были «незавершенные дела», я выключил телефон, укрылся пледом, перевернулся на другой бок и вскоре заснул, защищенный от посторонних глаз тканью моей палатки.

Наутро я проснулся первым. Почистил зубы, поспал и посрал. Собрал и сложил свои вещи. Съел яблоко. Заварил кофе. Скрутил и скурил косяк. Когда проснулся Ауримас, мы пошли перегонять машины к лагерю. Когда вернулись, Артис и Моника уже складывали свои вещи, снимали тенты.... Yaga Gathering 2020: Celebration of Absurdistan умерла, и, быть может, именно я ее убил, кто знает. Все закончилось, и из сказочного леса сегодня они поедут домой, к маме и бабушке Артиса.

Сначала с ними попрощались Ауримас с Витянисом. Потом я... Я как и приехал в лагерь первым после них, так и уезжал последним перед ними.

На пути к машине я столкнулся с той шлюшкой, которую трахнул Аурис в четверг ночью. Я присмотрелся к ней. Вполне можно трахнуть разок-другой, чего это я в самом деле... Но мне пора ехать... Да и палатка уже собрана... На этой мысли я улыбнулся. Она захихикала, когда я прошел мимо нее.

В тот день у меня трижды шла кровь из правой ноздри — видимо, сказывался вчерашний перебор с кокаином. Но несмотря на эту досадную неприятность, чувствовал я себя отлично. Недалеко от Алитуса мы с Ауримасом и Витянисом (мы ехали двумя машинами) прекрасно пообедали за какие-то копейки...

А за рулем было просто отлично! Просто отлично! Хорошо было *самому* управлять своей красной машиной. Сначала я следовал за белым автомобилем Ауримаса и Витяниса, но потом мы выехали на автостраду, и я потерял их из виду.

Стихотворения в прозе

СКАЗКА ПРО ОДНОГО УПРЯМОГО МАЛЬЧИКА

в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве
жил-был мальчик, который очень хотел
выпить

никаких других мечтаний или желаний у него
уже больше не было —
и мальчик был безумен, и мальчик был отчаян,
и еще у мальчика не было денег, а он
очень хотел выпить

он устал, а заснуть не мог, он был упрям,
но необходимость
в конце концов
вынудила его обратиться к помощи леших,
кощеев и кикимор, что захватили великую
власть
в том тридевятиом царстве! в том тридесятом
государстве!

«ЦЕНТР ПРИЕМА КРОВИ», — вот, куда
направились стопы его! вот, до чего он
дошел!
последняя его надежда! последний оплот!

а внутри его ждала кикимора со словами:
«первый раз?»

«да», — отвечал он, стиснув зубы
«нужна ваша медицинская книжка, анализ
крови, паспорт...»
и опять эта необходимость, необходимость
вежливости!
«да» — отвечал он, стиснув сердце
«да! и в первый раз вы сдаете кровь
бесплатно!..»

но это было выше его сил — и он вышел вон
из помещения...

сел он на лавочку и пригорюнился
«кровопийцы!» — подумал он и горько
расплакался,
осознав всю потрясающую ужасность
сделанного им открытия

а не горько ли, не горько ли
осознавать, что всю его жизнь, всю
драгоценную его жизнь
придется ему платить собственной провью
за несколько глотков жизни!...

и я там был, но яд я пил, и я видел... о! я видел
это очень много раз!
и часто грешное сердце мое замирало: а вдруг?
а вдруг
осуществится невозможное? а вдруг?

НО ДОБРАЛА ФЕЯ ВСЕ ВРЕМЯ ПРОХОДИЛА
МИМО, НЕ ЖЕЛАЯ ПАЧКАТЬ
СВОЙ НАКРАХМАЛЕННЫЙ КАМЗОЛ.

КОШКИ СМОТРЯТ

я люблю тебя — говорит она, но вот что-то
все шепчет мне на ухо, что она не умрет
за меня, и так спокойно, так вкрадчиво
шепчет мне это.

меня переполняет, и я говорю: да черта с два ты
меня любишь! — и, уходя, слышу,
как она бросает что-то в дверь, но вот что-то
говорит мне, что это она делает для того, чтобы
я услышал и оценил, наконец...
может, это я неправ? может, я поверхностен
и попросту слишком часто угрюм? но что-то
говорит мне прижечь новую сигарету
и ответить «мои дела прекрасны»
на соответствующий вопрос

сколько глотков мне еще предстоит сделать,
ожидая, ожидая, ожидая?
я делаю еще несколько и жду, жду, жду, пока эта
чертова ночь говорит, говорит, говорит...

кошки? этой ночью они смотрят на меня
внимательно (их зеленые глаза проникают
в древнее озеро чистого знания). и не стоит
делать все трагичней, чем оно есть, вскоре
я наверняка встречу ее, улыбаясь, — говорит
мне что-то,
но вот кошки

продолжают смотреть, и где-то там
я слышу тихие раскаты грома, и все то,
что только можно знать,
где-то в моей голове,
пока она думает,
что это со мной сегодня не так.

О МОЕЙ БАБУШКЕ

я бывает прихожу в пустой бар, сажусь за стойку
и, разумеется, я покупаю пиво и пью его.
не всегда на это хватает денег, и чаще,
наверное, я прогуливаюсь по улицам. иногда
я заглядываю
к своей бабушке.

ее кухня для меня что-то вроде бара. вернее,
что-то вроде протеста по поводу того, что я
не всегда могу себе его позволить, этот бар.
не знаю точно.

мы сидим на кухне, пьем чай, говорим, и я
разглядываю ее глаза.
она смотрит в окно или в никуда, она
рассказывает про то, что она сегодня видела,
про то, что она видела вчера, как маленький
ребенок 75 лет,
она говорит про то, что сказала ей знакомая,
и про цены на базаре она тоже говорит. я
слушаю,
но я где-то далеко.

я наливаю себе чаю еще, и она говорит:
«так не наливай, наливай вот так...

(она всегда полна ценных советов) так ты
не обожжешься...» я наливаю так, как она
показывает. и она
довольна мной, собой и миром.

«вот я хоть и неграмотная, а такие вещи знаю.
я не глупая. ты не думай, что я глупая! я знаю
много таких вещей, которые ты не знаешь».

я соглашаюсь с ней:

«ты права, но мне не нужны такие вещи.

я слишком крут для таких вещей!»

«ну как! ты вроде умный, а говоришь такие
глупые вещи!»

«я знаю», — говорю я ей.

она разглядывает меня с опаской, она смотрит
на меня своими выцветшими глазами
и молчит. потом жмет плечами и смотрит
в окно вновь.

она выглядит немного расстроенной.

я отрезаю себе ломоть хлеба

и, желая в сотый раз понаблюдать за тем, что
произойдет, кладу хлеб вверх дном. она
огорчается и говорит: «так нельзя делать!» я
снова делаю удивленное лицо, в сотый раз:

«почему нельзя?»

«ну нельзя, это грех, так делать. хлеб всему
голова!»

«а почему он всему голова?»

«да потому что это хлеб, это святое!»

я разглядываю ее глаза, которые смотрят
на меня или в вечность, и продолжаю:

«но почему хлеб — это святое?»

«да потому! что ты будешь делать без хлеба? что ты будешь есть?»

«дерьмо»

«что?»

«я буду есть дерьмо»

она молчит, огорченно глядя на меня, или в вечность,

и говорит: «я тебя не понимаю... ты вроде такой умный парень, а говоришь иногда такие глупости!»

в сотый раз я слышу от нее эти слова,
в сотый раз я вижу ее глаза со все тем же выражением и в сотый раз я кладу хлеб так, как полагается, и она вздыхает и опять смотрит в окно, и говорит мне, что она там видит:

собака...

ее хозяин... (она знакома с ним, он ей однажды помог подняться, и несколько раз носил сумки,

он хороший парень, только блядун большой (так говорит моя бабушка — блядун — и каждый раз

смеется и добавляет: «вот у кого еще есть такая бабушка, которая может так запросто сказать: блядун, — а?»)

я говорю, что таких бабушек нет ни у кого.

я пью чай, смотрю на стол, как, бывает,
на дерево барной стойки, и мало-помалу я
раскручиваю ее на разговор о боге. я люблю
обсуждать с ней эту тему. каждый раз это
случается, когда наступают сумерки, и, чем
больше они сгущаются, тем
больше у меня желания обсудить с ней эту тему.

«ну так есть бог или нет? я хочу это у тебя
спросить, — говорю я ей — как у человека,
прожившего длинную жизнь».
«безусловно, есть! вот ты, когда спотыкаешься,
что ты говоришь в первую очередь? ты
говоришь „о боже“. или „о господи“. без бога
ни до порога».
«нет, я говорю другое»
«что?»
«ты лучше скажи, как ты в него веришь?»
«в кого?»
«да в бога, черт побери!»
«ну как?» — она выглядит очень взволнованной,
ее глаза расширены, ее седые волосы
на серой коже
висят, висят, висят.

«ну как? ну я не знаю как! ну ведь без бога ни
до порога!» всегда, когда дело доходит
до этого, я
чувствую себя старым и ни на что
не способным.
я не могу больше находится там ни минуты, без
бога ни до порога? хм, хм.

и я встаю и говорю, что мне пора идти. она
заметно огорчается, ее тусклые глаза
огорчаются, она выпускает меня и говорит:
«ну, с богом!» я спускаюсь вниз,
закуриваю и думаю о том, зачем же я это делаю.
я делаю это каждый раз, как прихожу к ней.
я иду куда-нибудь, скорее всего домой,
уже горят фонари, в сумерках бегают
беспризорные дети, поднимаюсь
по лестнице, захожу домой,
читаю книгу, думаю о чем-то, чувствую что-то,
потом ложусь спать. а потом
я засыпаю.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

«когда я была в германии и работала там
официанткой, я жила у одной немки, и я
помню,
как она воспитывала своих детей. это было так
красиво, она не позволяла им
смотреть телевизор больше часа в день, и они
ели всегда в одно и то же время
она готовила пищу, в фартуке, они вместе
играли в познавательные
и развивающие игры
они вместе делали домашние задания и даже
утреннюю зарядку
она их очень любила и очень заботилась о них
они и гуляли вместе,
и на ночь она всегда читала им сказки, а потом
всегда целовала их в лоб... это так
красиво... да?
ты бы видел их чистенькие личики!»

«да, ты все правильно говоришь», — говоришь
ты ей
и выходишь в ванную. ты смотришь в зеркало
и лампочка дребезжит, и на тебя смотрят чьи-то
глаза, и ты смотришь в них и кажется ты
смотрел в них всю свою жизнь и так будет
всегда, и до смерти, и после,

и женщина все лежит в твоей постели, а когда
ты возвращаешься, она фотографирует тебя
цифровым аппаратом и смеется: «я ждала,
когда ты вернешься, чтобы тебя
сфотографировать!»
и ты улыбаешься ей,
и чуток смеешься тоже — прямо как она
и ожидает. а потом
вы занимаетесь любовью и огни за окном, такие
странные огни в
такой чистой чудесной ночи, смотрят на тебя
уже вместо
твоих глаз пока не проникают с напором
тысячи пространств глубже самого глубокого
дна. твое сердце немного смягчается, и ты
закуриваешь сигарету,
и ваша неторопливая беседа продолжается.
до поры до времени.

ЦЕЛУЯ СТЕНКУ В ЗАД

когда мне рассказали, что мир — это хаос,
я здорово нажрался и пришел домой поздно
ночью.

ты что, пьян? — сказала испуганная мать, — или
ты под наркотиками?

мир — это хаос, — сказал я, — *****

как ты смеешь..

*****! — заорал я.

прибежал отец, и я здорово вмазал ему ногой
по животу. тогда прибежал брат.

я вновь натянул ботинки и закурил.

больше не возвращайся! — заорала мать. я
провел ночь в каком-то подъезде.

на следующий день я испортил
театральное представление, в котором играл,

тем, что засмеялся в самый
неподходящий момент.

я и зал смеялись вместе.

и вечером я пошел на день рождения друга.

там я опять здорово нажрался и начал бить
бутылки. ко мне подошел один парень.

там же водка, — сказал он мне, — ты че
творишь?

молчать, муравей, — сказал я, — мир — это хаос!
потом я блевал на лужайку возле подъезда,

я блевал и затягивался сигареткой в коротких
паузах.
потом я пошел домой и завалился спать.
утром я зашел на кухню, и отец там решал
кроссворды.
я начал шарить по холодильнику.
ты что делаешь? — сказал он.
что?
ты заработал еду на сегодня? — сказал отец,
холодно глядя на меня.
черт, — сказал я и пошел надевать ботинки.
потом я прижег бычок и пнул камешек.
свет был звуком, звук был мыслью,
ничего не было,
а я был путником по взрывающимся
пространствам, идя квартал за кварталом.

ПАЛЬМЫ НА СТЕНЕ

тогда, как и сегодня, был один из тех тоскливых
дней,
когда темнеет уже в три,
и телевизор выключен, как и радио, и голые
деревья слегка покачиваются, стоят, корнями
в слякоть, мне было лет десять, я сидел в кресле,
укрывшись одеялом, я был один,
и еще кот
он смотрел на стенку, на эти потускневшие
цветные обои, на море, пальмы, на песок
он смотрел туда около часа, потом не выдержал,
прыгнул, ударился лбом, сразу проснулся,
потом успокоился
я взял его к себе

теплый кот с холодным
влажным
носом

мы сидели так вместе какое-то время

за окном проезжает машина,
потом стихает;

верхушки деревьев мерно покачиваются;

уже тогда, наверное, я знал, что это куда лучше
пальм.

ФЕДОР

нам было лет по восемь, его звали
незамысловатым именем
федор
мы были друзьями и сломали дверь в подвал
дома,
где он жил, и нашли там ведро, в которое срали
бомжи,
мы натаскали в это ведро много пластмассы,
бумаги и
прочего мусора и подожгли.
сделав это мы ушли искать еще топлива.
вернувшись, мы увидели, что из подвала валит
густой дым.
мы забежали внутрь и федор начал топтать
огонь
в этом ведре, забыв,
очевидно, про бомжей.
его ботинок оказался весь в дерьме.
и пока он чистил его разными листьями, я
сказал:
а прикинь, весь твой дом сторел бы...
ага...
где бы ты жил?
в подвалах. и срал бы в ведра...
мы, схватившись за животы, валялись на траве.
потом он ударился в религию

под влиянием матери, и от общих знакомых я
однажды услышал, что он
не собирается трахать свою девушку
до свадьбы.
еще какое-то время спустя я узнал,
что он все-таки трахнул ее, так как решил,
что это
как раз при соитии происходит брак...
ах, федор, хитрый ублюдок, даже религия тебя
не испортит.

ПОДОНОК

я отъявленный лентяй, дел у меня мало,
а те, что есть, я не делаю, зато я люблю
принимать душ и пить

несколько дней назад я срал кровью, все болело,
и я думал, что умру, но пить не перестал, мне
хотелось
встретить смерть именно так

«все еще пьешь?»
«да»
«не пей»
«хочу узнать, как далеко я могу зайти»
«упадешь так низко, что не поднимешься»

но я знал, что поднимусь,
я всегда поднимаюсь...

и вот сегодня утром я проснулся и попробовал
подняться
«я не поднимусь еще несколько часов»,
подумал я,
потом вскочил и подбежал к мусорному ведру
и проблевался

потом доплелся до кровати и рухнул

через несколько часов я решил пойти в душ,
внутри кто-то был,
я уселся на полотенце и стал ждать,
ситуация мне казалась забавной, и я никак
не мог уловить в мире ни капли разумности
прошел час, я засек.

девушка вышла из душа и сказала:
— вам не повезло. трубы забились.

«трубы забились», подумал я.
доплелся к себе и рухнул на кровать

на столе, под столом, возле стола, в столе
и повсюду
валялись окурки и пустые бутылки,

деньги заканчивались,

а трубы забились

но зато кровью
я уже больше не срал. мне вообще везет.

более того: я подождал вечера

и сходил в душ на другом этаже.

ПТИЦЫ

мокрые голуби хотят залезть ко мне в душу, а я
черт знает где, покупаю пиво, пьяный.
очередь, передо мной мужчина, на черном
пиджаке его
ПЕРХОТЬ, много перхоти
это невыносимо, я мрачнею, нервничаю
и начинаю стряхивать ее
«что вы делаете?»
«перхоть. я не мог это выдержать»
«ах вот как. спасибо.» «не за что»
теперь нервничает он
какой гнусный тип, думаю
даю детям денег
смеются, подмигиваю
«это вы дали денег детям?»
«я»
«не делайте так больше, хорошо?»
обычный серый день, но мне кажется, все
знают, это я
убил бога.
продавщица кладет мне в пакет
бесплатную конфетку
и многозначительно улыбается
прекратите, говорю,
я не ем конфет.

2 ВАМПИРА

городские власти включили фонтаны пели
птички и все было хорошо, прогуливаясь,
возле церкви, я увидел этого инвалида,
которого видел часто и который все старался
испортить мне настроение, я думал, все
хорошо, и он пропал
но он появился тут снова, и он сказал мне
он говорил это каждый второй раз

«добрый день... не найдется ли у вас...»

«нет, старик! нет у меня ничего!»

«извините...»

он смотрел мне в спину

вечером я вернулся туда снова, его уже не было

я достал сигарету и закурил, глядя на статую
мариин магдалины.
я иногда проходя мимо отпускал грязные
шуточки в ее адрес

я смотрел на нее минут 10, думая извиниться,
но потом ушел, не извинившись

а тем временем птички перестали петь,
сгущались сумерки
и вместе с ними пришла прохлада, я зашел
в ближайший бар...

на следующий день моросило, я шел на работу
и думал о том,
какая блядская у меня работа, я остановился
и сказал ему:
— ты блядский вампир!

следующим утром светило солнышко и птички
пели снова
я возвращался с работы, он увидя меня, отвел
взгляд. я был ему неприятен.

возможно, он думал, что я опасен для его покоя
так же как и он для моего.
но между нами еще не все было кончено.

НАБЛЮДАЮЩИЙ ПАРЕНЕК

она встретила меня у калитки
тсс... — сказала она, — соседи могут услышать

первый и единственный этаж, одна комната
с кухней в углу и ванной, огороженной
бумажными стенами

ее неспящий в это время ребенок, не умея еще
говорить, сразу стал показывать мне
на красивую с его точки зрения вазу,
картину, игрушку, пыль...

«ну что ты все время хвастаешься! — сказала
мама. — дядя может не хочет на все это
смотреть!»

она вырывает из его руки игрушку, и мальчуган,
не зная, плакать ему или нет,
вопросительно смотрит на дядю, то есть меня

«черт! не могу найти его соску! а без соски он
не уснет!»

я делаю вид, что ищу бутылку,
но этот сукин сын все спрятал, как полагается

в конце концов, мать говорит:
«боюсь, муж вернется, пойдем лучше погуляем»
и я был рад, что мальчуган не будет смотреть,
на мужа мне было плевать

мы курим по сигарете во дворе, прислушиваясь
к звукам внутри
«заснул», — говорит она шепотом

далее следует старая, как мир, история.

а говнюк заснул без своей бутылки.

а вот я не смог.

СЛИШКОМ ЗАДРОЧЕН, ЧТОБЫ ВЫТЬ

первым делом придя на работу я поспешно
вьебал пару стаканов квасу, что
не понравилось моей напарнице. и вследствие
чего она
рассказала мне о своем первом муже-
алкоголике, о том,
что алкоголь делает с людьми,
и о других занимательных вещах.

поспешность была моей ошибкой, и я наливаю
себе супчику.

«вот так, — говорит, — покушай супчику
и больше так не делай!»

«как не делай?» — переспрашиваю.

«НЕ ПЕЙ!»

я ем супчик, обдумывая ее предложение, пока
она шурует в мусорке, куда
сбрасывает пищевые отходы для своей
собачки...

я вижу ее зад, но дело в другом: что было бы,
вздумай ее славный песик, помахивающий
 обрубленным хвостиком при виде
 пищи, выть
на луну по ночам, как делали его
 нецивилизованные предки?

верно: его бы усыпили.

и бедный песик больше никогда не посрал бы
 под кустиком,

больше никогда не забрался бы на сучку,

больше никогда не...

так что я решил не сцать по углам и помыл
 тарелку.

было 12 часов дня. ожидался длинный день,
 полный томительных забот.

спина моей напарницы выпрямилась:
«пойду выпью лекарство, — говорит, — а заодно
 принесу шпараговую фасоль».

СОУС С ГРИБАМИ

бывают дни, когда ты не отходишь от меня ни
на шаг

но бывает, ты смотришь на меня, но твои мысли
где-то далеко и твои глаза
странные и холодные

потом ты пьян и отвратителен
и тогда я думаю: «с кем же я это связалась?»,

а еще бывают дни, когда ты выглядишь, как
король, и тогда
я начинаю беспокоиться, но ты
единственный, кто
может меня успокоить если я нервничаю

а вот этот твой знакомый?

ты рассказал про него все от и до перед тем,
как он приехал, но ты ошибся в одном: он —
пустой, завистливый, а не хороший человек
«в конце концов», как ты говоришь

у тебя сейчас такие лохматые
волосы

а теперь ты говоришь, что я намного умнее
тебя, почему?

в тебе сегодня что-то сломалось, ты выглядишь
растерянным, да я и сама растеряна. где те
первые наши две недели?

но я не останусь с тобой до утра, у нас ничего
хорошего не выйдет, я пойду

а ты не вздумай пить,
ты и так уже порядком пьян

завтра я приготовлю вкусные котлеты и соус
с грибами

ты сегодня запачкал мои джинсы

тебе нравятся грибы?

и еще я боюсь того, что может произойти
в будущем,
я боюсь тебя... я хочу красивых детей,
хочу вместе обедать,
постоянно готовить вкусную пищу, а вместе
с тобой я иногда чувствую, что падаю, а нам
так было хорошо

я так много говорю потому, что вино ударило
мне в голову

и не уговаривай меня остаться. у меня и свои
проблемы есть.

ТЕ САМЫЕ ТАПКИ

однажды я надел те самые тапки соседа, когда
его не было в квартире

он пришел, увидел это и сказал:
«влад! я очень ревнив к своим вещам! я бы
не хотел больше никогда это повторять!»
«да. извини...»

весь следующий день я потратил на поиски
таких же тапок, отдал за них
часть последних своих денег

устал ходить

«вот, дорогой, хочу обменяться. ты мне свои
тапки, а эти возьми себе»
он сказал: «нет, влад, я хочу иметь свои, у тебя
нет нормальных тапок, вот будут новые»
«чувак! я настаиваю! если ты не согласишься,
я просто выброшу их в мусорку!»
«нет, влад, я не могу согласиться»

я выбросил их в мусорку, он достал их оттуда
и отдал мне

«ладно, считай это мой тебе подарок»

я положил их в углу. они пролежали там долгое
время,

они и сейчас там лежат

и когда мне бывало одиноко, я смотрел на эти
тапки в углу и представлял, как одиноко
ИМ там

мне становилось еще грустней

а потом мне приходила в голову мысль, что им,
быть может,
вовсе не так уж и одиноко, ведь они — пара,
быть может, даже влюбленная,

два тапка, левый и правый, хорошо
дополняющие друг друга

и кажется, мне становилось немного легче.

но тапки продолжали там лежать.

ИРИНЫ ТАПКИ

я вижусь с ней редко, так редко, как только
могу, как можно реже,
а теперь уже и вовсе не вижусь
в тот раз она пришла и что-то снова заставило
меня чувствовать, и думать,
и существовать в определенном измерении.
«это все чакры» — решил я.

она была здесь, курила, пила кофе,
и она была в тапках иры, надев их без особых
церемоний, словно бы ей так и полагается —
ходить в тапках моей женщины.

и она улыбалась мне, кому же еще! мы были
вдвоем.
она улыбалась мне одному в этом странном мире.
так, словно бы у нас есть свой маленький
секрет.

под названием «ирины тапки».

тапки иры на юле — это очень интимная вещь,
не правда ли?

в общем,
она была в ее тапках

и она улыбалась мне...

а потом пришла ира с какой-то радостной
вестью на устах..

и юля спрятала тапки, но этого оказалось
недостаточным

ведь когда ира пришла, она увидела ее,
открытое вино, и меня, мои дурацкие-
дурацкие глаза

и она сказала: «я, пожалуй, пойду...»

и я не стал ее удерживать...

я подлил себе еще вина...

тогда юля вновь достала тапки, она надела их,
она надевала их медленно, так же медленно,
как тлеет ее сигарета в импровизированной
пепельнице,

и затем она, покачивая бедрами и глядя мне
прямо в глаза, пошла по направлению
ко мне...

и тут раздался звонок на ее телефон, и юля ушла
разговаривать в комнату, а я остался
на кухне, пить
вино один.

и все умерло, выскочило из ниоткуда,
промчалось в сантиметре от цели, и погибло.

так, словно этого и не было вовсе..

мы продолжили общаться, как ни в чем ни
бывало. и когда она ушла,
когда за ней закрылась дверь,
ирины тапки валялись на грязном, давно
не мытом, полу.
я аккуратно положил их обратно в шкафчик.

МОЙ ДЯДЯ

мы сидели вдвоем за столом в доме, который он
построил
за окном была темная крымская ночь
мы допивали виски, оставшийся после гостей,
и я был расстроен
(словами моего друга о том, что он не приедет
в клайпеду ко мне в гости)
а дядя в ответ рассказал мне историю про
своего друга
по фамилии ЗАЯЦ
это была история длиною в жизнь
а потом заяц обиделся на ровном месте
он вообще был капризным мужиком, дяде всю
жизнь приходилось подстраиваться,
и связь прервалась
«он беспокоился, что у него опухоль. попросил
чтоб я нашел ему врача. сделать МРТ.
мне сказали, есть один талон. но это будет
стоить 50 долларов. 50 долларов с то время
была немалая сумма.
я спускаюсь к нему, он дает 50 долларов. отдаю
медсестре. а потом ему врач объяснил,
что МРТ — это серьезная процедура, возможны
осложнения... и он передумал».
«вот как?»
«да, а потом и говорит мне: «а ты можешь
забрать обратно те 50 долларов?»»

я сказал, что нет... и больше мы не общались...»
«но ты себя чувствуешь виноватым, да?»
«да, может, я что-то не так сказал... может, я
как-то не так посмотрел... а теперь я даже
не знаю, жив
ли он».
мы выпили и какое-то время помолчали.

потом я ходил в магазин и принес коньяка.
дядя пить уже не стал.
выпил таблетку от давления на ночь.
вздыхнул
и сел играть в шахматы за компьютер.

я же сел рядом и стал рассказывать ему
о великих поэтах
и великих музыкантах. мне казалось,
у меня это неплохо получалось.
я попивал коньяк.
он меня слушал с интересом. но меня было
слишком много.
и с каждой рюмкой меня становилось все
больше.

он поразминал свою болящую правую кисть
и сказал: «ну, я пошел спать.. поздно уже...»

«надоед я тебе со своей поэзией, да?»

«ну, не всем же быть гениями», — ответил он
добродушно,
и я все понял.

стараясь не напрягать колени, дядя поднялся
по лестнице на второй этаж. А
я остался сидеть и пить коньяк, раздумывая над
его гениальными словами.

ПОСВЯЩЕНИЕ В РЫЦАРИ

раньше я смотрел в зеркало
и я видел
лицо

теперь я смотрю в зеркало и я вижу маску
время убивать.

но я не хочу убивать.

я хочу посвятить в рыцари первого, кто
проведет сквозь эту дверь строителей
рельсов.

МНЕ ПРАВИЛИСЬ СПИЧКИ

это было в первом классе.
я нес портфель какой-то девочке, думая что я
охрнительный ловелас,
дон жуан в летних шортиках.
какая-то старушка, кормящая голубей,
заулыбалась,
провожая нас взглядом;
мне не понравилось это, и я сказал той девочке:
она заулыбалась только что.
кто?
да эта старая сука.
не ругайся. или я расскажу маме.
я замолчал.
и возвращаясь домой, подошел к окошечку
одного киоска.
— спички, — сказал я.
продавщица оглядела меня и сказала
(что это нашло на них всех?):
мальчик, лучше возьми конфетку.. зачем тебе
спички?
нет, — сказал я, — я возьму спички и подожгу
ваш киоск, где миллионы таких конфеток!
я внимательно смотрел на нее, пока она
отдавала мне спички.

потом началась гроза и, чувствуя запах сирени
и мокрого асфальта,
я запрыгнул на лавочку и стал думать,
почему молния и гром происходят
не одновременно.
это было очень странно.

НЕ СМЕШИТЕ МОИ НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ ПУАНТЫ!

сначала она долго смотрела мне в глаза
в автобусе, потом театрально схватила
между ног
моего спутника
написала свой телефон на билетике, используя
для этого спину другого моего спутника,
который счел это весьма молодежным,
и вручила билетик мне

затем пришла в платье в горошек в центр
балтийского кольца

рассказала про себя, она с детства сирота,
балерина

«характер», — думал я, разглядывая ее
внимательней.

она любила есенина, при этом совершенно
не зная русского, но помнила, как мама
читала ей его в детстве

(она верила в то, что родители помогают ей
с небес)

у нее были эти блядские голубые глаза,

это была одна из самых красивых литовок,
которых я когда-либо видел

она испугалась, когда я укусил ее нижнюю губу
во время поцелуя, испугав меня этим
не меньше

она дала почувствовать это «мы», но отказалась
пойти со мной в город, ведь ей надо ехать
в вильнюс, в эту школу чюрлениса, в этот
барак, в котором она заточена
и должна постоянно тренироваться

гладила мои волосы, улыбалась и говорила:
«жалко, что не блондин».

«блондин? почему? у тебя фикс
на блондинах?..»

она не ответила...

сказала, что влюбляется в меня и что ей этого
не вынести в разлуке...

поцеловала меня долгим славным поцелуем...

сменила номер...

я говорю о той самой девушке, которую убил
паулюс топором,
повергнув саулюса в шок, а потом еще поссал
сверху, если вы следите за моим творчеством

мне было 19 лет, когда мы познакомились.

судьба сложилась так, что однажды я выяснил,
что мой сосед по бараку в каунасе,
музыкант, с
которым я познакомился через год после этого,
лишил ее девственности.
такое вот совпадение.
я вот только так и не разобрался — это было
либо сразу до, либо сразу после
нашего с ней знакомства. мы вроде как были
друзьями
с этим парнем, но я часто глумился над ним.
он, впрочем, несильно обижался, но в гости ко
мне он не придет никогда.

а знаете, что произошло недавно?

я совершенно случайно наткнулся на нее снова,
в интернете, и это была

мгновенная подсадка.

все лица прошлого смотрят мимо, это даже
страшно, но ее глаза все так же сияют каким-
то мистическим светом, если вы понимаете,
о чем я.

хотя это может быть ложный свет, конечно.

а теперь она замужем за блондинистым
клоуном с голубыми глазами, который тоже
танцует балет и щупает за жопы других
мальчиков-членов труппы и постоянно
улыбается, улыбается
вы не поверите, все кому я показывал их
совместное фото, все сказали

«о боже! какой клоун!»
он действительно похож на клоуна, я вам
клянусь

я бы мог взять его одной рукой и согнуть
пополам и положить в спичечный коробок

и они живут здесь, в клайпеде,
у них нет детей, хотя они уже, судя во фейсбуку,
10 лет как спят вместе, 7 лет как помолвлены
и 3 года как женаты

комментарию от свекрови, когда же будет дочка,
три года
комментарию от нее же, что «в этот момент
соединились ваши сердца» столько же лет,
сколько и их помолвке

и совсем недавно она, наконец, получила
золотой крест сцены литвы
и расплакалась от счастья, а я
издал свою первую книгу о ненависти
и не испытал ничего, кроме пустоты

она так любила искусство, которое так
безжалостно, что решила, что рядом с ней
будет тот, кто...

черт, у меня нет объяснений союзу этих «людей
искусства».

она преподает, танцует и сочиняет
он тоже, такая вот балерунская парочка
со своим маленьким балерунским счастьем...

«я дарю вам жизнь», — подумал я и недавно,
в день солнцестояния, Йонинес, пошел на ее
спектакль

на нас надели наушники
и повели от переправы до моста, потом через
почту к памятнику рыбаку с дельфином

нам рассказывали о прусской королеве луизе,
как она останавливалась здесь двести лет
тому назад, о чем думала

я не слушал.

(по сути, мы, люди, в наушниках просто ходили
по городу, слушали диктора и звуки и иногда
видели танцующих девушек или детей)

...она увидела меня, конечно, сразу
и показала на меня пальцем во время первого
своего танца мне показалось, она сделала это
грозно

закончив свой танец, она пошла в другое место,
оглянувшись, не иду ли я за ней

я не торопился, ведь, да,

цветы я заранее спрятал за мусоркой на почте

и вот в моих руках эти 13 красных роз, она
увидела это и все поняла, так мне,
по крайней мере, казалось
в танце она рассказала мне свою жизнь
как раз говорили о луизе и ее муже, ее долге
и чести

ОНА: «Где ты был? Нам невозможно быть вместе. Я замужем...»

Я: «Ты все решила сама, детка, и разрази меня гром, если я мог что-то с этим поделать — как тогда, так и сейчас».

я не шевелился

она вышла из дворика и провела рукой
по решетке за моей спиной
я это сначала *почувствовал*,
потом я резко обернулся и увидел это, она
словно бы сказала «но люблю-то я тебя...»

словно бы, да.

когда раздались аплодисменты и танцовщицы
пошли

к музыкальному театру, я окликнул ее,
и там, между тремя цветущими клумбами, я
подарил ей
цветы.

(а также отдал ей счастливый билетик со своим
номером)

она широко улыбалась
я сказал: «дай мне... удовольствие
пообщаться с тобой, например, прогуливаясь
по парку...» она кивнула, глядя на меня очень
понимающе, и сказала: «я не обещаю...»
«да, конечно, я понимаю, понимаю...»

я отошел, сел на лавочку, видел, как она шла
с букетом,
розами, которые я ей подарил...

а потом, на своем балконе, ночью, в грозу, я
думал, что
13 лет спустя я, русский царь,
подарил луизе букет из 13 красных роз...

конечно, царь не будет писать и звонить луизе
и вообще попадаться ей больше на глаза!

...но я — не царь, через несколько дней ей было
отправлено письмо
с повторной просьбой, а она мне сухо
ответила что-то про своего мужа,
как и сделала бы Луиза,
извинившись передо мной за это снова.

«извини? вот именно извини?
не прости?» — переспросил я и,
не дождавшись ответа, добавил
«aš atleidžiu tave» («я увольняю тебя»),
хотя на правильном литовском надо
«aš atleidžiu tau», то есть «я прощаю тебя».

надеюсь, она поняла, что ошибка была вовсе
не в этом.

но это вряд ли.

...через месяц мои пальцы не выдержали, сами
набрали (как будто этого месяца и не было),
при чем, мол, тут муж, если два старых друга
просто поговорят друг с другом, что здесь
такого,
к тому же ему необязательно знать
(я даже поставил пару смайликов в том
сообщении)

«не смейся мои несуществующие пуанты!» —
добавил я, подумав.

на следующий день я все не унимался:
«или ты меня игнорируешь, как будто мы
не знакомы? ты серьезно?
алле!»

и она сразу же ответила:

«эй. все. стоп. знай границы»

и заблокировала меня,

и я даже не успел сказать ей, чтоб катилась
к черту.

я вообще ничего не успел ей сказать,

вообще ничего.

МУРАВЕЙ В ПЕСКЕ

по песку возле моря бегают забавные муравьи.
они очень забавные.
можно сделать в песке углубление, взять
палочку
и скатывать муравья в это углубление, как
только он почти выберется.
мы сражались так около часа. он не уставал. я
не уставал.
мы стояли друг друга.
забавность муравья заключалась в том,
что он все бежал и бежал,
он ни разу не остановился, ни разу не подумал,
ни разу не попытался осмыслить,
что происходит.
я был уверен в том, что он может
это сделать, но что-то ему мешало. бедняга.
он был дураком, он был упорным дураком.
в конце концов, я умилился и закопал его
в песок.
сейчас он лежит там, в песке,
и думает.

ОГЛАВЛЕНИЕ

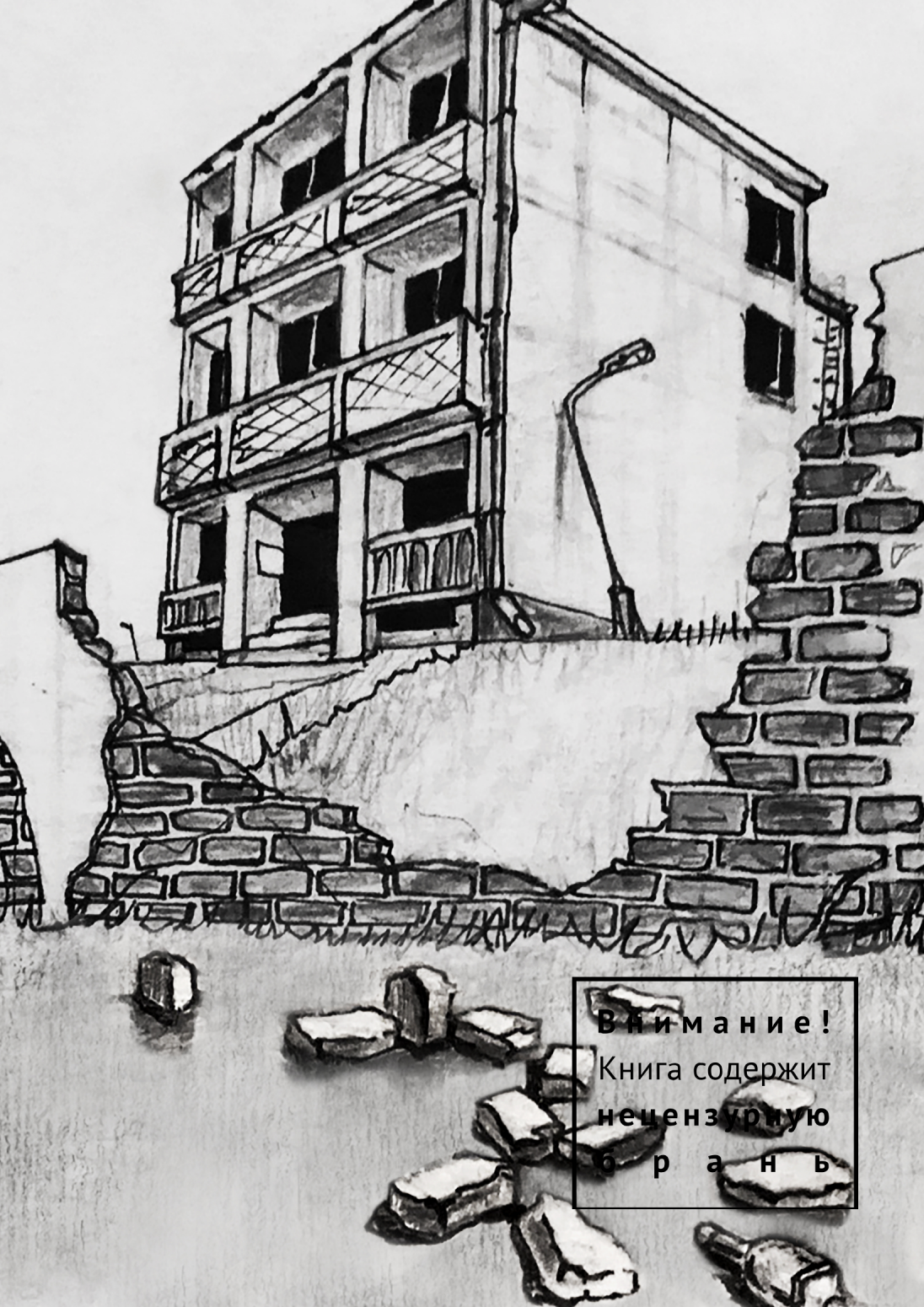
Дисклеймер	3
Рассказы	5
Я собираюсь четверговать тебя, детка	7
Дождь из-под крана	13
Джин в бутылке	20
Жоржетт	27
Задница, сотканная из звезд	30
Портрет	34
Синий Езус	38
Синие птицы	41
Джонни в заднице	55
Клоун	59
Клайпедский Люцифер снова терпит поражение	62
Уличная драка	68
Удача	77
Договор в аду	90
Алеша Икс	95
Тишина	121
Грязные сапоги	135
Подожди до зимы, Артуро	150
YAGA DAYS	164
YAGA NIGHTS	198
Стихотворения в прозе	255
сказка про одного упрямого мальчика	257
кошки смотрят	259
о моей бабушке	261
предчувствие	266
целуя стенку в зад	268
пальмы на стене	270
федор	272
подонок	274
птицы	276
2 вампира	277

наблюдающий паренек	279
слишком задрочен, чтобы выть	281
соус с грибами	283
те самые тапки	285
ирины тапки	287
мой дядя	290
посвящение в рыцари	293
мне нравились спички	294
не смешите мои несуществующие пуанты!	296
муравей в песке	304

Владислав Жижома

В раю не кроют матом

Дизайнер обложки Роман Агеенко
Корректор Игорь Шерстнёв

Внимание!
Книга содержит
нецензурную
б р а н ь